

С. Г. АГАДЖАНОВ

**СЕЛЬДЖУКИДЫ
И ТУРКМЕНИЯ
В XI—XII ВВ.**

АШХАБАД—1973

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. Ш. БАТЫРОВА

С. Г. АГАДЖАНОВ

СЕЛЬДЖУКИДЫ
И ТУРКМЕНИЯ
В XI—XII ВВ.

Под редакцией члена-корреспондента АН ТССР
А. А. Рослякова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЫЛЫМ»

АШХАБАД—1973

Монография посвящена истории Туркменистана эпохи Сельджукидов, образованию Восточносельджукской державы, ее усилению при султанах Санджаре. В ней исследуются политический строй империи Сельджукидов, прерогативы власти султана и везира; функции государственных учреждений — диванов, административный строй, состав государственного аппарата и т. д.

Много внимания уделено хозяйству этой эпохи: земледелию, возделываемым культурам, народной агротехнике, ирригации и орошению, типам кочевого скотоводства, орудиям производства и т. д.

Книга рассчитана на специалистов-историков, литературоведов, преподавателей и студентов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Образование Сельджукского государства было тесно связано с территорией нынешнего Туркменистана, входившего в исследуемую пору в состав Хорасана, Гургана и Хорезма. В 30-х годах XI в. Северный Хорасан стал ареной кровопролитных сражений между войсками Газневидов и конными ополчениями Сельджукидов¹. Многолетняя упорная борьба увенчалась в 1040 г. блестящей победой Сельджукидов над армией газневидского султана Масуда (1030—1041 гг.). Битва под стенами небольшой крепости Денданакан, в пустыне между Серахсом и Мервом, ознаменовала собой рождение нового государства в Западной Азии.

Разгром армии султана Масуда в 1040 г. Туркменистан в составе державы Сельджукидов положил конец газневидскому владению в Северном Хорасане. Сельджукская знать после этого сражения посадила Тогрул-бека (1038—1063 гг.) на трон, воздвигнутый сразу на поле битвы [197, 783]. Захватив Хорасан, Гурган, Дехистан и Хорезм, Сельджукиды организовали в 40-х годах XI в. военные походы в Иран, Афганистан, Ирак, Закавказье и Малую Азию [9, 212—221].

В 1042 г. конница Тогрул-бека заняла Рей, ставший опорным пунктом для продвижения сельджуков в Пер-

¹ В публикуемой книге термином Сельджукиды обозначается династическая фамилия, под управлением которой находились племена сельджуков; последнее название прилагается к объединению племен, основное этническое ядро которого состояло из огузов и туркмен.

сидский Ирак и на Кавказ. Спустя тринадцать лет, сельджукская армия вступила в столицу аббасидских халифов—Багдад. Тогрул-беку в сравнительно короткий срок удалось захватить Иран, часть Ирака, Закавказья.

Завоевательные походы Сельджукидов продолжались при султанах Алп-Арслане (1063—1072 гг.) и Малик-шахе (1072—1092 гг.). Крупнейшей после Денданакана битвой явилось сражение при Манцикерте. В 1071 г. недалеко от этой малоазиатской крепости сельджуки разгромили военные силы Византии. Сам император Роман IV Диоген (1067—1071 гг.) оказался в плену у султана Алп-Арслана [44; 49].

Победа при Манцикерте открыла Сельджукидам путь в глубь Передней и Малой Азии. Дальнейшие военные успехи сельджуков в Западной Азии привели к созданию громадной державы. В правление Малик-шаха границы Сельджукской империи простирались от Сырдарьи до Нила, от Каспия до Средиземного моря [156; 180; 139].

Захватнические походы XI в. способствовали обогащению сельджукской аристократии, вступавшей в тесный союз с феодальной знатью покоренных стран. В условиях режима военной оккупации население этих стран обычно выплачивало сначала контрибуцию, а затем облагалось постоянными налогами и поборами. Подчинившиеся Сельджукидам и признавшие их сюзеренитет местные правители также вносили ежегодные налоги в казну верховного султана [178, 50, 62; 105, 63]. Сама некогда могущественная Византийская империя вынуждена была откупаться и временами даже уплачивать Сельджукидам дань [178, 44—49; 148, 305; 151, 22].

В результате обширных завоеваний в руках сельджукских правителей и военачальников оказалась громадная территория. Члены правящей фамилии получили целые области и провинции в условное держание (икта) и наследственное (мульк) владение [165, 60]. Родственники верховного султана не всегда подчинялись его власти и нередко поднимали восстания против главы династии.

Царствование султана Малик-шаха было периодом наивысшего расцвета сил и могущества Сельджукской

державы. Ряд важных реформ, осуществленных в его правление, стимулировал подъем сельского хозяйства, ремесла и торговли. Образование громадной Сельджукской империи способствовало интенсификации экономических связей между странами Восточной и Западной Азии. Развивалась и торговля мусульманского Востока с Западной Европой, осуществляющаяся через Средиземноморье [139; 156].

Сельджукская держава в пору могущества включала в свой состав южную часть Средней Азии, Иран, Сирию, Палестину, Закавказье и восточные области Малой Азии. Однако уже во второй половине XI в. Сельджукская империя стала распадаться на полузависимые и фактически самостоятельные области и владения.

Раздача верховными султанами целых областей и провинций в качестве наделов привела к тому, что постепенно Сельджукская держава разделилась на мелкие княжества и отдельные государства под номинальным сюзеренитетом «великого султана». Начавшаяся после смерти Малик-шаха борьба за престол, феодальные междоусобицы и движение покоренных народов за независимость способствовали дроблению империи на западную и восточную части¹.

В развернувшейся после 1092 г. ожесточенной династической борьбе участвовали различные слои господствующего класса. Наиболее острыми были противоречия между феодальной знатью Хорасана, Арабского и Персидского Ирака. Овдовевшая султанша Туркан-хатун добивалась возведения на сельджукский трон своего трехлетнего сына Махмуда. Вокруг нее сгруппировалась почти вся потомственная знать и государственные сановники. Туркан-хатун и ее окружению противостояла другая группировка, которая поддерживала бывшего еще подростком царевича Беркярука.

В конце XI—начале XII в. Сельджукская империя была охвачена настоящей феодальной анархией. Жесткая борьба за султанскую корону завершилась победой Беркярука — сына Малик-шаха². Однако приход к вла-

¹ В источниках XII—XIII вв. этот период характеризуется как «смутное время» и пора распространения «ересей» [3; 143; 176].

² Политические события этой бурной исторической эпохи не рассматриваются нами подробно, так как они достаточно полно освещены в целом ряде специальных работ [см. 144; 156; 180].

сти малолетнего султана не положил конец смутам и междоусобицам. Правление Беркярука (1092—1104 гг.) характеризуется политическим кризисом, экономическим спадом, усилением гнета и произвола военно-феодалной знати [144; 180]. За время царствования ему фактически приходилось выполнять волю своих эмиров. В тех случаях, когда султан решался противоречить, дело кончалось печальным образом [143, 78—79; 193, 145]. Засилье феодалов привело к тому, что чудовищные поборы, открытые грабежи и убийства стали повседневным явлением [193, 142; 143, 75, 76]. Верховные прерогативы султанской власти постепенно все более ограничиваются волей фактических «соправителей» [151, 84]. Сам титул «султан», который носил верховный государь, перестал символизировать единоличную власть. Постепенно в Сельджукской державе султанами одновременно стали титуловаться несколько правителей [200, 3].

**Образование
Востоносельджукского государства**

В результате феодальной анархии конца XI—начала XII в. происходит дальнейшее раздробление Сельджукской империи. В правление сменившего на троне Беркярука султана Мухаммада Тапара (1104—1118 гг.) дробятся западносельджукские владения в Закавказье, Иране, Ираке, Малой Азии. Обособляется в самостоятельное государство и восточная часть Сельджукской державы. Политическим и административным центром Востоносельджукского государства становится Хорасан со столицей Мерв — крупным центром средневекового Туркменистана.

Разделение Сельджукской империи на Иракский и Хорасанский султанаты не было механическим результатом «смутного времени». В его основе лежало интенсивное развитие феодальных институтов, сопровождавшееся ростом экономического и политического сепаратизма. Данный процесс явился логическим завершением развития удельной системы и тенденции к превращению условных держаний в наследственную земельную собственность.

Образование Востоносельджукского государства было подготовлено и объективным ходом предшествующей истории Хорасана.

Северный Хорасан, куда входила значительная часть нынешнего Туркменистана, сыграл важную роль в сель-

джукском движении XI в. В 30-х годах XI в. в результате нескольких побед над Газневидами вожди сельджуков овладели рядом областей Хорасана. После разгрома армии Бектугды в 1035 г. Масуд Газневи вынужден был отдать Нису сельджукиду Тогрул-беку, Дехистан — его брату Чагры-беку, а Фераву — их дяде Мусе Байгу. Сельджукские вожди получили в условное держание не только эти области, но и прилегающие к ним степные пастбищные угодья [197, 610—611].

В 1039 г. вслед за цепью неудач и поражений в Хорасане султан Масуд вынужден был заключить мир с предводителями сельджукских племен. Согласно договору, Сельджукиды получили в управление Серахс, Аби-верд, Фераву и Нису. Однако весьма ограниченные права служивых дехкан не устраивали сельджукских вождей, претендовавших не только на административный, но и фискальный иммунитет. Стремление к превращению из условных держателей земли в наследственных собственников явилось одним из важных стимулов их упорной и длительной борьбы с Газневидами в Хорасане [9, 209, 210].

После разгрома армии султана Масуда под Денданаканом сельджукская знать начала распределять между собой захваченные области. Фактически это был не столько раздел, сколько договор о разграничении сферы дальнейших завоеваний. В результате достигнутого соглашения Северный Хорасан был отдан Дауду Чагры-беку, который еще в 1037 г. был провозглашен правителем Мервской области [154, IX, 327; 178, 6]. В дальнейшем Хорасан вместе с покорившимся Сельджукидам Хорезмом стал наследственным владением Чагры-бека.

В 1063 г. умер султан Мухаммед Тогрул-бек и на трон был возведен Алп-Арслан — сын Дауда Чагры-бека, являвшийся маликом (правителем) Хорасана [65, X, 3]. Северный Хорасан с центром в г. Мерве в составе единой Сельджукской империи считался наследственной собственностью потомков Чагры-бека. В правление Алп-Арслана и Малик-шаха эта область, вероятно, являлась султанским доменом. Обращает на себя внимание то, что Хорасаном в царствование этих султанов владели их самые близкие родичи. Характерно

также, что после вступления на престол Малик-шах отдал Хорасан своему брату Текешу [178, 42].

В период феодальной анархии конца XI в. Хорасан оказался в руках сельджукида Арслана Аргуна, являвшегося внуком Чагры-бека¹. Захват Арсланом Аргуном, опиравшимся на войско из туркмен Балха, областей Хорасана произошел между 1092—1095 гг. Подчинив весь Хорасан, включая и Термез, он потребовал, чтобы султан Беркярук «утвердил за ним Хорасан, как он принадлежал деду его Дауду, без Нишапура, с тем, что он (Арслан Аргун) будет давать деньги и не будет оспаривать его (Беркярука) султанство» [81, 381]. Требование Арслана Аргуна не было удовлетворено Беркяруком, пославшим свое войско в Хорасан.

Однако поход 1095 г. окончился разгромом султанского родича и полководца Бурибарса. Арслан Аргун, одержав победу, произвел расправу над «главарями» Хорасана, так как опасался с их стороны заговора против себя. Убийство оттолкнуло от него феодальную верхушку Мерва, Серакса и других городов и областей Хорасана. Арслан Аргун приказал в 1096 г. разрушить стены Мерва, срыть крепостные сооружения Серакса, Шахрастана, цитадель Нишапура и другие укрепления [3, 269; 178, 60]. Своеволие жестокость, грубые насилия, грабежи и притеснения мирного населения привели в 1096 г. к убийству Арслана Аргуна [81, 381; 178, 59].

После разгрома Бурибарса султан Беркярук послал в Хорасан новые военные силы во главе со своим братом Санджаром [154, X, 109]. Достигнув пределов Дамгана, Санджар узнал о смерти Арслана Аргуна, что облегчило занятие его войсками Хорасана [193, 143]. Население Хорасана не оказало сопротивления и покорилось Санджару [84, 409; 3, 269].

Подчинив Хорасан, султан Беркярук передал управление этой областью эмиру Даду Хабаши [154, X, 110]. Санджар захватил Балхскую область, которой управлял в качестве малика с 1096 по 1098 г. [154, X, 109, 110].

¹ Согласно «Муджмал ат-таварих», Арслан Аргун получил в управление Хорасанскую область еще в правление султана Малик-шаха [84, 408]. Однако в других источниках отмечается, что он владел наделом (икта) в Хамаданской области (Саве), который приносил доход в 7 тысяч динаров [151, 25; 178; 59; 154, X, 108].

Власть султана Беркярука и его наместника Дада Хабаши не была прочной в Хорасане. В 1096 г. два хорасанских эмира Кудан и Ярыкташ убили хорезмшаха Акинджи ибн Кочкара и захватили Хорезм. Однако это восстание хотя и было подавлено Дадом Хабаши, но все же способствовало ослаблению султанской власти в Хорасане. В 1098 г. малик Санджар выступил против своего брата Беркярука и Дада Хабаши. Ожесточенная битва под Нушджаном окончилась победой Санджара, захватившего Хорасан и Гурган [178, 61, 69; 154, X, 122]. В 1103 г. Санджар по договору, заключенному между Беркяруком и его братом Мухаммадом, был признан маликом Хорасана и Мавераннахра [178, 54]. Северный Хорасан, начиная с правления Санджара, превращается в центр постепенно обособившегося в самостоятельное политическое образование Восточносельджукского государства.

Правление Санджара ибн Малик-шаха Восточносельджукское государство в конце XI—первой половине XII в. (1118—1153 гг.) ознаменовалось крупными историческими событиями в Западной Азии. Санджар начал свою деятельность с захвата территорий, соседних с Хорасаном¹. В 1099 г. он овладел Тохаристаном, а в 1102 г. взял Самарканд. Предпринятый караханидским правителем Кадыр-ханом поход на Хорасан окончился поражением у Термеза. Санджар воспользовался этой победой и возвел на трон Мавераннахра своего племянника караханида Арслан-хана [154, X, 239—241].

В 1114 г. Санджар овладел столицей Газневидов, впервые оказавшихся в вассальной зависимости от Сельджукидов [151, 262; 154, X, 115; 193, 168]. Бахрам-шах, посаженный в 1117 г. Санджаром на престол Газны, обязался выплачивать ежегодную дань в пять тысяч динаров [178, 64]. В соборных мечетях газневидских владений в хутбе в день пятничной молитвы стало упоминаться имя Санджара [175, 79].

В 1118 г. хорасанская армия двинулась на запад, разбила и обратила в бегство войско султана Махмуда

¹ Походы и битвы этого жестокого феодала, но видного полководца достаточно подробно освещены в исторической литературе. Поэтому мы не останавливаемся на всей эпопее и перипетиях грабительских войн, которые велись в течение его длительного царствования.

ибн Мухаммада. Иракский султанат был разделен между потомками верховного сельджукского правителя Мухаммада Талара (1105—1117 гг.) В решающей битве при Саве в 1119 г. Махмуд ибн Мухаммад был окончательно разгромлен Санджаром [85, 198]. Борьба закончилась мирным соглашением, по которому иракский сельджукид признал верховный приоритет Санджара. Договором устанавливались и границы между восточным и западным султанатами [146; 67; 162]. Санджар воспользовался правом триумфатора и присоединил к своим хорасанским владениям Мазандеран, Демавенд, Кумис, Дамган и Рей [178, 62].

В результате почти непрерывных походов Санджару удалось подчинить себе Хорезм, Систан, Газну, Мавераннахр. В 1118 г. он получил титул султана и официально стал считаться верховным правителем всей Сельджукской державы. Однако реально его власть распространялась на Северный Хорасан и некоторые соседние области Средней Азии, Ирана и Афганистана [67, 350].

После смерти Мухаммада Талара западный (Иракский) султанат теряет свое значение и центром сельджукских владений становится Хорасан [178, 58]. Однако власть Санджара над западными областями переставшего существовать как единое политическое целое Сельджукского государства была номинальной.

Сюзеренитет «великого султана» выражался в праве на хутбу и чеканку (сикка) с его именем монет [65, X, 70]. В пору могущества Санджара его имя упоминалось в качестве верховного правителя в хутбе многих областей прежней Сельджукской империи, вплоть до Малой Азии [85, 88; 193, 171]. Однако это являлось в сущности атрибутом института условной зависимости.

Подобная система возникла задолго до Сельджукидов, а в их правление обрела еще более номинальный характер. «Возникла поговорка,—пишет историк Ибн-Тиктака, — когда кто-либо пользуется обладанием предмета только по внешности, а не по самой сущности, он довольствуется в замену такого-то предмета правом на чекан монеты и заздравную молитву (хутбу), т. е. довольствуется обладанием лишь по имени, а не по сущности» [87, 34, 35]. Несмотря на то, что хутба на имя Санджара «читалась от Кашгара до Йемена и от Мек-

ки до Рума» [193, 171], реально его власть простира-
лась на Хорасан и некоторые соседние области и
страны¹.

В длительной вассальной зависимости от Санджара
находились Мазандеран, Хорезм, Систан, Газна и Ма-
вераннахр. Санджар вплоть до смерти Мухаммада Та-
пара именовался «малик ал-машрик» («царь Востока»),
а затем стал носить титулы «величайший султан», «сул-
тан султанов», «великий шахиншах». Заискивавшие пе-
ред Санджаром поэты называли его «султаном султа-
нов всего Востока и Запада». В действительности же в
Западной Азии он считался лишь «султаном Востока»
[176; 261; 42, 68; 200, 95; 182; 115].

После 1118 г. в сельджукидских владениях в титул
«султан» вносится соответствующая дефиниция. Ирак-
ские властители именуется просто «великими султана-
ми», а правитель Хорасана — «величайший султан, ве-
ликий шахиншах». В XII в. «султанами» назывались
также сельжукские властители Рума [182, 42, 43, 131;
200, 95]. Детерминация рассматриваемого титула отра-
жала реальный факт распада Сельжукской империи
на отдельные владения и государства.

Система вассалитета при Санджаре, как и его пред-
шественниках, была одноступенчатой. Это объясняется
тем, что инвеституру получали непосредственно от са-
мого верховного правителя. Признание сюзеренитета
по старой восточной традиции обставлялось соответ-
ствующим торжественным церемониалом [51, 127 сл].
Султанские родичи при этом получали дорогие одежды,
роскошные шатры, палаточные дворцы (сарайпарде),
лошадей, слонов [95, 47]. Правителям стран и провин-
ций султан жаловал оружие, верховых лошадей с сед-
лом и золотой сбруей, кольца с драгоценными камнями
[83, 23].

Вассалы приносили клятву в верности сюзерену, уп-
лачивали дань, участвовали со своими отрядами в его
военных походах. В честь «великого» султана провоз-
глашались также хутбы и чеканились монеты [182, 115

¹ Рашид ад-Дин и другие средневековые авторы утверждают,
что держава Санджара включала страны от Кашгара до Йемена,
Мекки, Тайфа, Оммана, Мукрания; от Азербайджана и Рума до
Булгара. [175, 83].

и др.). Санджар иногда назначал и специальных опекунов и советников (атабеков) при своих вассалах [154, X, 31]. Он практиковал и существовавший издавна в восточных странах институт почетного заложничества. Хорезмшахи являлись, например, периодически ко двору Санджара либо направляли к нему сыновей [105; 157; ср. 149; 188].

Востоциосельджукское государство в правление Санджара было одним из могущественных государств Центральной Азии. В результате многочисленных военных побед Санджара в Хорасан стекались богатства соседних областей и стран. Сельджукские войска захватили в Мавераннахре и Семиречье богатые трофеи, большое количество скота [85, 749]. Огромную добычу Санджар и его полководцы захватили в Газне, где в их руки перешла казна Газневидов. Победителям достались боевые слоны, отличные лошади, мулы, верблюды, сундуки с золотом, серебром, благовониями, драгоценностями, роскошной одеждой [85, 196, 198; 154, X, 212]. Султан получил кроме других вещей пять корон, инкрустированных драгоценными камнями, стоимостью каждая в десять тысяч динаров, семнадцать золотых и серебряных тронов [105, 151; 58, 29].

Завоевательные войны способствовали обогащению феодальной знати, окружавшей Санджара. Между военачальниками и государственными сановниками нередко разгоралась вражда из-за награбленной добычи. Одна из таких ссор привела в 1118 г. даже к казни султанского везира Садр ад-Дина Мухаммада [67, 353].

В правление Санджара крупную роль играли военные предводители из выдвинувшихся мамлюков, а также вожди из различных тюркских племен Средней Азии. Среди военачальников Санджара упоминаются лица, происходившие из огузов, туркмен, халаджей, чигилей [84, 413]. Военно-феодалная аристократия постепенно начинает диктовать свою волю султану. Роль и значение военного сословия особенно возрастают после сокрушительного поражения Санджара при Катаване. В 1141 г. Санджар предпринял военный поход на каракитаев, захвативших часть Мавераннахра. Близ Самарканда, в степи Катавана, армия Санджара была наголову разбита и Сельджукиды потеряли власть над Мавераннахром. Поражение Санджара, пользовавшегося

репутацией «второго Александра Македонского», произвело огромное впечатление в тогдашнем мире¹.

После разгрома Санджара при Катаване начались феодальные мятежи против центральной власти. Хорезмшах Атсыз, воспользовавшись отсутствием султана, захватил часть хорасанских владений, в том числе столичный Мерв. Однако с прибытием Санджара из Мавераннахра он поспешно ушел в Хорезм. В 1143 г. султан двинулся на Атсыза, но не смог фактически покорить Хорезм. Борьба окончилась заключением перемирия, а хорезмшах вынужден был, хотя и временно, но все же признать власть Санджара. Однако фактически Хорезм перестал зависеть от Восточносельджукского государства.

В 40—50-х годах XII в. против Санджара восстают и другие вассалы Хорасанского султаната. Наиболее серьезным противником оказался гуридский султан Ала ад-Дин Хусайн (1148—1156 гг.). Он происходил из династии Шансабидов, которая правила в Гуре и Бамияне [94; 194; 203]. Это были небольшие горные княжества в Северном Афганистане, вносящие ежегодно «разного вида оружие и дары» в казну Санджара [194, 59]. В 1150 г. Ала ад-Дин захватил Газну, находившуюся в вассальной зависимости от Восточносельджукского государства. Воинственный правитель Гура вторгся затем в пределы владений Санджара и овладел Балхом. Однако в 1152 г. Санджар в битве при Убахе разгромил и взял в плен Ала ад-Дина². Сельджукская армия разбила и войска шансабидского союзника Али Четри, который правил Гератом [194, 59—60; 193, 176 сл.].

Санджару удалось подавить сепаратистские бунты правителей Гура, Хорезма, Герата. Несмотря на это власть дряхлеющего султана все больше слабела. Пред-

¹ Слухи о поражении султана Санджара дошли до крестоносцев и затем проникли в Европу через католического епископа Оттона Фрейзингенского, который сообщил, что на востоке «братья Сампарты» понесли поражение от несторианского пресвитера Иоанна. Подложное обращение от имени этого пресвитера дошло до римского папы в 1165 г.; а спустя несколько лет в (1177 г.) папа отправил лейб-медика Филиппа с письмом к «царю трех Индий» [33, 65, 66].

² Равенди неверно утверждает, что сражение имело место в 544 г. х. (1150 г. н. э.), а Ибн ал-Асир ошибочно говорит, что битва произошла у Балха. В действительности она произошла у селения Убах, недалеко от Герата [94, 101, 125, 133].

водители мамлюкских отрядов и наемной армии все больше нагнали: «Эмиры (военачальники) и государственные сановники из-за роста своих богатств возвысились, зазнались и стали действовать кто как хочет» [172, 176]. Жестокий гнет, которому они подвергали мирных подданных, вызывал активный протест. Недовольством было охвачено не только городское и сельское население, но и кочевые племена. Дикий произвол способствовал значительному ослаблению центральной государственной власти и престижа «великого» султана. Поражение в битве при Катаване, восстания на окраинах и внутренние феодальные противоречия подточили устой Восточносельджукской державы. Хорасанский султанат, переживавший во второй половине XII в. глубокий кризис, стоял на пороге своего падения.

Главные задачи исследования В предлагаемой книге делается попытка осветить политический и социально-экономический строй Туркменистана середины XI—начала второй половины XII в. Рассматриваемый период был яркой эпохой в истории Средней Азии, Ирана, Передней и Малой Азии. Образование Сельджукской державы, сопровождавшееся бурными военными и политическими событиями, объективно привело к крупным историческим сдвигам, которые выразились в социально-экономических переменах, способствовавших расцвету феодальных отношений в странах Западной Азии. Данный процесс не был одновременным и имел свои особенности в различных странах и провинциях обширной Сельджукской империи. Торжество феодального строя в завоеванных Сельджукидами областях было результатом предшествующего развития, итогом сложного и многостороннего синтеза.

Выяснение специфики и общих закономерностей рассматриваемых социально-экономических процессов, несомненно, может быть успешным лишь при комплексной научной разработке. Отсюда вместе с тем возникает необходимость конкретных исследований на материалах различных историко-экономических регионов громадной Сельджукской империи. Подобный дифференцированный подход обосновывается не методическими принципами, а скорее практическими целями на современном этапе изучения сельджукской проблемы. Хотя региональный метод суживает общеисторическую панораму

раму эпохи, но он может в конечном итоге помочь решить одну из кардинальных проблем истории восточного средневековья.

Предлагаемая книга не претендует на исчерпывающее освещение всех аспектов политического и социально-экономического строя Туркменистана XI—XII вв. В ней подводятся наиболее существенные итоги предварительного изучения этой сложной исторической проблемы. Дальнейшие исследования в этом направлении являются одной из важных задач нашей исторической науки.

Настоящая работа ставит основной целью выяснение отличительных черт хозяйственного строя, политической и общественной структуры Туркменистана XI—XII вв. Данный период характеризуется экономическим подъемом, сопровождавшимся усилением феодальной эксплуатации трудящихся масс. В истории Хорасана и других областей Сельджукской державы XI—XII вв. наблюдается бурное развитие сельского хозяйства, расцвет городов, ремесла и торговли. Города расширяются и выходят за черту старых границ рабадов, возрождаются заброшенные поселения [18]. Возникают новые ремесленные кварталы, населенные гончарами, ювелирами и другими искусными мастерами. Бурное развитие сельского хозяйства и городской жизни нашло свое отражение в монументальной архитектуре, прикладном искусстве и других сферах культурной жизни. Одним из величайших памятников этой яркой эпохи является знаменитый мавзолей султана Санджара [19].

Избранная тема связана с довольно большим кругом проблем, разработка которых сопряжена с большими трудностями. В основном это объясняется состоянием источников рассматриваемой эпохи и отсутствием специальных монографических работ. Большие затруднения создавала также необходимость регионального подхода особенно к политической истории Сельджукского государства. В середине XI—второй половине XII в. Туркменистан не был политически самостоятелен и не представлял единого административного целого. Оазисы плодородных долин Мургаба и Теджена, земли Прикопетдагской равнины и степи Восточного Прикаспия входили в состав хорасанских владений Сельджукидов. Субтропическая — подоса — Сумбаро-Атрекского

междуречья составляла часть Гурганской провинции, управлявшейся сельджукскими пашами и вассальной династией Исфакбедов Мазандерана. Земли левобережной Амударьи находились под властью Хорезмшахов, которые зачастую лишь формально признавали сюзеренитет верховных султанов правящей фамилии Сельджукидов.

В середине XI—первой трети XII в. Туркменистан, как отмечалось выше, являлся составной частью единой Сельджукской империи. Затем он стал центром обособившегося в самостоятельное политическое объединение Восточносельджукского государства. Все эти обстоятельства необходимо иметь в виду при ознакомлении с публикуемой книгой, особенно с разделами, трактующими о политическом строе Туркменистана.

В издаваемой работе социальные, политические и другие термины, собственные имена и географические названия по техническим причинам даны без фонетической транслитерации. Рукописные сочинения и публикации на арабском языке по этой же причине приведены в русской транскрипции. Ссылки на использованную литературу даются в специальном указателе в конце публикуемой книги.

КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Образование Сельджукской державы объективно имело важные последствия для политической и социально-экономической истории Западной Азии. В единых рамках громадной Сельджукской империи происходят крупные сдвиги и в различных областях культурной жизни. Значительного подъема в XI—XII вв. достигает историография, обогатившая тогдашнюю науку серией интересных трудов. Разумеется, в исследуемый период они носили главным образом придворный и ярко выраженный официальный характер. Историческая наука сельджукской поры отмечена печатью ортодоксального суннизма и традиционной панегирической анналистики. Однако наряду с сочинениями придворных хронистов в этот период создаются исторические труды самого различного жанра. Историография эпохи царствования Сельджукидов, несмотря на отмеченные негативные

черты, сделала значительный шаг вперед в своем развитии.

Основные источники

Комплекс источников рассматриваемого периода функционально распадается на несколько больших категорий¹. В гематическом аспекте они подразделяются на следующие основные виды: общие и локальные династические хроники и летописи; сочинения по всеобщей и региональной истории; труды политико-дидактического направления; произведения агнографического жанра; сочинения энциклопедического характера; собрания официальных грамот и указов эпистолярного назначения.

После воцарения династии Сельджукидов в письменной литературе продолжают старые газневидские традиции. Интенсивно развивается не только придворная поэзия, но также проза [107, 39]. В XI—XII вв. появляется целый ряд сочинений по истории Сельджукского государства. Одно из таких произведений было написано Ануширваном ибн Халидом Кашани. Сочинение позднее было переведено с фарси на арабский язык Имам ад-Дином Исфахани (1125—1201 гг.). Он дополнил труд Кашани и довел изложение событий до середины 90-х годов XII в. В 1226 г. это сочинение было сокращено Абу-л-Фатхом Бундари, снабдившим его предисловием и комментариями. Данное произведение является важным источником по истории державы Сельджукидов².

В 1126 г. неизвестным историком был составлен обширный труд под названием «Муджмал ат-таварих вал-кисас». Это сочинение представляет большой интерес для истории Сельджукидской державы. Составитель «Муджмал ат-таварих» пользовался многочисленными утраченными ныне историческими трудами. Данный

¹ Характеристика этих источников дана в нашей работе, посвященной истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. [9, 8—48]. Поэтому в издаваемой книге освещаются лишь отдельные источники, имеющие непосредственное отношение к избранной теме.

² Следует отметить, что сравнительно недавно в Каирской библиотеке Дар ал-кутуб обнаружена рукопись нового труда под названием «Тарих ал-вузара»; он представляет собой написанное в XII в. неизвестным автором продолжение (зайл) к сочинению Ануширвана ибн Халида. Найденный исторический труд, который еще не опубликован, посвящен истории державы иракских Сельджукидов [158, 117—128].

труд, хотя и принадлежит к жанру всеобщей истории, имеет большое значение для исследуемого периода, так как в нем приведены важные сведения не только о событиях в Иране, но и в Средней Азии и Закавказье.

Среди исторических произведений XII в. важное место занимает сочинение Захир ад-Дина Нишапури «Сельджук-наме». Значение данного труда как исторического источника трудно переоценить. Достаточно сказать, что это сочинение послужило для многих позднейших авторов основным пособием по истории Сельджукидов. Исторический труд Захир ад-Дина Нишапури содержит интересные сведения по исследуемой теме. В нем приводятся важные подробности о финансах, налоговой и административной системе империи Сельджукидов.

Ценным первоисточником по истории державы Сельджукидов является трактат Низам ал-Мульк «Сийасат-наме». Низам ал-Мульк занимал должность везира при султанах Алп-Арслане и Малик-шахе. В «Сийасат-наме» содержатся примечательные сведения о политической и социально-экономической структуре империи Сельджукидов¹. Низам ал-Мульку приписывается также «Васайя» — произведение, содержащее наставления по государственному управлению. Однако принадлежность данного сочинения знаменитому сельджукидскому везиру XI в. остается пока недоказанной².

В XI—XII вв. появляются также исторические труды, посвященные отдельным городам и провинциям Средней Азии и Ирана. Среди них необходимо выделить «Историю Бейхака», написанную Абу-л-Хасаном Бейхаки. Автор этого регионального труда больше известен

¹ Определенное значение для изучения общественно-политического строя державы Сельджукидов представляют и сочинения ортодоксального богослова и метафизика Газали (1059—1111 гг.). Среди его многочисленных (в основном теологических) произведений особо выделяется «Насихат ал-мулюк». В этом сочинении приводятся наставления султанам, иллюстрируемые вставными дидактическими рассказами и историческими анекдотами [141].

² Низам ал-Мульку приписываются также деловые и личные послания, содержащиеся в различных средневековых эпистолярных сборниках. В последнее время иранским ученым Н. Фалсафи опубликована переписка Низам ал-Мульк с султаном Малик-шахом и главой исмаилитской секты Хасаном Саббахом. Однако вопрос о подлинности этих писем нуждается в дополнительных исследованиях [166, 113].

под псевдонимом Ибн Фундук (1105—1169 гг.). Свое произведение, озаглавленное «Тарих-и-Бейхак», Абу-л-Хасан завершил в 1168 г. Сочинение Бейхаки представляет собой труд по истории одной из крупных областей Ирана, а также содержит важные сведения о политических событиях, экономике и общественном строе Хорасана XI—XII вв.

Другим ценным источником по истории Хорасана второй половины XII в. является «Китаб ал-ансаб». В этом биографическом словаре приведены важные сведения по истории Туркменистана. Сам автор «Книги геологических имен» — Абу Сад Абд ал-Карим Самани (1113—1167 гг.) был уроженцем Мерва и довольно плодовитым ученым своего времени, но большинство его трудов не сохранилось. Произведение «Китаб ал-ансаб» содержит много сведений по политической и социально-экономической истории Восточносельджукского государства.

Среди агиографических источников XII в. привлекает внимание житие суфийского шейха Абу Саида. Оно написано его правнуком Мухаммедом Ибн ал-Мунавваром, современником Санджара. Главное место в этом труде занимает описание мистических, аскетических «подвигов» Абу Саида. В жизнеописании этого шейха имеется вместе с тем немало интересных бытовых зарисовок, важных историко-культурных сведений. Особую значимость имеет описание событий эпохи огузской «смуты», положившей конец Сельджукскому государству Хорасана.

Большого внимания заслуживают труды энциклопедического характера, написанные при Сельджукидах в Иране. В числе таких источников особо следует выделить «Нузхат нама-йи Алайи»; это произведение завершено около 1120 г. ученым Шахмарданом ибн Абу-л-Хайром. Автор использовал в своем труде для специальных трактатов, в частности, написанное в XII в. сочинение по метеорологии. В энциклопедии «Нузхат нама-йи Алайи» приведен интересный материал, особенно по земледелию и ирригации исследуемого периода [166, 103—107].

В конце XII—начале XIII в. крупным центром науки и культуры в Средней Азии стал Хорезм. После гибели Восточносельджукского государства историогра-

фия, поэзия и философия интенсивно развиваются при дворе Хорезмшахов. Однако благодаря монгольскому погрому большинство произведений, созданных в ту пору, не сохранилось до наших дней. Среди оставшихся исторических сочинений необходимо отметить труд Садр ад-Дина Хусайни, служившего при хорезмшахе Текеше (1172—1200 гг.). Основное содержание труда Хусайни составляет история державы Сельджукидов, но в нем описываются также события конца XII в. Последние разделы этого сочинения при скудности источников указанной поры имеют особенно важное значение.

В пору существования империй Сельджукидов и Хорезмшахов, помимо нарративных исторических сочинений, появляются собрания различных писем и официальных документов. Одно из таких эпистолярных произведений было составлено между 1143—1154 гг. Мунтаджаб ад-Дином Беди. В царствование Санджара он занимал пост главы «диван-и ииша», ведавшего дипломатической и официальной перепиской. Беди составил большое количество писем и государственных указов, объединенных под названием «Китаб атабат ал-катаба». Среди них имеются ферманы о назначении государственных чиновников по сбору налогов, высших должностных лиц, наместников городов и целых областей. Сборник грамот и указов султана Санджара представляет собой выдающийся первоисточник по социально-экономической и политической истории Хорасана XII в.¹

Современником Мунтаджаб ад-Дина Беди был поэт и видный сановник при дворе Хорезмшахов Рашид ад-Дин Ватват (1089—1178 гг.). Долгое время он занимал должность раиса «диван-и ииша» в правление Атсыза (1127—1156 гг.). Приблизительно между 1157—1172 гг. Ватват составил два сборника писем и документов [8]. В них содержится частная и деловая переписка, копии различных государственных указов и распоряжений [192].

Документальные сборники эпохи Сельджукидов и Хорезмшахов имеют огромное значение для изучения самых различных проблем избранной темы. В этих источниках нередко заключены материалы, не представ-

¹ Многие из этих документов включены в сборную ленинградскую рукопись, известную под общим названием «Ииша» [177, 146—149].

ленные в исторических традициях нарративных сочинений. Однако эти документы требуют критического подхода, базирующегося на определенной методике исследования. Правильное осмысление материалов рассматриваемых эпистолярных сборников возможно на основе сравнительно исторического принципа. Главный метод исследования этих документов заключается в сопоставлении всего комплекса данных и текстуальной критике источников.

Основные исследования

Сельджукская проблема, отличающаяся широким диапазоном, издавна привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей¹. Однако до сих пор еще не написано специальных монографических работ по социально-экономической истории Сельджукской державы. В равной степени это относится и к истории отдельных стран, входивших в состав государства Сельджукидов XI—XII вв. Большинство зарубежных востоковедов рассматривает проблемы истории Сельджукской империи главным образом в плане военных и политических событий. Внутренний строй, классовый состав, характер социальных отношений, как правило, оставляются ими вне поля зрения.

В разработке проблем социально-экономической истории Сельджукского государства большая заслуга принадлежит советским исследователям². Отдельные аспекты избранной темы нашли отражение в сводных исторических трудах: «Очерки из истории туркменского народа» [95] и «История ТССР» [7]. Однако большинство этих исследований, посвященных сельджукской эпохе, относится к Закавказью и Малой Азии [47; 48; 127; 139; 199]. Следует также подчеркнуть крайне неравномерную изученность различных аспектов сельджукской тематики.

¹ Основные этапы изучения этой проблемы в мировой историографии освещены в ряде статей и монографий [см. 9; 50; 127]. Поэтому в настоящем разделе нами рассматриваются, главным образом, исследования последних лет, появившиеся в советской и зарубежной печати.

² Значительный вклад в изучение генезиса и внутренней структуры державы Сельджукидов внесли В. А. Гордлевский [47], А. Ю. Якубовский [131], Б. Н. Заходер [61; 62]. Ранний этап истории Сельджукского государства освещался в работах Б. Н. Заходера [62] и А. А. Рослякова [102].

Одной из серьезных проблем, связанных с избранной темой, является вопрос о генезисе Сельджукского государства. Исследованиями советских историков выявлены глубокие социальные причины, лежавшие в основе сельджукского движения [61; 62; 44; 117]. В образовании Сельджукского государства важное значение имел союз между туркмено-огузской и местной феодальной знатью [61; 62]. Однако этот альянс возник не только на почве недовольства хорасанской знати деготизмом Газневидов. Вступая в тесные связи с местной знатью, сельджукские вожди в первую очередь преследовали свои интересы. Стремясь стать крупными собственниками, они захватили ряд областей, а затем организовали грабительские походы в глубь Западной Азии [9, 203 сл.].

В современной исторической науке нет специальных монографий по истории восточносельджукских владений и государств. Основные вопросы избранной темы нашли свое отражение в сводных работах по истории Туркмении, Узбекистана, Таджикистана. В двухтомной «Истории СССР» подведены основные итоги работ в этом направлении до начала 60-х годов. Соответствующие главы первого тома освещают ряд вопросов политической и социально-экономической истории Восточносельджукского государства.

Отдельные проблемы избранной темы затрагиваются и в работах зарубежных историков. Среди них необходимо выделить труды А. Лэмбтон, в которых рассматриваются поземельные отношения, налоговая система, аграрный строй и административное устройство империи Сельджукидов [164; 165]. Большой интерес в этом отношении представляют и работы видного французского медиевиста К. Каэна. В них освещаются различные стороны политического и социально-экономического развития стран, находившихся в XI—XII вв. под властью Сельджукидов. Главным объектом исследований К. Каэна, однако, является не Средняя Азия и Иран, а Передняя и Малая Азия [137; 138; 139].

Среди трудов, появившихся в западноевропейской историографии последних лет, необходимо отметить монографию немецкого востоковеда Г. Хорста [153]. Она посвящена государственному строю державы Сельджукидов и империи Хорезмшахов. Монография основана

на документах XI—XIII вв., переводы которых даны во второй части работы. В книге Г. Хорста освещается устройство органов центрального и местного управления, система финансов, налогообложения и т. д.

В числе обобщающих работ, касающихся исследуемой темы, привлекает внимание многотомное издание «Кэмбриджской истории». Пятый том этой большой серии посвящен событиям периода царствования Сельджукидов и монгольских ханов в Иране [190] и содержит раздел о внутренней структуре и развитии феодальных институтов в Сельджукской державе XI—XII вв.

Чрезвычайно большое внимание сельджукской тематике уделяют современные историки в Турции. В их числе следует в первую очередь назвать таких авторов, как И. Кафесоглу, М. А. Коймен и О. Туран [156; 162; 201]. Турецкие историки, наряду с политической историей, рассматривают некоторые проблемы административной структуры, хозяйства и экономики Сельджукской империи. В их работах делается попытка дать периодизацию важнейших этапов истории этого государства, но она базируется на чисто внешних признаках.

Рассматриваемые труды зарубежных историков имеют важное значение для изучения ряда аспектов избранной темы. В них приведен богатый фактический материал, нередко почерпнутый из малодоступных рукописных источников. Нередко они поднимают кардинальные вопросы, связанные с государственным строем империи Сельджукидов. Однако в этих трудах имеется немало спорных, а также ошибочных положений. Весьма необоснованными представляются, например, теории о кочевых и общинно-родовых истоках феодального института икта XI—XII вв. [138; 165; 199].

Некоторые авторы высказывают мнение о том, что в Сельджукской державе ираноязычное население занимало гражданские, а тюркоязычное—военные должности [156]. Однако исторические факты, особенно конца XI—XII вв., опровергают тезис о подобной служебно-этнической регламентации. В правление Санджара, например, многие лица тюркского происхождения занимали не только военные, но и гражданские должности [83, 31—169]. Государственный аппарат Сельджукид-

ской державы был орудием господства всех слоев феодального класса.

В буржуазной историографии имеются подчас и диаметрально противоположные оценки исторической роли сельджуков. Одни авторы видят в них лишь диких «варваров» и разрушителей оседлой цивилизации [9, 46--48]. Другие преувеличивают и идеализируют значение Сельджукидов для политической и социально-экономической истории восточного средневековья [50, 218—220]. Отличаясь крайностью суждений, обе эти концепции не могут претендовать на научную объективность. Сельджукские завоевания в середине и второй половине XI в. не имели одинакового характера в различных странах Востока. В Хорасане и Малой Азии, например, Сельджукиды придерживались иной политики, чем в Южном Иране, Ираке, Сирии. Покорение Сельджукидами Ближнего и Среднего Востока, Передней и Малой Азии сопровождалось насильями, убийствами и грабежами мирного населения. Несмотря на это, сельджукское завоевание объективно способствовало дальнейшему развитию феодальных отношений в Западной Азии. В этом социально-экономическом последствии заключается главное историческое значение образования Сельджукской империи.

ГЛАВА I

ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИКА ТУРКМЕНИСТАНА В XI—XII вв.

Середина XI—первая половина XII в. характеризуется расцветом феодальных отношений в Туркменистане, как и в странах Западной Азии. Происходит дальнейший рост товарности сельского хозяйства, значительный прогресс наблюдается в орошаемом земледелии, ремесле и торговле. Интенсивный процесс хозяйственного развития, сопровождавшийся крупными сдвигами в экономике, наблюдается и в оседлой полосе нынешнего Туркменистана. Однако в кочевых районах до сравнения с земледельческими областями господствовали более отсталые патриархальные раннефеодальные отношения, базировавшиеся на экстенсивной форме скотоводства.

Земледелие и ирригация Середина XI—первая половина XII в. были временем наиболее бурного развития сельского хозяйства в Туркменистане. Земледелие, основанное на искусственном орошении, достигло в эту пору высокого уровня в Хорасане, Гургане, Хорезме. Расцвет феодальных отношений сопровождался усовершенствованием ирригационных систем, возведением новых плотин, строительством подземных каналов, введением передовых агротехнических приемов [10, 154 сл.].

Одной из развитых земледельческих областей исследуемой эпохи был Западный Туркменистан. Почвы равнины Мешхеда Мисрван, по Сумбару и Чендыру, в меж-

дуречье Атрека и Гургена отличались большим плодородием. Благоприятные климатические условия создавали возможность для интенсивного роста и вегетации растений. Местное двухлетнее дерево было, например, крепче и сильнее десятилетнего дерева из другой области [81, 508]. Историки и географы XI—XII вв. почти ничего не говорят о системе местной ирригации и способах обработки земли. Некоторые из них констатируют лишь, что в Гургане и Дехистане, отличавшихся благоприятным климатом, вода берется из рек [13, л. 131а]. Другие средневековые авторы отмечают, что в Гургане вода поступает из гор, а в Дехистане — из реки Атрек [191, 156—205].

Гурган с его природной субтропической зоной отличался большим многообразием сельскохозяйственных культур. Континентальный теплый климат и обилие влаги позволяли выращивать здесь хурму, грецкий орех, гранаты, сахарный тростник, маслины, оливки, финиковые пальмы и лимоны [13, л. 131а]. Наряду с этими культурами, сеяли зерновые, виноград, хлопок [81, 509; 167, 213]. Широкое распространение имело шелководство [13, л. 131а].

Крупным оазисом в прикопетдагской полосе Туркменистана была территория округа Нисы. Здесь имелось сравнительно большое количество деревень. Наиболее значительными из них были Андарман, Радан, Ясе-ме и другие [59, 45 сл.]. Местное орошение базировалось на кяризной системе и воде горных ручьев. В окрестностях Нисы протекал канал Симанам, на котором было расположено одноименное селение [81, 335]. Судя по всему, главной отраслью местного земледелия было садоводство и огородничество. Особенно славились нисийские баклажаны, виноград и айва [167, 213]. Пашни и огороды простирались от Нисы до Шахрастана, лежавшего на краю песков Каракумы [81, 421].

Развитая сеть ирригационных сооружений имела на реке Мургаб, откуда было выведено четыре больших канала, орошавших Мервский оазис. Одним из крупных каналов Мервской области был Разик. Не менее значительными были Харакан, Кавал и Асади. Помимо них, были и небольшие каналы, например, Балакан, который, по-видимому, в XII в. обмелел и был заброшен. Вдоль этих крупных магистральных каналов были раз-

бросаны многочисленные селения — Амин, Хафсабад, Шамихан и т. д.

Орошение в Мургабской долине производилось как посредством самотечных каналов, так и с помощью водоподъемных сооружений. Последние применялись в тех местах, где воду приходилось подавать на земли, расположенные выше уровня реки. В качестве таких приспособлений обычно использовались водоподъемные колеса, или так называемые дулабы. Один из них был установлен в местности Рудбар; он был сооружен на Мургабе между селениями Баракдиз и Гиренг [81, 330, 331]. Гиренг был крупной деревней, разделенной Мургабом на две части; остатки этого селения расположены в 10 км юго-восточнее Талхатан-Баба.

С востока на запад селение прорезает ныне выведенное из Мургаба русло широкого и глубокого канала [16, 55]. Небольшой городок Баракдиз находился на левом берегу Мургаба в районе станции Имам-Баба [58, 181 сл.]. Очевидно, несколько больших дулабов, были установлены где-то между Талхатан-Баба и Имам-Баба, с помощью которых орошались пашни, огороды и сады других местностей по Мургабу.

Распределение вод Мургаба по оросительным каналам производилось с помощью вододелителей-дарака. Такой вододелитель находился близ деревни Шаввал; лежавшей в трех фарсах от Мерва. Количество поливной воды измерялось мерой, называвшейся баст [132, 64].

Важную роль в орошении Мервского оазиса играла Мургабская плотина. Она была построена из хвороста и дерева и, вероятно, находилась в селении Анлак, в двух фарсах от Мерва [81, 327].

Культурная полоса Мервского оазиса простиралась от Талхатан-Баба до селения Хурмузфарра. Это селение, упоминаемое в источниках также под названием Сафари и Мусфари, было расположено к северу от Мерва, по дороге в Хорезм. Селения долины Мургаба, удаленные от Мерва на три—шесть фарсахов, располагались уже на краю сыпучих барханных песков. Сельское население Мервского оазиса вело борьбу с постоянно двигавшимися на оазис песками Каракумов [81, 327]. В верховьях Мургаба густонаселенной сельской областью был Пендждех — современный Пендинский оазис. Пен-

ждех, входивший в административный округ Мерверуд, в основном орошался водой из Мургаба.

Почвы Мервской области были песчаными и солончатыми, но это не мешало выращиванию хороших урожаев [81, 525]. В долине Мургаба на орошаемых землях прекрасно росли ячмень, пшеница, виноград, дыни, различные фрукты, особенно груши. Помимо зерновых, огородных и бахчевых, выращивались и некоторые технические культуры, в частности хлопок [30, 8]. Ткани из местного хлопка, отличающегося мягкостью волокна, славились по всему тогдашнему «мусульманскому» Востоку. Большим спросом пользовались мервские дыни, семена которых культивировались в сопредельных областях Ирана. Особенно признанным сортом местных дынь считался палак, являющийся одним из сорто-типов вахармана. Природно-географические условия позволяли в Мургабской долине собирать хорошие урожаи зерновых [11, л. 39—40]. Мервская пшеница пользовалась большим спросом, особенно на семена, и была «лучше всех мест, а хлеб белее и приятнее на вкус» [81, 527].

Широкое распространение в Мервской области имело разведение тутовых деревьев. Тутовый лист использовался для выкормки шелковичных червей и получения шелка. В долине Мургаба, по всей вероятности, выращивался и рис. Однако главной рисовой житницей Хорасана являлась Балхская область [12, л. 195a].

Иная по сравнению с Мервским оазисом была картина в Серахсе, земледелие которого было основано на богарных посевах и искусственном орошении. В Серахсе ощущался острый недостаток оросительной воды, особенно в годы с очень жарким и знойным летом. Герируд иногда пересыхал уже в мае и местное население довольствовалось водой из колодцев. Однако нередко после весеннего половодья вода в реке Теджен не пересыхала полностью [81, 527], что давало возможность направлять воды Герируда на орошение небольших полей и огородов. Сельское население Серахса использовало для ирригации и канал, выведенный из Теджена. Отсюда расходилась сеть арыков, которые достигали селений Серахса. В частности, на берегу этого канала располагалось крупное селение Дех-и Базарганан [81, 293]. Забор воды в ирригационную сеть оазиса проис-

ходил у подножия Бадхызской возвышенности. Ниже вода распределялась по четырем основным каналам, орошавшим Серахскую область. В исследуемую эпоху местная оросительная система достигала максимальной протяженности и обеспечивала водой большое число поселений [97, 10, 11].

Остатки средневековых магистральных каналов Серахса видны до сих пор. Следы этих каналов имеются недалеко от старого Серахса, например, у селища Геок-Тепе. Сеть старых оросительных каналов расходится от Койне Серахса к бывшим селениям области в северном, северо-западном и северо-восточном направлениях [15, 214 сл.].

Посевы под дождь практиковались в подгорных районах между Серахсом и Кушкой. Все посевы в Багшуре¹, например, были богарными; вода для питья бралась здесь из колодцев, а пашни и огороды орошались дождем. Недостаток воды, особенно летом, не позволял разводить фруктовые и другие деревья [81, 328].

В силу экологических причин земледелие сочеталось с другими отраслями хозяйства Серахской области. Большую роль здесь играло скотоводство, чему способствовало наличие хороших пастбищ. Широкое распространение в Серахсе получило верблюдоводство главным образом разведение двугорбой породы под названием бухту [12, 208; 11, 44].

В XI—XII вв., наряду с Мургабской долиной, развитыми земледельческими областями были Абиверд и Хаберан. Крупными сельскими поселениями в Хаберанской области были Мейхене, Базан, Азджак. В шести фарсах от Абиверда лежало сравнительно небольшое поселение Куфан. В Абивердском округе были расположены Турак, Нас и другие селения. Земледельческое хозяйство Хаберана и Абиверда было основано на искусственном орошении. Однако источники XI—XII вв. почти не содержат никаких сведений об ирригационной сети этих областей. Более поздние авторы свидетельствуют, что в Хаберане и Абиверде было много каналов с проточной водой, здесь изобиловали поля, огороды и фруктовые сады. Значительную роль в местной ирригации играло рациональное использование небольших гор-

¹ Багшур лежал на р. Кушка, около станции Кала-Мор.

ных речек и источников. В Абиверде, Мейхене и соседних местностях использовались воды Арчиняба, Меаначая, Чаачинки и других небольших речушек [10, 160].

Основными сельскохозяйственными культурами Серахского оазиса были ячмень и пшеница. Набогарных и орошаемых землях росли также виноград, дыни и фрукты, но из-за нехватки воды здесь было очень мало садов и огородов [81, 328, 423]. Более развитой земледельческой областью был Хаберан, где имелось множество пашен и фруктовых садов. Главными сельскохозяйственными культурами этой области были пшеница и ячмень. Наряду с зерновыми, выращивались фруктовые и тутовые деревья [59, 347; 81, 421].

Древней земледельческой областью и крупным оазисом в низовьях Амударьи являлся Хорезм. Большие магистральные каналы, выведенные из Джейхуна, позволяли орошать обширные земельные площади [46; 117]. Главным каналом Хорезма был Гавхоре, от которого отходила сеть протоков (джуй) и арыков [99, 11; 4, 79]. Орошаемые культурные земли Хорезма отличались неглубоким залеганием грунтовых вод [81, 430]. Это объясняется спецификой дельтовых почв в нижнем течении Амударьи.

В XI—XII вв. в Хорезме выращивались различные виды сельскохозяйственных культур. Здесь хорошо росла пшеница, рис, виноград, тутовые деревья. Особенно славились хорезмские дыни [167, 213], вывозившиеся в соседние и дальние страны. Разведение дынь производилось обычным, а также особым способом. В последнем случае дынные семена прививались к корням верблюжьей колючки и получали большие урожаи [12, 201]. Среди хорезмских дынь выделялись сухани — летний сорт, вкусная и сладкая замша и круглая по форме кашта [54, 246].

Ирригационная техника Хорасана и Хорезма в исследуемую пору стояла на относительно высоком уровне. Помимо самотечных больших и малых (хурабе) каналов, для орошения применялись и различные приспособления. Наряду с дулабами, использовались так называемые нова, с помощью которых «направляют (на поля) воду из реки» [132, 5]. Применялись и специальные водотоки (гольфашанг) и резервуары (абгир) для хранения воды [132, 48, 99]. Существовало несколько

видов плотин, использовавшихся для ирригации, которые строились из камня и дерева. Каналы были снабжены вододелителями и подчас особыми железными шлюзами (завлане).

Значительную роль, особенно в предгорьях Копетдага, играла ирригация с помощью кяризов. Мастера кяризных дел (кемане) искусно строили целую сеть подземных галерей. В предгорных районах для полива огородов и полей использовались и селевые воды. В зависимости от ландшафта и природно-климатических условий земли отводились под орошаемые, богарные или каирные посевы. Основными видами возделываемых земель были так называемые бахса и паряби. Богарные посевы назывались бахса, а орошаемые — паряби и шадаби [132, 5; 187, 35 сл.].

**Земледельческие
орудия и агро-
техника**

Сельскохозяйственная техника исследуемой поры достигла относительно высокого уровня развития. Достаточно отметить, что применявшийся в XI—XII вв.

плуг с железным лемехом в последующее время не претерпел сколько-нибудь заметных изменений. Земледельческие орудия состояли из мотыги, лопаты, кирки, деревянных граблей. Жатва производилась с помощью железных зазубренных серпов (дас), а также без зазубрин (би дандан) наподобие косы. Колосья пшеницы и ячменя связывались в снопы (даста), а затем обмолачивались. Хлеб молотили на токах (харман) посредством пары волов, гоняемых по кругу [132, 154]. Провеивали зерно с помощью специальных вил (ангаште), но применялась и веялка (ханбе). Она состояла из четырех деревянных перегородок на оси, которые при вращении отделяли зерно от соломы. Вспашка производилась с помощью плуга с железным наконечником, который назывался омач [132, 160].

В исследуемое время на достаточно высоком в масштабах средневековья уровне стояла и агротехника. Практиковались различные агрокультурные приемы, например, перепашка, земли после жатвы для взрыхления почвы под урожай следующего года. Время обработки полей определялось по народному сельскохозяйственному календарю [70, 243; 126, л. 70].

Особое значение придавалось своевременному севу зерновых и огородных культур. Вспашка производилась

в основном посредством пары быков. Богатые и зажиточные землевладельцы имели также запасные упряжки волов. Больше всего ценились быки с крупной головой, широкой мордой и продолговатой спиной. В разгар сельскохозяйственных работ быков кормили сеном, но не давали много воды. Во время пахоты на шею быков одевали ярмо, называвшееся йуг.

Широко применялась прополка сорняков, наносивших вред сельскохозяйственным культурам. Особенно тщательно пропалывали посеы, очищая их от полыни (сук) и других сорняков. Земледельцы также вели борьбу с зерновой плесенью и хлебной ржавчиной (яреган), наносившими большой ущерб посевам ячменя и пшеницы. Против болезней злаковых растений применялись самые различные способы. Пораженные желтой хлебной ржавчиной поля опрыскивали, например, специальным раствором из коровьего навоза и настоя из каперсовых корней и листьев [126, л. 70, 71].

Обширные агротехнические знания были накоплены и в области бахчеводства и огородничества. Большое значение в агрономии придавалось посадке и обработке фруктовых деревьев. Посадка виноградника обычно начиналась с выбора подходящей лозы. Для удобрения и обработки виноградников применялись многие средства, в том числе коровий навоз и сера. В результате длительной селекционной работы были выведены различные сорта винограда. В частности, уже тогда был известен особый сорт без косточек [126, л. 63].

В исследуемое время выращивались отборные сорта и других фруктов. Среди плодовых культур можно отметить, например, сорт сладких гранатов. Выращивался и специальный сорт черного тутовника с крупными и сочными ягодами (хар тут). Заслуженной славой пользовались ароматные дыни, отличавшиеся необыкновенной сладостью. Любопытно отметить, что семена дыни перед посевом в почву иногда замачивались в молоке [126, л. 63—66].

Различные агрономические средства применялись и при разбивке фруктовых садов. При посадке, например, инжира молодое растение помещали на час в раствор соли, а затем держали целую ночь в коровьем навозе. Яблоневые деревья обрабатывали и свиным пометом, который использовался в качестве целебного сред-

ства от болезней плодовых растений. В профилактических и других целях употреблялась жидкая смола, смеси свиного помета, коровьей желчи и т. д. Поля, бахчи и огороды удобряли в основном голубиным, коровьим и овечьим пометом.

Разнообразные средства применялись и в борьбе с саранчой и грызунами — вредителями полей. При нашествии полчищ саранчи разжигали большие костры и на пути ее движения рыли глубокие ямы и траншеи. Наряду с этим, рассыпали на посевах раствор, приготовленный из каперосовых листьев и колоквинта. В вырытых ямах и траншеях жгли куски старых тряпок. Против сельскохозяйственных вредителей, наносивших урон посевам, применялись также пары серы и другие средства [10, 166—169].

Хозяйство кочевых племен

Население Хорасана, Гургана и Хорезма состояло не только из оседлых земледельцев, но и скотоводческих племен.

Между оазисами и кочевой степью постоянно осуществлялись тесные хозяйственные и торгово-экономические связи [69, л. 11, 12]. Скотоводческое население кочевало в зоне пустынь, степей и приграничных районах оседлой полосы. В XI—XII вв. основная масса племен, ведших кочевой образ жизни, обитала в Западном Туркменистане. Обширные степи Закаспия, долины Атрека и Сумбара были населены скотоводческими туркменскими племенами. Они кочевали в пределах и на границах Джурджана, Шахрастана и Дехистана. Другая часть их жила в Хаберанской, Мервской и других областях Туркменистана [3; 59; 83; 90].

Главным хозяйственным занятием туркмено-огузских племен было экстенсивное скотоводство. Большинству их хозяйств, вероятно, была присуща отгонная и полукочевая форма скотоводства [9, 86 сл.].

Наличие соответствующих типов пастбищ определяло видовой состав и хозяйственное направление стад. Барханные выгоны, как известно, являются более приспособленными для разведения верблюдов и овец, чем для лошадей и крупного рогатого скота. Особую ценность представляют высокогорные пастбища, пригодные для выпаса почти всех пород домашних животных. Кочевые племена, занимавшиеся главным образом коневодством и верблюдоводством, нуждались в обширных

пастбищах и угодьях. Разводившие баранов, особенно быков и коров, обходились за счет яйлажных и отгонных пастбищных выгонов.

Средневековые авторы отмечают, что туркмены и огузы имели большие стада овец, лошадей и верблюдов. В ряде источников упоминается также о разведении ими коров и быков. Вероятно, крупный рогатый скот в основном содержали полуседлые группы, хотя быки использовались и кочевниками для упряжек.

Овцы разводились нескольких пород, среди них были курдючные и смушковые. Каракуль ценился высоко, особенно черного, красного и темно-красного цвета. Наряду с овцами и баранами туркмены-скотоводы имели также стада коз. Однако эта порода домашнего скота не играла большой роли в их кочевом хозяйстве.

В скотоводческом хозяйстве туркмен важное место занимало коневодство. Абу-л-Фазл Бейхаки указывает на большие конские табуны, разводившиеся туркменами в XI в. [197, 856]. Значительная масса конского поголовья состояла из степных пород, хорошо приспособленных к местным природным условиям. Наряду с этим разводилась и стройная порода ценившихся очень высоко скаковых лошадей [9, 91].

Большую группу среди туркменских кочевых племен составляли верблюдоводы. Обращает на себя внимание, что в историческом труде Бейхаки туркмены-сельджуки именуются «верблюжатниками» [197, 585]. Туркменские племена разводили бухту — крупных двугорбых бактрианов [151, 5; 178, 2]. В XII в. эта порода верблюдов, как говорилось выше, разводилась в Серахской области.

Разведение верблюдов в отличие от коневодства и овцеводства ограничено зоной сухих пустынь и степей. Одним из неперемennых условий для воспроизводства стад верблюдов является жаркий сухой климат. Молодняк верблюжьего поголовья нуждается в содержании на пастбищах, защищенных от холода и сырости. Поэтому туркмены-верблюдоводы совершали длительные перекочевки в глубь пустынь.

Кочевые племена туркмен наряду со скотоводством занимались также охотой. Мясо диких животных занимало видное место в рационе малоимущих и бедных

семей. Для охоты на птиц и диких животных применялись соколы, беркуты и гончие собаки (ав ити). В числе охотничьих соколов упоминается ителги-балобан, с помощью которого туркмены охотятся до сих пор [175, 106].

Среди туркмено-огузских племен наряду с типичными кочевниками имелись компактные массы полуоседлого и оседлого населения [145, I, 344]. Оседание было связано главным образом с разорением и потерей скота. Утратив скот, особенно лошадей и верблюдов, они не могли кочевать и превращались в оседлых. Однако, становясь оседлым (йатуком), бывший кочевник не совсем порывал со скотоводством. Йатуки разводили крупный рогатый скот и в незначительном количестве выючных животных, но их основным занятием становилось земледелие.

Лишившиеся скота и разорившиеся кочевники, перешедшие на оседлость, сеяли просо и другие культуры. В источниках XI—XII вв. говорится о том, что они выращивали пшеницу, кунжут, сеяли люцерну [82, I, 74—117; III, 174, 277]. Помимо зерновых, выращивали также садово-огородные и бахчевые культуры. В XII в. широкой известностью пользовался сорт туркменской дыни под названием палак. Очевидно, это один из сорто-типов появившегося в более позднее время знаменитого вахармана. Земледелие имело распространение не только среди оседлых групп, но и полукочевого и кочевого населения; они сочетали земледелие с кочевым экстенсивным скотоводством, являвшимся главной отраслью их хозяйства. Однако уровень их сельскохозяйственной техники и практических агрономических навыков был довольно низким. Земледельческое хозяйство туркмен и огузов имело натуральный характер и едва обеспечивало нужды собственного потребления.

Города и ремесла В XI—XII вв. бурное развитие экономики нашло свое отражение и в ремесле Хорасана, Гургана и Хорезма. Главными центрами ремесла являлись города и существовавшие вокруг них торгово-ремесленные пригороды. В них имелись целые кварталы, где жили, работали и продавали свою продукцию искусные мастера.

В исследуемое время прослеживается значительный подъем городской жизни в Северном Хорасане. «Хора-

сан, — отмечается в одном из источников домонгольской поры, — прекрасный, великий край в (этом) мире; в нем много городов с многочисленным населением и большими жизненными припасами» [114, л. 44, 45]. Крупными городскими центрами Хорасана и Персидского Ирака в XI—XII вв. были Нишапур и Исфахан [84, 472]. Здесь изготовлялись шелковые и бумажные ткани, холсты (карбас) и одежды, которые вывозились в различные страны Востока [84, 525]. Старинным центром пошива знаменитых шелковых одежд из ткани мульхам являлся Мерв. Отличные холсты тонкой выделки и другие материи ткали в Нисе. Искусные ткачи и портные имелись также в Серахсе, где изготовлялись вышитые и парчевые материи [11, л. 226; 208].

Широкое распространение в XI—XII вв. имела выплавка и обработка металлов и изготовление из дерева различных предметов хозяйственного и домашнего обихода. Особая порода дерева под названием «халандж»¹ употреблялась для производства блюдец (табаг), пиал (каса) и чаш [14, л. 136а]. Кора хаданга использовалась для выделки дротиковых футляров, ножен для мечей, ручек и подставок для ремесленных инструментов².

Ремесленная продукция исследуемого периода была довольно высока в техническом и художественном отношении. Это нашло свое отражение в ковроткачестве, декоративной керамике, ювелирном деле, монументальной архитектуре [100, 189—202]. Наивысшего расцвета достигла чеканка на металле, раскраска тканей, золотое и серебряное литье [174, 1101].

В сельджукскую пору в Туркменистане имелось немало больших городов, в частности Ниса в Прикопетдагском районе и Мерв — в долине Мургаба. Важными торгово-ремесленными центрами являлись также Гурган в Южном Прикаспии и Гургандж — в левобережном Хорезме [46; 72]. Поселения области

¹ В одном из источников XII в. сообщается, что халандж (возможно, береза) — это дерево, растущее в «великих лесах от Туркестана до Хорезма» [14, л. 136].

² Вероятно, речь идет о сосне, которая привозилась из Руси и других стран Восточной Европы. Географы данного времени отмечают, что кора этого дерева имеет «росписи и мозолистые выпуклости». Сок дерева хаданг, выступающий на коре, папоминает камедь и мумиё [14, л. 135а].

Нисы, соседнего Дехистана, Абиверда и других областей Северного Хорасана переживают небывалый экономический подъем [72, 9—11]. В XI—XII вв. в городах Хорасана, Гургана и Хорезма расширяются пригороды, развиваются многие отрасли товарного ремесла. Значительного подъема достигает г. Мерв, особенно в эпоху правления султана Санджара. Археологические раскопки свидетельствуют о росте Султанкалы, на месте которой располагался Старый Мерв. Отдельные ремесленные кварталы разросшегося Мерва выносятся за городскую черту [74, 397].

Однако было бы неверным представлять себе историю Султанкалы сельджукского времени как процесс непрерывного прогресса. Старый Мерв испытал на себе превратности судьбы, познал радость взлета и горечь падения. В 30-х годах XI в. в период сельджуко-газневидской войны город пережил непродолжительное, но тревожное время упадка. Последующее возрождение Султанкалы было тесно связано с ее превращением в центр владения сельджукида Чагры-бека. В правление Малик-шаха вокруг города были воздвигнуты стены¹, которые разрушил Арслан Аргун.

Период феодальных распрей конца XI—начала XII в., таким образом, затронул и судьбы Мерва. В это время подвергались разрушению не только оборонительные сооружения, но и отдельные постройки внутри города². Однако в царствование Санджара происходит возрождение и значительный подъем экономической и культурной жизни Султанкалы³. Интересно отметить, что на монетах этого сельджукского правителя, чеканенных в Мерве, город называется «оживленный, возрожденный» [119, 121, 122]. В середине XII в. Султанкала представляла собой богатый и крупный торгово-ремесленный центр в Северном Хорасане⁴. «Город был

¹ Хамдуллах Казвини утверждает, что окружность этих стен Мерва составляла 12 300 шагов [191, 154].

² Ибн Фундук сообщает, что в мервском шахристане имелся «конешт» («синагога», или же «храм огнепоклонников»), который был уничтожен при Арслан Аргуне [3, 22].

³ Основная масса населения Мерва обитала в Султанкале, но сравнительно небольшое количество жителей имелось и в Гяуркале.

⁴ Вместе с тем нельзя, как это делал А. Кон-Винер, превеличивать уровень развития Мерва в правление Санджара [31, 212 сл.].

переполнен драгоценностями, кладами (дафаин), товарами, прекрасными изделиями и настолько большим (количеством) населения, что счетовод был бы неспособен подсчитать их число» [172, 189]. Мерв имел в эту пору высокие стены, основание которых было «твердым, как массивная гора» [85, 29].

В городах Северного Хорасана, Гургана, Южного Хорезма при «великих» Сельджукидах процветали различные виды ремесла. Основную продукцию ткацкого производства составляли шелковые, хлопчатобумажные и льняные материи [31]. Существовало также производство стеклянных, керамических и других изделий хозяйственного и бытового назначения. Производство довольно многих видов ремесленной продукции было развито не только в крупных, но и мелких городах. В небольшом городке Денданакан изготавливались медные и бронзовые сосуды, железные гвозди и крючки, цепи и ножи. На металлической и керамической посуде изображались животные, растительные орнаменты, эпиграфические надписи [56].

В XI—XII вв. Денданакан благоустраивается; в нем реставрируется мечеть, строятся караван-сарай. Городок играет важную роль в торгово-экономической жизни области между Серахсом и Мервом. Очагами ремесленного производства становятся и окрестные постоянные дворы и придорожные станции. Здесь идет бойкая торговля земледельческими продуктами и ремесленными изделиями с местными кочевыми племенами [15].

Производство ремесленных изделий существовало и в других небольших поселениях городского типа. В маленьких, но благоустроенных городках Мервской области имелись кварталы гончаров, стеклодувов, металлостов, кирпичников. Такими были Хурмузфарра (Улы Кишман), Башан (Куртлы-депе), Кушмейхан (Старый Кишман) и другие поселения Туркменистана. В исследуемую эпоху они расширяются, отстраиваются, ведут караванную торговлю с Южным Хорасаном, Мавераннахром и Хорезмом [77; 79].

Ремесло имело товарный характер и его продукция шла не только для местного потребления, но и на внешние рынки. Археологические раскопки в квартале гончаров мервского рабада показали, что здесь изготавливали продукцию, рассчитанную и на вывоз. В этом квар-

тале, располагавшемся у ворот Фирюза, делались чаши, пиалы, кувшины, хумы, тонкостенные сосуды с высокохудожественным орнаментом [74, 397]. Отсюда же вывозили керамическую продукцию для продажи соседним кочевым племенам. В небольшом городке Хурмузфарра изготовлялись облицовочные жженые кирпичи и голубые изразцовые плитки, доставлявшиеся на рынки Мерва [78; 79].

Ремесленники сбывали скупщикам, а также сами торговали своими изделиями на базарах, которые нередко служили рабочим местом искусных мастеров. Были и такие ремесленники, которые периодически выезжали в другие города и там изготовляли и продавали свои изделия. Торговля ремесленными изделиями производилась как в крупных, так и в небольших провинциальных городах. В них имелись не только ремесленные кварталы, но и базарные площади. Особенно бойкая торговля шла на рынках тех городков, которые располагались на магистральных караванных путях [79, 24 сл.].

Средневековые источники содержат довольно скудные данные о формах организации ремесла исследуемой эпохи. Очевидно, в ту пору наиболее типична была небольшая мастерская, хозяин которой был непосредственным работником и владельцем средств производства [74; 101]. Такие мастерские, как и в предшествующее время, назывались кархане, причем наряду с мелкими были и довольно крупные [13, л. 161a], как, например, керамическая мастерская XII—начала XIII в., принадлежавшая Мухаммаду Али Инайатону. Располагалась она в квартале гончаров мервского рабада и производила чаши, тагара, детские игрушки, хумы, светильники и другие изделия [101; 74]. Однако, помимо частных, вероятно, было и немало ремесленных мастерских, принадлежавших государству [153, 25].

Ремесленники XI—XII вв., как и в более раннее время, подразделялись на хозяев и подмастерьев. Очевидно, за свой труд, ученики ежемесячно получали соответствующую плату (муздвар). Зажиточные хозяева ремесленных мастерских частично применяли и труд невольников [109, 277, 278]. По всей вероятности, ремесленные мастерские содержали и богатые купцы, состоятельные чиновники и преуспевающая аристократичес-

кая знать. В качестве рабочей силы они использовали как наемных мастеров, так и феодально зависимых людей.

В источниках почти не содержится никаких данных о цеховых организациях в Туркменистане XI—XII вв. Видимо, ремесленники были объединены в цехи по основной и смежной профессиям. В пользу этого соображения говорит косвенный факт, относящийся к периоду монгольского нашествия. В первой четверти XIII в. при осаде Герата войсками Тули-хана упоминается ремесленный предводитель (мукаддам) Изз ад-Дин Мухаммад [125, 29]. Он был главой всех ткачей этого города, славившегося своими текстильными изделиями. Очевидно, такие же цеховые объединения функционировали и в исследуемое время в Хорасане, Гургане и Хорезме. Наряду с профессиональными корпорациями, вероятно, существовала и форма сотоварищества — переходная ступень к цеховым организациям [74: 130].

Ремесло кочевых племен
Ремесленное производство существовало не только в земледельческих, но и скотоводческих областях Туркменистана. Ремесло кочевников отличалось ярким своеобразием, колоритом и носило чисто натуральный характер.

В средневековых источниках сохранилось мало сведений о ремесленном производстве скотоводческих племен Туркменистана. Кочевое население издавна изготовляло различные войлоки, шерстяные одежды, стрелы с костяными наконечниками. Опытными мастерами в изготовлении кошм были туркмено-огузские скотоводческие племена.

В источниках XI—XIII вв. приводятся названия многих предметов ремесла туркмен, указывается на производство различных видов обуви, одежды, посуды, украшений. Туркмены изготовляли войлочные и кожаные сапоги, шерстяные, льняные ткани и другие изделия. Среди туркменских ремесленных инструментов упоминается самопрялка, именованная чакрык. Среди туркмен были и ремесленники, изготовлявшие самые различные изделия, серебряных дел мастера (кюмушчи) и ткачи (чулах) [9, 98].

В XI—XII вв. особенно славились производившиеся туркменами войлоки (кигиз), паласы (килим) и ворсовые ковры (кали). Наряду с этим отмечается произ-

водство белых туркменских кошм для кибиток, приготовлением которых занимались в основном женщины и девушки. Мужчины изготавливали оружие, сбруи для верховых и выючных животных, деревянные остовы кибиток и т. д.

Ремесленное производство туркмен исследуемого периода носило домашний характер и было тесно связано с кочевым скотоводством, земледелием и рыболовством. Оно не выделилось в самостоятельную отрасль производства и носило натуральный характер. Вместе с тем необходимо отметить, что в процессе развития оседлости, земледелия и торговли в туркмено-огузской среде постепенно складывалась прослойка ремесленников-профессионалов. Источники XII в. сообщают, например, о наличии у сельджукских племен мастеров кибиточных дел, изготавливавших деревянные остовы юрт [64, 10]. Позднее упоминаются ремесленники, специализировавшиеся на производстве украшений и тканей.

Отдельные виды ремесленной продукции огузов и туркмен в XII—XIII вв. имели товарный характер. На это указывают факты о вывозе и продаже ими ворсовых ковров, отличавшихся изумительной красотой. Однако все это не изменило общей картины их ремесленного производства, имевшего в целом домашний характер.

Торговля и обмен Образование громадной Сельджукской империи благоприятно отразилось на развитии экономических связей Туркменистана с другими областями Востока. Кратковременный период упадка поры сельджукских завоеваний XI в. сменился оживлением и подъемом в области торговли и обмена. Этому способствовало не только объединение целого ряда стран в рамках единого государства, но и сама экономическая политика «великих» Сельджукидов.

Торговля в Сельджукской державе получила свое наивысшее развитие в правление султана Малик-шаха. В его царствование была сделана попытка несколько упорядочить метрическую систему¹ и установить единую

¹ Около 1074 г. султан Малик-шах создал авторитетную комиссию для реформы календаря. Среди входивших в нее ученых был знаменитый поэт и математик Омар Хайям. Комиссия успешно справилась с поставленной задачей и произвела реформу мусульманского календаря [173].

дорожную линейную единицу [191, 100]. Велось интенсивное строительство придорожных торгово-почтовых станций, были приняты меры для обеспечения безопасности караванных дорог [178, 51]. В 1087 г. Малик-шах издал указ, согласно которому были отменены некоторые торговые пошлины с купцов Ирака и Хорасана¹. Это мероприятие имело важное значение для оживления и развития экономических взаимоотношений в Средней Азии, странах Ближнего и Среднего Востока. Ферман 1087 г., вероятно, преследовал своей целью также нивелирование отношений между иракскими и хорасанскими торговцами. Следует иметь в виду, что они издавна конкурировали между собой на рынках Ближнего и Среднего Востока [148, 310].

В XI--XII вв. в Туркменистане основным средством экономических сообщений явилась сухопутная караванная торговля. Морской путь по Каспию связывал главным образом иранские порты южного побережья с Закавказьем и Нижним Поволжьем [63]. Главными статьями вывоза с западного побережья были кир и нефть черного и белого цветов [84, 525]. Нефтяные продукты доставлялись на восточный берег Каспия на морских кораблях из Баку [13, л. 46; 203, 389]. Отсюда их развозили для продажи в различные области Средней Азии, Ирана, Афганистана.

Сухопутные караванные трассы, являвшиеся основными торгово-экономическими артериями, в местных природно-географических условиях имели свои особенности. Значительную часть Туркменистана занимают безводные Каракумы, представляющие большие трудности для передвижения, поэтому на торговых путях, шедших через пустыню, имелись колодцы и особые крытые водохранилища (сардобы). Кроме того, были караван-сарай, почтовые станции и рабады. Последние являлись оборонительными укреплениями против кочевников, нападавших на земледельческие области. Однако в рассматриваемую пору рабады на торговых магистральных служили в основном пунктами остановок караванов. Вдоль торговых путей через Каракумы соору-

¹ Ибн ал-Каланиси говорит об упразднении султаном Малик-шахом таксы под названием макса, что означало «неканонизированные сборы» [190, 249; 176, 14].

жались также сигнальные дымовые башни, указывавшие дорогу верблюжьим караванам [79, 84 сл.].

В XI—XII вв. через территорию нынешнего Туркменистана проходили важные торговые магистрали, соединявшие Восточную Европу, Переднюю и Малую Азию с Дальним Востоком. Один из главных торговых путей шел из Нишапура к Серахсу, а затем к Старому Мерву [15]. Караваны следовали также вдоль левого берега Мургаба по направлению к верховьям этой реки и достигали Мерверуда [16]. Другая торговая дорога вела из Султан-калы через Кушмейхан к г. Амулю, а отсюда — в Хорезм. Существовала также караванная трасса, шедшая в Куня-Ургенч из Старого Мерва через северо-западные Каракумы [79]. Хорезмский оазис сообщался с Хорасаном и по дороге, пролежавшей вдоль старого русла Узбоя и выходявшей к Фераве [46, 145, 178]. Важное транзитное значение имел путь, шедший из Куня-Ургенча по каменистым полупустыням Мангышлака и Устюрта в пределы Восточной Европы [130].

В Сельджукской державе XI—XII вв. торговые дороги содержались лучше, чем даже в «образцовом» государстве Саманидов. Прежние караванные пункты были расширены и благоустроены, появился целый ряд новых придорожных станций. В царствование Санджара на месте старого рабада Тахирии, например, было построено великолепное здание караван-сарая, которое было воздвигнуто в урочище Дая-Хатын, на трассе магистрального торгового пути из Хорасана и Мавераннахра в Хорезм. Караван-сарай были построены также в Башане и других торгово-ремесленных окраинных городках Мервского оазиса [77; 79].

Рынки Туркменистана являлись центрами бойкой продажи и обмена местными и привозными товарами. В Мерве, Абиверде, Нисе и других городах имелось немало как общих, так и специализированных базаров. Мервский рынок Джубука служил местом продажи овощей и фруктов, которые развозились отсюда по лавкам зеленщиков и бакалейщиков. В крупном мервском квартале Зарджайн шла оживленная торговля высокосортным пшеничным зерном. Базарные площади имелись не только в городах, но и в сельских местностях, куда стекались жители окрестных деревень [81, 330, 340]. В крупных городах Хорасана (Исфахан) рынки были обнесе-

ны стенами и имели ворота. Наряду с общими имелись особые базары¹, в том числе рынки менял [93, 181].

Одним из крупных центров транзита в XI—XII вв. являлся Хорезмский оазис, куда доставлялись редкостные товары: бирюза из пределов Барсхана², рога животного хуту³, привозившиеся из Чина [88, 32]. Торговые караваны везли из Камской Булгарии беличьи, соболиные, горностаевые и другие меха, рабынь и молодых невольников [12, 195б]. Купцы из Поволжской Буртасии доставляли гулямов, хаданг, красивых невольниц, шкурки красных лисиц. Хорезмийские купцы скупали привозные товары для перепродажи в различные страны Востока. Они с большой выгодой сбывали меха соболей, выдр, шкурки каракулевых ягнят, одежду, сухие фрукты и овощи. Торговцы и перекупщики вывозили также из Хорезма соленую рыбу, бобровые шкурки, строительный камень и другие товары [14, 82а]. Большим спросом пользовались местные сладкие дыни, вывозившиеся тысячами для продажи в соседних областях [12, 202].

Большим спросом на рынках Хорасана, Мавераннахра, Хорезма пользовался мускус, привозившийся из страны киргизов и татар, Кашмира, Хотана и Тибета. Особенно славился мускус, серебряные и золотые слитки, доставлявшиеся из Туркестана [12, 198; 114, 58]. Значительным спросом пользовалась шелковая материя торгу [88, 23; 14, 63, 82]. Предметы роскоши, импортировавшиеся из этих стран, были доступны лишь местным богачам, зажиточной феодальной аристократии⁴.

В Хорасан, Гурган и Хорезм привозились товары как из Восточной Европы, Западной Азии, Дальнего Востока, так и из Закавказья и Византии [88, 22]. Они прони-

¹ В рабаде Балха, например, имелся рынок продавцов веревок и ниток [83, 36].

² Город, располагавшийся в районе озера Иссык-Куль, на территории нынешней Киргизии.

³ Трудно определить, что скрывается под этим названием. В. В. Бартольд полагал, что «хуту» это клыки моржей и нарвалов.

⁴ Достаточно отметить, что мускус, приобретаемый для нужд сельджукского двора, хранился в казне наряду с драгоценностями, золотыми и серебряными монетами [178, 69].

кали в Иран и сопредельные области Средней Азии в основном через сельджукские владения Передней и Малой Азии.

В XI—XII вв. среди привозных товаров, продававшихся на рынках Туркменистана, имелись также индийские и китайские изделия. Попытка византийской дипломатии, предпринятая в царствование Малик-шаха, натравить китайцев на Сельджукскую державу, не принесла успеха [156, 78, 79]. Императоры Сунской династии предпочли войне с сомнительным исходом продолжение традиционно выгодной торговли в Западной Азии¹. В XII в. (в царствование Санджара) они налаживают посольские связи с мервским двором [13, 254]. Все это при обоюдной заинтересованности благоприятствовало развитию экономических взаимоотношений между Средней Азией и Китаем. В пользу такого мнения говорит и археологический материал, добытый на территории Южного Туркменистана и Хорезмского оазиса [40, 28].

Торговые отношения в рассматриваемую пору поддерживались не только с Китаем, но и с Индостанским полуостровом. Среди обнаруженных в Башане монет имеются медные деньги, чеканенные при дворе североиндийской династии Гахарвар [79, 31]. Монеты выпущены в правление Мадана Пала Дева (1080—1115 гг.), что свидетельствует о торговых связях Туркменистана с Индией в XI—XII вв.

Караванная торговля в основном находилась в руках кампаний, объединявших подчас немалое число пайщиков. Сюда входили богатые купцы, ростовщики, состоятельные чиновники, зажиточные аристократы. Однако главную роль в этих кампаниях играли купцы, имевшие своих торговых агентов или сами ездившие с караванами в различные страны [83, 44; 109, 154—157]. Наряду с крупными дельцами среди них было немало торговцев среднего достатка, занимавшихся перепродажей импортных товаров. «Мое дело таково, — рассказывает один из таких купцов, — скитаюсь по суше и по морю, имею немного капитала; куплю в одном городе редкие

¹ В исследуемую эпоху из Северного Китая и Восточного Туркестана в Среднюю Азию завозились невольники, молодые рабыни, а также шелковые ткани и другие товары [109, 154].

вещи, привезу в другой, продам, довольствуюсь небольшой прибылью» [109, 28].

Торговые кампании были различны по составу пайщиков, размеру оборотного капитала и ареалу деловых операций. Наиболее крупные из этих объединений держали в своих руках всю торговлю в ряде стран «мусульманского» Востока. Одна из таких кампаний практически контролировала все торговые обороты в Иране, Газне, Ираке и Хорезме. Главой этой большой сильной торговой корпорации являлся влиятельный купец¹ Ходжа Муним Шамс ад-Дин Аджами [194, 275].

Торговые караваны, особенно совершавшие дальние переходы, были снабжены всеми необходимыми припасами и снаряжением. Они имели своего главу (эмира или салара), умудренного годами опытного проводника. Караваны трогались в путь по сигналу предводителя, извещавшего об отправлении ударом в барабан или литавры [155]. Они двигались в сопровождении вооруженного отряда, охранявшего торговые грузы от грабительских нападений. Иногда начальники конвоя, имевшие в своем распоряжении конных всадников, одновременно являлись эмирами караванов [109, 69, 70]. В торговых караванах имелись бар-салары, заведовавшие грузами, и караван-салары, распоряжавшиеся всем караваном [109, 322]. Караваны, шедшие через степи и пустыни, двигались под защитой вождей местных кочевых племен [7].

Приезжим купцам отводились места на торговых площадях и соответствующих рынках. Зачастую в своих операциях они пользовались услугами маклеров (далал), имевших местную клиентуру [104, III, 30]. Рынки были снабжены весами, за содержанием их в порядке, точностью мер и ценами следили займы базаров (зуама-йи асвак), над которыми осуществляли контроль мухтасибы; они проверяли точность гирь², валютную пробу, стоимость и «легальность» товаров [83, 28; 109, 47]. Обвешивание и нечестность в торговых сделках подлежали строгому наказанию, но в действительности

¹ Джузджани называет его «царем купцов (малик ат-туджар) страны Аджам, Ирака, Хорезма и Газны». [194, 275].

² Для проверки точности гирь, вероятно, применялись соответствующие весовые эталоны. Сами гири этого времени изготовлялись из глины, стекла, отшлифованных галек, бронзы и других металлов [122, 55].

искушенные купцы и опытные посредники находили всяческие пути для обмана покупателей [104, III, 28, 29].

Денежное обращение

В правление Сельджукидов функционировали денежные знаки предшествовавшего времени — динары, фельсы, дирхемы [24; 43]. Золотая валюта, служившая и в качестве товара, состояла из червонных (сорх) и рукнийских динаров [123; 124]. Они различались по своему весу, пробе металла, качественному составу и месту чеканки. Монеты из высокопробного золота (динар-и сорх) отличались от находившихся также в обороте низкопробных динаров (рукни). В противоположность червонной валюте они имели бледно-желтый цвет — результат инородных примесей. Низкопробные электронные динары находились в основном в местном, локальном денежном обращении. Динары из чистого золота чеканились верховными султанами, обычно в этой валютной единице исчислялись подати и налоги [123; 124].

Эмиссии золотых и серебряных денег некачественной пробы начались в Сельджукской державе уже в середине XI в. [120]. Чеканка электронных динаров из сплава золота и серебра продолжалась в царствование Малик-шаха и Санджара [123; 119; 124].

В денежной системе Сельджукидов XI—XII вв. прослеживается так называемый серебряный кризис¹. Он проявился в удорожании, постепенном исчезновении и замене серебряных дирхемов низкопробной валютой. В качестве примеси к серебру при чеканке монет в основном использовалась медь. Серебряный кризис начался еще до образования Сельджукского государства и достиг своего апогея к концу XI—началу XII в. [53, 102]. Начавшись в Средней Азии, кризис постепенно охватил другие страны мусульманского Востока и распространился вплоть до Византии [29, 24]. Сельджукские правители делали настойчивые попытки возродить и усилить эксплуатацию серебряных месторождений². В частности, в Табареке близ Рея стали разрабатываться серебряные

¹ Относительно причин этого кризиса в исторической литературе высказаны самые различные мнения, но нет единой точки зрения [см. подробнее: 52; 53; 73; 120].

² В правление Санджара началась эксплуатация золотых копей в Хорасане, в области Гарчистан и окрестностях Дамгана [121, л. 39a].

рудники, но добыча едва покрывала затраченные расходы [191, 193, 194].

Серебряный кризис имел серьезные последствия в экономической жизни Сельджукской державы XI—XII вв. Он способствовал не только ухудшению качества дирхема, но и понижению его покупательной способности и вздорожанию цен. Замена низкопробной серебряной валюты медными деньгами и переход к золотой валюте усилил приток иноземных монет. Позднее выход из затянувшейся инфляции был найден в импорте европейского серебра через торговые фактории Венеции и Генуи. Серебряный чекан был восстановлен в конце XII в. в пределах владений аббасидских халифов. Постепенно кризис был преодолен и в других мусульманских странах Западной Азии. Однако в Средней Азии он затянулся надолго и серебряный чекан был здесь возобновлен лишь после установления монгольского владычества.

Очевидно, углубление серебряного кризиса в царствование Сельджукидов было вызвано целым комплексом причин. Одной из них явилось временное ухудшение экономического положения завоеванных Сельджукидами стран. Военные действия грандиозного размаха, массовые грабежи и опустошения являлись неизбежными спутниками их экспансионистской политики. Содержание огромной армии, громоздкого бюрократического аппарата и роскошного султанского двора стоило огромных средств. Приток дани с покоренных стран и военной добычи не мог покрыть дефицита расходов государственного бюджета. В денежной системе возникли явные инфляционные симптомы, требовавшие принятия соответствующих мер. Сельджукское правительство в этой обстановке было вынуждено пойти на массовую подделку наиболее ходовой серебряной монеты¹. Качественное ухудшение валюты в аналогичной ситуации было далеко не редкостным явлением в истории средневекового Востока².

¹ Однако следует отметить, что выпуск серебряной валюты не прекратился. В XII в. при иракских Сельджукидах, например, в Исфахане, чеканилась серебряная монета под названием аича.

² В качестве примера можно указать на Египет поры царствования Салах ад-Дина Айюби. Ведя ожесточенную борьбу с фатимидами и крестоносцами, он был вынужден мобилизовать все ресурсы на военные нужды Египта. Салах ад-Дин прибег к значи-

Послевоенный упадок, сопровождавшийся финансовым кризисом, способствовал проведению ряда важных реформ. В правление Малик-шаха везир Низам ал-Мульк осуществляет реорганизацию армии и вместо иррегулярных сельджукских ополчений создается постоянное феодальное войско. Широкое распространение получает раздача икта, основанная на пожаловании земельных наделов за гражданскую и военную службу. В обстановке послевоенной разрухи и слабости государственного аппарата икта становится ведущим феодальным институтом в Сельджукской державе.

В исторической литературе существует мнение, что серебряный кризис XI—XII вв. был следствием роста городов, чему содействовало товарное производство и развитие системы икта. Однако в реальной действительности эти, бесспорно, связанные между собой явления находились в более сложном как прямом, так и обратном взаимодействии. Скорее всего не серебряный кризис был результатом широкого распространения икта, а сам этот институт являлся порождением разрухи и инфляции. Насколько известно, серебряный кризис начался задолго до образования Сельджукской империи, тем не менее в предшествующее время он не привел к столь широкой раздаче иктовых наделов. В пользу этого же мнения говорит объективная сущность отмеченных реформ, которые были направлены на уменьшение затрат на войско и чиновничий аппарат в звонкой валюте. Отсюда вполне правомерно думать, что небывалое распространение института икта при Сельджукидах было также следствием экономической разрухи послевоенных лет, сопровождавшейся расстройством денежной системы.

Содержание вновь созданной огромной наемной армии и разветвленного бюрократического аппарата, поддержание широкой экспансионистской политики требовали баснословных средств. Центральному правительству в этих условиях приходилось мобилизовывать все ресурсы для управления обширной Сельджукской империей. Сложившаяся экономическая конъюнктура вызвала необходимость значительного увеличения денеж-

тельному качественному ухудшению пробы золотого динара, что привело к обесцениванию монет.

ных средств. Выход из создавшегося положения был найден в уменьшении бюджетных расходов за счет предоставления наделов вместо уплаты денежного жалования. Государственная казна тем самым избавлялась не только от непосредственных финансовых затрат, но и содержания большого штата чиновников по сбору податей. Иктадару самому предоставлялась возможность и право взимать налоги с подданных его надела. Одновременно с этим периодически ухудшалась валютная проба драгоценных металлов и увеличивалось количество медных денег.

В XI—XII вв. в Туркменистане и других областях Сельджукского государства широкое хождение получают медные дирхемы. Медные деньги являлись обычной разменной монетой, но были предназначены для внутреннего рынка. Чеканка таких дирхемов производилась в качестве своеобразной «кредитной монеты», выполнявшей роль «своего рода медных ассигнаций» [29, 24].

Распространение в денежном обращении низкопробной валюты сочеталось с широкой практикой чековой расплаты в торгово-финансовых операциях. Звонкая монета в золоте и серебре уступает место распискам и кредитным документам в рыночном обмене. Особые бумажные «ассигновки» под названием «киртас», очевидно, начинают применяться и в торговле с кочевниками [198, 186].

В XI в. кредитные сделки получают распространение в странах «мусульманского» Востока. Торговцы часто пользуются «хавала» — переводами долга и «суфтаджа» — документами типа аккредитива, подлежащих обмену на деньги [118].

В XI—XII вв. значительную роль в торговых делах играли менялы (саррафы) и своего рода денежные «банки» [104, III, 31]. Крупные рынки имели специальные ряды менял, принимавших иноземные товары и валюту в обмен на бумажные «вексели» [93, 198]. Система чековых расчетов уже в середине XI в. имела широкое распространение в странах Восточной и Западной Азии. В торговых и других операциях употреблялись ассигнования (берат), выдававшиеся на получение с кого-либо причитающегося количества денег, либо взыскание определенной суммы из податей и сборов [2, 957]. Торговые сделки на недвижимое имущество

скреплялись так называемыми «кабала» — купчими крепостями [132, 87]. Применялись также расписки (хатт, чек) при отдаче валюты или сдаче ее меняле — саррафу. «Торгуют там, — рассказывает Насири Хосров о рынках Басры,—следующим образом: если у кого-нибудь есть что-нибудь, он сдает этот товар меняле и получает от него расписку. Затем он покупает все, что ему надо, а вместо уплаты дает чек на того самого менялу. За время, что купец находится в городе, он сплошь пользуется расписками менял и совершенно не прибегает к звонкой монете» [93, 186].

Практика расчетов по таким документам не была нововведением сельджукской поры, а существовала в более раннюю эпоху. Абу Шуджа Рудавери отмечает, что при Аббасидах платежи по денежным чекам производились в самых различных областях «мусульманского» Востока [186, III, 138]. В царствование «великих» Сельджукидов подобная система получает свое дальнейшее развитие в условиях расцвета феодальной экономики.

Торговля с кочевниками Скотоводческие племена Туркменистана издавна находились в тесных экономических связях с населением оседлой полосы. Образование Сельджукской державы значительно стабилизировало торговлю между оазисами и кочевой степью. Развитие патриархально-феодальных отношений у скотоводческих племен содействовало активизации экономических взаимоотношений с земледельческими оазисами.

В XI в. особенно интенсивными были торговые связи кочевых туркмен и огузов с Хорезмом, Гурганом и Хорасаном. Большая часть богатств хорезмийцев являлась результатом их торговли с окрестными степными племенами. Площадь города Ургенча была местом большого оживленного торга привозным скотом. В Ургенче располагались склады товаров; отсюда купцы направлялись в Поволжье, Хорасан и Гурган.

В источниках XI—XII вв. чаще всего упоминается о продаже туркменами продукции своего животноводческого хозяйства: Скот, поступивший из их кочевий, пользовался большим спросом в Хорасане, Мавераннахре, Хорезме. Средневековые историки говорят также о продаже на внешних рынках туркменскими племе-

нами и другой животноводческой продукции [65, XI, 125].

Торговля скотом приносила выгоды не только кочевым огузам и туркменам, но и земледельческому населению Хорасана и сопредельных областей. В этом отношении характерно признание большой роли торговых взаимоотношений с кочевниками в одном из сельджукских документов XII в. «Товары и предметы их (кочевников), — говорится в указе Санджара, — дающие прибыль, являются причиной увеличения благоденствия, довольства и пользы оседлых людей. Знать и простой народ имеют свою долю в этих благах и преимуществах» [81, 314].

Кочевники вели обмен и торговлю с соседними народами не только скотом, но и другими товарами. Они, как свидетельствуют нарративные источники, вели также работорговлю. Главным источником торговли рабами были постоянные войны и захват пленных. Обращенных в рабов военнопленных продавали на рынках соседних земледельческих областей.

Торгово-экономические связи кочевых туркмен и огузов с окрестными народами осуществлялись главным образом посредством натурального обмена. В XII в. историк Вильгельм Тирский отмечал, что туркмены «меню приобретают все необходимое на жизнь» [9, 101]. Основным платежным средством при меновой торговле издавна был скот, выполнявший функцию денег. Примечательно, что в языке огузов XI в. скот, как и другие богатства, обозначался словом «тавар».

Наряду с простым обменом у туркмен и огузов XI—XII вв. развивались товарно-денежные отношения. В обращении у них находились монеты, чеканенные правителями Хорезма, Мавераннахра, Хорасана. В языке туркмен XI—XIV вв. деньги назывались агры, ярмак и акча. В обращении у них наряду с монетами находились и серебряные слитки.

Торговая практика туркмено-огузских племен основывалась на своеобразном институте куначества. Мусульманские купцы, прибывшие в их кочевья, считались почетными гостями. Каждый торговец останавливался у своего биста (друга), который ставил для него отдельную кибитку и доставлял необходимый провиант. Гость подносил хозяину юрты и его жене различные по-

дарки. В свою очередь правом гостеприимства пользовались и туркмены, прибывшие к своим кунакам.

Таким образом, данные средневековых источников позволяют говорить о большой роли торговли в экономике кочевых туркмен и огузов XI—XII вв. Главным образом они продавали свою животноводческую продукцию в обмен на хлеб и различные товары, доставлявшиеся из земледельческих областей. Соседним народам они поставляли также меха пушных зверей и некоторые другие товары, занимались и продажей обращенных в рабов военнопленных. В их торговых делах широкое распространение имел куначеский обычай, напоминающий античную проксению, с помощью которой в древности осуществлялись торгово-экономические и дипломатические связи [7].

Торгово-экономические связи туркмен и огузов с соседними народами осуществлялись путем натурального обмена и продажи на деньги. Развитие денежных отношений было следствием тесных экономических связей кочевников с земледельческими областями и роста товарности их скотоводческого хозяйства.

В XI—XII вв. в Туркменистане, как и в других областях Сельджукской державы, существовало несколько форм землепользования¹. Основными видами феодального землевладения являлись халисат—собственность правящей династии², икта—наделы, дававшиеся за военную, гражданскую и вассальную дружбу, мульк—частные [142], обычно наследственные владения³ и вакф—недвижимое имущество, завещанное на богоугодные и благотворительные дела⁴. Наряду с крупным и средним феодальным землевладением сохранялась мелкая

¹ Формы землевладения, виды налогов и аграрные отношения в Туркменистане в XI—XII вв. освещены нами в соответствующей главе специального коллективного труда [10, 147—200]. Поэтому в настоящей работе лишь вкратце рассматриваются основные моменты, связанные с развитием феодальных институтов сельджукского периода.

² Домённые земли именовались по-разному: амлак-и хасс, ас-баб-и хасс, амлак- и халисат-и диван, акар, дийа [153, 20].

³ В советской историографии высказано также мнение о том, что мульк представлял собой «неразделенную собственность государства и частных землевладельцев» [129, 168 сл.].

⁴ В вакф могло быть завещанным и любое другое имущество.

крестьянская собственность (амлак-и мардуман) и общинные владения (арази-йи джамаат).

Главным собственником всего земельного фонда считался верховный султан. Сельджукские правители и другие члены правящей фамилии имели и свои личные земельные владения. В нарративных источниках и документах часто упоминаются султанские земли [83, 104, 107; 69, л. 25]. Они называются обычно «асбаб-и хасс»¹, или как у хорезмшахов — «мамалик-и хасс» [39, 44 сл.]. Доменные земли Сельджукидов были разбросаны в самых различных областях, в том числе в Мервской провинции [83, 131]. Личными султанскими земельными владениями были также многочисленные, обычно довольно крупные мульки², акары и дийа³.

Верховные сельджукские правители имели право раздавать земли из отождествлявшегося иногда с государственной собственностью доменного фонда. Санджар пожаловал, например, в качестве икта почти все, что «выпало на его долю» в Северо-Западном Иране при установлении границ между султанатами Ирака и Хорасана. Это были считавшиеся коронными мулками земли в Табаристане, Мазандеране, Демаванде, Кумисе и Рее [151, 135].

Земли доменного фонда могли передаваться не только в условное держание, но также в дар (тамлик) и в качестве частной собственности (бар сабил-и мулькият). Пожалованные султаном в личную собственность (халиса) земли могли быть проданы, обменены, подарены, отданы в залог, завещаны в вакф. Однако право на владение такими землями (тасарруфат-и маликана) могло быть и неполным [153, 21].

Аграрные институты исследуемого периода были тесно связаны с бурным развитием феодальных отноше-

¹ Следует отметить, что в советской и зарубежной литературе слово «асбаб» истолковывается по-разному [129: 165; 190]. Однако скорее всего этим термином обозначались «земельные владения», либо «земли, иногда с орошающими их водами» [129, 167, 168].

² В средневековых источниках имеются сведения о том, что ежегодные доходы с мулков, принадлежавших султану Малик-шаху, составляли одну тысячу золотых рукнийских динаров [22, 145].

³ Термин «дийа» обычно переводится как «поместье», но существует мнение, что этим словом обозначались земельные «угодья»; термин «акар», видимо, прилагался к «усадебам» и приусадебным обрабатываемым землям [129, 166].

ний. Источники данной поры свидетельствуют об упадке старинного дехканского землевладения, дальнейшем распаде мелкой крестьянской и общинной собственности. Наряду с этим интенсивно развиваются условные виды держания, пожизненные и наследственные формы землевладения [10, 147 сл.].

Развитие феодальных институтов рассматриваемой эпохи происходило в довольно сложной обстановке. Сельджукские завоевания привели к опустошению многих стран Западной Азии. Пострадали и оказавшиеся ареной военных действий земледельческие области Хорасана, Гургана и Хорезма. В 1056 г. вспыхнул голод, за которым последовала эпидемия, охватившая огромную территорию от Ирака до Мавераннахра. Начавшаяся экономическая разруха прежде всего затронула сельское хозяйство и способствовала разорению земледельческого населения. В этих условиях пришедшая к власти династия Сельджукидов вынуждена была пойти на некоторые уступки населению Хорасана. Уже первые представители этой династии стремятся восстановить разоренные войной хозяйства и освобождают на время сельское население от уплаты хараджа [154, XI, 328]. Временная отсрочка от уплаты поземельного налога преследовала своей целью восстановление сельского хозяйства — основы производительных сил. Однако в дальнейшем созданный сельджуками по прежним бюрократическим образцам чиновничий аппарат стал выжимать все соки из крестьянства. Сельджукские правители утвердили за землевладельцами, перешедшими на их сторону, их недвижимую собственность и доходы [154, XI, 385]. В царствовании Тогрул-бека началась раздача земель вассальным правителям и регулярному войску. Члены правящей династии распределили между собой завоеванные области и страны [151, 6]. В одних случаях они получили эти земли в мульк, а в других — в икта [165, 60].

Наиболее широкое распространение в державе Сельджукидов получил феодальный институт икта. Раздача земель в икта воинам за службу началась еще в ходе завоевания Сельджукидами стран Среднего и Ближнего Востока. Эта практика была введена при Тогрул-беке после подавления им в середине XI в. мятежа Ибрахима Инала [9, 216—220]. Однако при Тогрул-беке раз-

дача воинам икта не приобрела еще массового характера. Первоначально основанное ядро сельджукидского войска состояло из родо-племенных ополчений, во главе которых стояли туркмено-огузские вожди. Восстание в 1050 г. Ибрахима Инала, поддержанное кочевыми ополчениями, показало непрочность военной системы первых Сельджукидов. Поэтому султан Тогрул-бек после подавления этого восстания, направленного против центральной власти, приступил к созданию армии нового типа. Он стал раздавать целые области икта своим воинам, а также вассальным эмирам [154, XI, 385]. Пожалование земель в икта за военную службу способствовало тому, что постепенно на смену родо-племенным ополчениям пришло постоянное феодальное войско.

В Сельджукской империи второй половины XI в. были проведены важные социально-экономические мероприятия, оказавшие большое влияние на развитие феодального землевладения. Низам ал-Мульком была проведена реформа, положившая начало массовой раздаче воинам земельных наделов. Сущность ее заключалась в том, что если раньше государство выплачивало жалование солдатам из казны, то теперь взамен этого стали раздавать икта [151, 58]. Проведению такой реформы способствовала разруха, сопровождавшаяся массовыми эпидемическими болезнями, в результате чего урожай не собирался и казна оскудела [151, 58; 133, 243].

Реформа второй половины XI в. коснулась в известной степени и вакфного землевладения. Прежде всего был упорядочен и введен контроль над вакфами. Низам ал-Мульк назначил в качестве заведующих вакфами преданных и верных людей, стремясь таким путем ограничить стяжательство и наживу на вакфных доходах. Вместе с тем он добился выделения из государственного бюджета пенсий и пособий для служащих и духовенства. Был учрежден специальный фонд ассигнований в постоянно установленной сумме [151, 58].

Все эти важные мероприятия сыграли благоприятную роль в подъеме сельского хозяйства Сельджукской империи. Однако они таили в себе и потенциальную опасность для центральной власти. Рост экономической мощи, особенно крупных иктадаров (мукта) и мулькдаров, приводил к усилению сепаратистских тенденций. Объективное развитие феодального института икта в

XI—XII вв. способствовало превращению весьма значительного слоя мукта в наследственных собственников земли. Среди таких феодалов-землевладельцев имелось немало представителей туркмено-огузской аристократии. Практика раздачи икта вполне импонировала эксплуататорским интересам Сельджукской патриархально-феодальной знати. Обладая крупными икта, эта верхушка получала доходы не только от кочевого хозяйства, но и от земледельческой и ремесленной продукции своих наделов. Все это способствовало обогащению туркмено-огузской аристократии, росту ее экономической и политической мощи.

Г Л А В А II

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДЕРЖАВЫ СЕЛЬДЖУКИДОВ

Государственный аппарат Сельджукской державы начал складываться в ходе многолетней борьбы с Газневидами в Хорасане. Сельджукское движение послужило толчком к дальнейшему распаду органов родоплеменного управления и развитию феодальных институтов среди входивших в сельджукское объединение огузов и туркмен. Прежние органы власти, характерные для высшей ступени военной демократии, претерпевают серьезную трансформацию [9, 83—163]. Длительная борьба с Газневидами способствовала консолидации и сплочению значительной массы огузов и туркмен вокруг сельджукидской фамилии в Хорасане. В условиях многолетних боевых действий органы управления, избравшиеся некогда на период войны, обретают характер постоянных институтов власти. Происходят важные изменения в самой природе и организации управления сельджукскими племенами. Вытесняются последние остатки трансформированной власти народных собраний — пережитка военно-демократического строя. Главенствующую роль в практиковавшемся у сельджукских племен совете знати начинают играть военные предводители, ставшие фактическими владельцами завоеванных областей. Среди аристократии сельджукских племен окончательно побеждает внутривнутриполитический курс на союз с местной оседлой феодальной знатью [9, 211 сл.]. В конечном счете все это приводит к созданию государственного аппарата по не-

сколько видоизмененному образцу державы Саманидов и Газневидов [109, 306, 307; 146, 18].

В результате завоевания Сельджукидами Хорасана и ряда сопредельных областей и стран органы власти, существовавшие прежде у огузо-туркменских племен, оказываются непригодными для осуществления прочного господства над покоренными странами. Появляется необходимость создания более стабильного и мощного феодально-бюрократического аппарата. Складывание этого государственного аппарата происходит в ходе сельджукского движения и завоевательных войн XI в. и завершается в правление султана Малик-шаха.

Сельджукская держава в своих основных чертах была моделью прежних феодальных государств «мульманского» Востока. Однако в ее структуре чувствуется некоторое влияние политических институтов, существовавших у племен сельджукского объединения [139, 36, 37]. Поэтому Сельджукскую державу нельзя рассматривать как точную копию с предшествующих государств Саманидов, Газневидов, Буидов. В особенности это относится к начальному периоду истории Сельджукского государства, в правление Тогрул-беса и Алп-Арслана.

В державе Сельджукидов имелись некоторые политические институты, восходившие, очевидно, к государственным традициям сырдарьинских огузов X—XI вв. Это нашло свое выражение, например, в существовании института атабеков, получившим широкое распространение при Сельджукидах [47, 181—196].

В политической истории Сельджукского государства XI—XII вв. прослеживаются две основные тенденции, в которых проявлялось единство и борьба двух противоположных начал. Феодализация сельджукской верхушки, постепенно сливавшейся с аристократией покоренных стран и областей, стимулировала необходимость создания крепкой государственной власти. Однако наличие удельной ситемы, раздача целых провинций в наследственную собственность (мульк) и в качестве наделов (икта) объективно подрывали устойчивость централизации. Дальнейшее развитие этих феодальных институтов привело к усилению сепаратистских тенденций и объективно способствовало развалу Сельджукской империи. Передача крупных областей и стран в управле-

ние членам правящей династии содействовала появлению различных ветвей сельджукской фамилии в завоеванных странах Востока. Пока Сельджукская империя процветала, эти провинциальные ветви признавали сюзеренитет верховного султана. Однако по мере роста феодальных центробежных тенденций они постепенно обособились и стали фактически независимыми правителями [9, 219, 220].

Органы государственного управления начали создаваться еще до окончательной победы Сельджукидов над Газневидами в Хорасане. Так, в 1037 г. Дауд Чагры-бек после вступления Сельджукидов в Мервскую область назначил здесь управляющих, наместников и амилей-чиновников по сбору налогов [172, 35]. Сельджукские вожди уже в тот период держали при себе грамотных людей, в том числе из духовенства [178, 4 сл.]. Они исполняли самые различные функции, но в основном являлись переводчиками, секретарями и послами [197, 583, 150; 183, I, 122]. Каждый из главных сельджукских предводителей отправлял своего посланника для ведения дипломатических переговоров с Газневидами [9, 204]. Наряду с этим при сельджукских вождах имелись уже специальные телохранители и сновники [197, 689]. Однако до создания крепких постоянных органов управления было еще весьма далеко.

Процесс формирования государственного аппарата Сельджукидов был относительно длительным. Органы управления, возникшие в период сельджукского движения в Хорасане, развивались, крепили и расширялись в ходе дальнейших завоеваний. Ряд покоренных областей на первых порах был отдан Сельджукидами в распоряжение их прежних властителей. В других странах произошла замена старой администрации и назначены новые органы управления [151, 7 сл.; 148, 307]. Переход от режима военной оккупации к прочному управлению завоеванными областями требовал создания стабильных органов власти. В первую очередь это вызвало необходимость возникновения стационарных финансовых ведомств. В условиях военного времени сельджукские вожди зачастую довольствовались контрибуцией или данью с завоеванных стран. Однако постепенно вводится система постоянных сборов налогов и по-

дате́й [151, 7; 148, 307]. Наряду с этим создается государственный секретариат, подбираются кадры для штата чиновничьего аппарата [178, 4]. Султаны новой династии по примеру своих предшественников назначают везирей и заводят придворную свиту [146; 136]. Придерживаясь старых «правил хорасанских властителей», они устраивают два раза в неделю публичные разбирательства прошений и жалоб [65, X, 190, 191]. Такая практика, имевшая своей основной целью привлечение симпатий широких масс, вводится уже при Тогрул-беке после его вступления в 1038 г. в Нишапур [151, 7].

Политическая структура Сельджукской империи прошла несколько этапов своего развития. Схематически можно выделить несколько основных периодов, имеющих условные хронологические рамки.

Начальный этап (приблизительно с середины 30-х до начала 40-х годов) характеризуется становлением органов административного и финансового управления. Одновременно возникает контингент чиновников, в числе которых имелись секретари (катибы), послы, советники, переводчики [151, 30]. Сам объективный ход развития событий и повседневная жизненная практика вызвали необходимость создания постоянных органов власти.

Следующий период (примерно с 40-х до середины 60-х годов) знаменуется созданием бюрократического и военного аппарата, за основу которого берется политическая структура предшествующих феодальных держав. Возникают государственные органы власти (диваны), создается иерархия духовных, гражданских и военных должностей. Делаются первые шаги по пути формирования постоянной армии, призванной заменить прежние сельджукские родо-племенные ополчения [9, 219].

Заключительный этап (приблизительно с середины 60-х до начала 90-х годов) характеризуется упорядочением государственного аппарата, усилением роли центральных органов власти. Вводится постоянное феодальное наемное войско, получающее жалованье и наделы (икта). Проводятся важные реформы, закрепляющие устой государственного управления и верховной султанской власти [151, 58; 178, 46].

Первым сельджукидским властителем, присвоившим себе почетный титул «султан»¹, был Мухаммад Тогрул-бек. В некоторых источниках отмечается, что он уже в 428 г. х. (1036 г. или 1037 г.) назывался «великий султан, опора мира и религии» [178, 6]. Однако скорее всего титул султана был закреплен за сельджукским вождем после вступления в 1038 г. в Нишапур [9, 204, 205]. Султанское достоинство Тогрул-бека было официально признано аббасидским халифом Каимом в 1050 г. [51, 130]. Обычно верховные правители старшей ветви сельджукидской фамилии носили титул «великий султан, высочайший шахиншах»².

В державе Сельджукидов после Мухаммада Тогрул-бека султанская корона передавалась непосредственно от отца к сыну. Однако такой порядок наследования власти противоречил старинной традиции огузо-туркменских племен. Согласно этому обычаю, верховный правитель должен быть избран народным собранием (кән-кәш) и утвержден советом беков. Бытовало также представление о том, что султанская власть, принадлежащая всей царской фамилии, должна переходить к старейшему члену правящего рода. В середине XI в. пережитки этого древнего обычая, восходящего к родо-племенному строю, были еще живы среди племен сельджукского объединения. Характерно, что после смерти Тогрул-бека в 1063 г. на султанский трон стал претендовать его брат Тутуш — дядя Малик-шаха. В ответ на это Малик-шах сказал, что власть принадлежит не старшему в роду, а переходит непосредственно от отца к сыну [178, 39; 156, 20, 21].

¹ Первоначально этим термином обозначалась всякая светская власть, причем султанами назывались и правители областей, районов и даже городов. В X в. султаном в отдельных случаях называли и аббасидского халифа — духовного главу всех мусульман. В ряде средневековых источников говорится, что первым царем, присвоившим себе титул султана, был Махмуд Газневи. Однако вряд ли это утверждение является справедливым и точным, поскольку в источниках XI в. Газневиды официально именуется эмирами. Впрочем, здесь, возможно, имеется в виду то обстоятельство, что султанами газневидских правителей называли багдадские халифы.

² Наряду с этим они носили также громкий титул «султан Востока и Запада» [178, 13].

Борьба между двумя рассматриваемыми тенденциями была следствием развития феодальных отношений среди племен сельджукского объединения. Противоборство двух идей о власти завершилось в XI в. победой линии прямого наследования от отца к сыну¹.

Наследники престола в Сельджукском государстве назначались еще при жизни царствующего султана [151, 8]. Практиковался особый церемониал возведения на трон и присяги на верность будущему султану. Царевича сажали на лошадь, впереди которой шествовала знать, одаривали присутствующих халатами и вышитыми попонами [154, X, 34; 156, 12]. Очевидно, в этой торжественной церемонии отражались некоторые следы кочевых обрядов, существовавших у огузо-туркменских племен. Среди тюркоязычных народов средневековья конь олицетворял собой племя и даже целое государство. Поэтому сажание наследника сельджукского престола на коня, вероятно, символизировало его возвышение над народом, получение государственной власти².

Сельджукские правители, начиная с Мухаммада Тогрул-бека, получали инвеституру на султанскую власть от аббасидского халифа [178, 13; 148, 305]. Обряд посвящения сопровождался облачением в почетные одежды и другими церемониями [51]. Сельджукские власти создали идею «султана ислама как верховного правителя всего мусульманского мира, стоящего рядом с халифом, религиозным главой мусульман, освещающим власть султана своим религиозным авторитетом» [26, 248].

Султан, получая от халифа инвеституру и специальный диплом, как бы становился «доверенным» самого «имама правоверных»³; он считался «повелителем мира» на основе коранической догмы о божественном предопределении власти. «Всевышний в каждую эпо-

¹ Правда, несколько позднее Кутылмыш сделал попытку взойти на трон по праву старшего в роду Сельджукидов. Однако эта попытка завершилась его поражением и гибелью.

² Наряду с этим обрядом, при Сельджукидах практиковался и церемониал, существовавший при предшествующих династиях и имевший широкое распространение по всему «мусульманскому» Востоку.

³ Однако это не мешало сельджукским правителям вести борьбу с халифами, которые были лишены ими светской власти.

ху, — пишет Низам ал-Мульк, — избирает одного из людей, прославляет и украшает его достоинствами государя» [109, 11].

Прерогативы султанской власти были огромны, он являлся верховным распорядителем всего государственного имущества. «Когда государь на кого-либо разгневан, — пишет Низам ал-Мульк, — он приказывает отрубить голову, отсечь руки и ноги, вздернуть на виселицу, бить палками, отвести в темницу, бросить в яму» [109, 235].

Глава Сельджукской державы был обязан разбирать жалобы на своих вельмож, сановников и должностных лиц. Довольно часто для проверки жалоб султан посылал доверенных гулямов с устным напутствием или письменным указом. Гулямы получали за это вознаграждение, вернее, плату для исполнения султанского поручения. Только султан имел право давать земельные наделы в условную или наследственную собственность [64, 33; 175, 50]. Султан был обязан контролировать доходы и расходы, проверять сборщиков налога и других чиновников и т. д. Теоретически султан был обязан заботиться о благоустройстве страны: проведении кяризов, рытье каналов, постройке мостов, крепостей, новых городов и селений [109, 12, 77, 235].

Султан ведал не только гражданскими, но и военными делами государства, назначал и смещал полководцев. Все мероприятия, связанные с организацией и расходами на армию, утверждались «великим» султаном [178, 46]. Султан являлся также верховным главнокомандующим и нередко сам возглавлял походы и военные кампании. В его распоряжении имелась личная гвардия, отряды телохранителей и гулямов. Власть сельджукских правителей, основанная на идее самодержавности, теоретически считалась неограниченной. Тем не менее при решении важных государственных дел султан мог устроить совещание с высшими сановниками и вельможами. Подобные собрания в пору расцвета Сельджукской империи, вероятно, не были постоянными институтами, ограничивавшими султанскую власть [109, 98]. Однако в условиях феодальной раздробленности узкие советы привилегированной знати при султанах начинают играть более заметную роль в государственном управлении. Особое значение при этом

обретает воля крупных эмиров — представителей военного сословия, пытавшегося захватить и гражданские должности.

Везир и его полномочия Непосредственным помощником и советником верховного султана был везир, стоявший во главе всего бюрократического аппарата. «Благополучие и злополучие государя и его государства, — замечает Низам ал-Мульк, — связано с везирем» [109, 29]. Должность везира (как и многие другие) в Сельджукском государстве фактически была наследственной [109, 173; 193, 147]. Однако за право занять должность везира шла ожесточенная борьба, причем нередко прибегали к взяткам и подкупам. В период упадка Сельджукской державы султаны не гнушались подчас торговать должностью везира [193, 147]. Везирами в эту пору иногда становились и представители армейской верхушки, пытавшейся использовать смутное время для захвата в свои руки и гражданской власти [178, 52, 58].

Подобно другим государственным сановникам, везири носили различные почетные титулы и звания. Обычно им давались титулы «поддержка царства», «пособник державы», «устроитель государства», «опора царства» [109, 153—160].

Султаны предпочитали иметь везирей из старинных родов, занимавших эту должность из поколения в поколение [109, 173]. Большое внимание при этом уделялось и мусульманскому религиозному толку, к которому принадлежали везири. Первые сельджукидские правители, как правило, держали на службе чиновников из двух правоверных мазхабов — ханифитов и шафиитов. «Везир должен быть правильного образа мыслей, — отмечает Низам-ал-Мульк, — по вере ханифит или шафиит, с чистою верою, достойный, знаток налогового дела, щедрый, друг государю» [109, 173].

Везир считался полномочным заместителем султана в общении с вассальными правителями и иностранными государями [153, 25]. В ранний период истории Сельджукской державы везир имел непосредственный доступ к султану, но позднее возникла практика официального посредничества¹.

¹ Посредничество это зачастую осуществлялось придворными штатскими или военными чинами (вакилдар, амир хаджиб).

Основной должностной обязанностью везира было управление всем громоздким чиновничьим аппаратом. В его ведении находился верховный орган центральной власти, называвшийся диван-и ала. Последний был разветвлен на отделы и состоял, как увидим ниже, из ряда официальных учреждений. Везир осуществлял непосредственное руководство всеми начальниками этих государственных ведомств (асхаб-и диван). В качестве главы центральной бюрократической власти он контролировал деятельность казнохранилищ (хазаин), финансово-налогового и других отделов¹. Везир имел право назначать и отстранять служащих, устанавливая размеры довольствия (арзак) и жалованья (маваджиб) служащим различных категорий (хашам ва хадам). Он контролировал также деятельность государственных ремесленных мастерских (карханаха) и других приносящих доходы заведений [153, 26]. Ему вменялся в обязанность и надзор за состоянием официального бюджета и правильным распределением наделов. Однако сам везир не имел полномочия непосредственно раздавать икта гражданским или военным чинам. Везир теоретически должен был проверять все служебные дела, выявлять хищения и злоупотребления властью государственных чиновников. Однако строгий контроль на практике не удавалось осуществить даже таким могущественным везирам, как Низам ал-Мульк [179, 23].

В компетенцию везира, очевидно, входило также инспектирование административных, налоговых и финансовых дел губернаторов областей. Для этой цели везири посылали иногда тайным образом своих доверенных людей. Наместники провинций, особенно удаленных от центра областей, нередко предпринимали контрмеры против везирских соглядатаев. В этом отношении

¹ А. Лэмбтон считает, что главной обязанностью везира Сельджукской империи являлся надзор над государственными финансами. В его обязанности входило такое регулирование источников дохода, которое не наносило ущерба процветанию хозяйства и экономике всей державы. Везир заботился о поддержании на должном уровне государственных финансов, сохранении достаточного бюджетного резерва на случай возникновения кризисной ситуации [190, 249]. Однако подобное категорическое мнение нельзя признать доказанным, поскольку функции везира как главы всего бюрократического аппарата были разнообразны и довольно обширны [ср. 153, 26].

интересен связанный с именем Низам ал-Мулька эпизод, имевший место в Хорезме в XI в. Наместником этой провинции при султানে Алп-Арслане был назначен изворотливый Мухаммад Нисави¹. Низам ал-Мульк послал одного эмира с тайной инструкцией выведать о хищениях из дивана налогов и податей Хорезма.

Мухаммад Нисави, зная о намерениях посланцев везира, приказал их убить, а тела бросить в Амударью. Затем, купив сто гулямов, дал каждому из них по сто динаров и подарил их Алп-Арслану. Столь богатые дары переменяли султанский гнев на милость к наместнику Хорезма. Низам ал-Мульк оказался бессилён предпринять что-либо против Мухаммада Нисави [178, 23].

Должность везира—средневекового премьер-министра — была самой высокой в Сельджукской державе². Везир был первым лицом среди имперских служащих и носил различные почетные звания: «ходжа-и бузург», «садр», «дастур» [184, 22]. В Сельджукской державе, как и в предшествующих государствах, везир считался «раис ар-руаса» — «главой всех глав», «саид ар-руаса» — «господином всех глав» [146; 148; 184].

Везир играл большую роль не только в делах внутреннего управления, но и в проведении внешней поли-

¹ Биография этого чиновника весьма показательна для характеристики сановной знати нового типа, выдвинувшейся на службе при Сельджукидах. Мухаммад Нисави был в своей молодости простым мясником, потом стал придворным конохом, а затем «эмиром факельщиков». Постепенно он заслужил султанское доверие и стал заведовать сбором хараджа в Нишапурской области. Спустя некоторое время он получил в административное управление Хорезмскую провинцию [146, 19].

² В исторической литературе это обстоятельство неверно объяснялось «неграмотностью» Сельджукидов, которые не могли якобы поэтому «следить за сложным бюрократическим управлением своих обширных владений» [27, 328]. Основанием для подобного взгляда явилось одно место из послания Санджара на имя аббасидского халифа Багдада. В письме сельджукского властителя Хорасана прямо сказано: «Мы не можем читать и писать». В. В. Бартольд и Г. Хорст принимают это заявление за бесспорное доказательство неграмотности сельджукских правителей [153; 27]. Однако приведенную выше цитату можно истолковать и совершенно иным образом. Скорее всего речь здесь идет о незнании арабского языка, а не об абсолютной безграмотности Санджара. В настоящее время известно, что если первых Сельджукидов можно считать необразованными, то последующие султаны умели писать и читать по-тюркски и даже слагали стихи на персидском языке [76; 139; 201].

тики государства. Устойчивость султанской короны, как метко заметил Низам ал-Мульк, была тесно связана с «чернильным прибором» везира [151, 66; 178, 47, 48]. Вместе с тем везир не был соправителем (шарик) верховного султана; он не имел права самостоятельно выделять земельные наделы за службу, предоставлять в управление области и провинции [64, 66; 175, 50].

Своих везирей имели также наследники сельджукского трона¹ и их матери [151, 61, 62], обычно старшие жены султанов царского происхождения [175, 48; 65, X, 66]. Хатун играла заметную роль в дворцовой жизни и подчас активно вмешивалась в дела государственного управления². Жены сельджукских правителей имели свои дворцы, земельные владения, диваны, чиновников и крупные военные отряды. Нередко они претендовали на большие прерогативы власти и фактически соперничали с верховными султанами [151, 22—111]. Именно поэтому Низам ал-Мульк советовал Малик-шаху не позволять женам давать указы: «Когда дела попадают к женщинам и детям, знай, что царская власть уйдет из того рода» [109, 182].

Самым выдающимся сельджукским везирем был Абу Али Хасан ибн Али (1017—1092 гг.), носивший почетный титул Низам ал-Мульк [146, 19 сл.]. Хасан ибн Али принадлежал к дехканской по своему происхождению, но обедневшей фамилии из Туса [184, 266; ср. 3, 73 сл.]. Абу Али Хасан, отец Низам ал-Мулька, долгие годы служил у газневидского наместника Хорасана. Он был чиновником средней руки и его жалованья едва хватало на расходы семьи. Свои детские годы Хасан ибн Али провел в Тусе, затем учился в Нишапуре, Мерве, Газне. В одиннадцать лет он знал уже Коран, позднее обучился шафиитской юриспруденции (фикх), философии и другим наукам. Затем он выучил адаб, овладел мастерством секретаря (дабир) и служил некоторое время у Ибн-Шадана. Последний был одним из важных сельджукских чиновников и являлся наместником Балхской области. Ибн-Шадан отличался жад-

¹ Своих везирей имели и вассальные правители, а также малики, принадлежавшие к сельджукидской фамилии [178, 59].

² Жены сельджукских правителей обычно носили титулы «хатун», «туркан-хатун» или «теркен-хатун».

ностью и нередко отбирал жалование у Низам ал-Мулька. Спасаясь от алчного патрона¹, молодой дабир бежал из города Балха. Вскоре он стал катибом (секретарем), а затем везирем султана Алп-Арслана. Эту важную государственную должность он занимал и в правление Малик-шаха.

Низам ал-Мульк сыграл огромную роль в создании централизованного и разветвленного бюрократического аппарата Сельджукской державы. Он был талантливым государственным деятелем и одаренным политиком. С его именем связано проведение ряда важных реформ, укрепивших экономическую, политическую и военную организацию Сельджукской империи [9, 221, 222].

Однако нельзя согласиться с таким утверждением, что Низам ал-Мульк превратил государство «дикого народа» сельджуков в цивилизованную империю [20⁴, II, 11]. Разумеется, племена сельджукского объединения стояли гораздо ниже по своему общественному строю, чем покоренные ими оседлые народы. Тем не менее они не были «дикарями», а имели свою политическую организацию и некоторые государственные традиции [9, 86 сл.]. Основы институтов власти Сельджукской державы к тому же были заложены еще до Низам ал-Мулька. Безусловной заслугой этого выдающегося деятеля было то, что он упорядочил рыхлую и нечеткую государственную организацию первых Сельджукидов². Низам ал-Мульк далеко не безуспешно пытался создать мощный централизованный аппарат гражданского, военного, административного управления. Однако в своей повседневной деятельности он наталкивался на ожесточенное противодействие носителей сепаратистских тенденций. Широкое внедрение практики раздачи икта и развитие других феодальных

¹ Ибн ал-Асир приводит другую версию, согласно которой это был не Ибн-Шадан, а некий эмир Таджир [154, X, 140].

² Следует вместе с тем отметить, что в исторической литературе, особенно зарубежной историографии, нередко преувеличиваются масштабы государственной деятельности Низам ал-Мулька. Отдельные авторы приписывают ему, например, даже основание первых мадрас — высших учебных заведений в странах Ближнего и Среднего Востока [см. 17, 80, 81]. Почти традиционной стала и некоторая идеализация его роли как личности в истории «мусульманского» Востока XI в. [144; 146; 179; 180].

институтов подрывали устои государственной централизации.

Главную опору центральной власти Низам ал-Мульк видел в служилых феодалах, находившихся в прямой зависимости от верховного султана. Он выступал за постоянное содержание огромной армии, необходимой для захватнических войн и удержания в повиновении завоеванных стран. Низам ал-Мульк требовал регулярного и строгого контроля над иктадарами и государственными чиновниками. В этих целях везир предлагал ввести отмененный при Сельджукидах негласный надзор и систему тайных доносов [109, 55—73].

Проводившийся Низам ал-Мульком курс встречал отпор со стороны феодальных кругов, группировавшихся около султанши Туркан-хатун. Душой этой группировки являлся Абу-л-Ганаим Марзбан ибн Хусрав ибн Фируз — везир Туркан-хатун, носящий почетный титул Тадж ал-Мульк¹. Туркан-хатун пользовалась большим влиянием в Сельджукском государстве², перед ней заискивали видные сановники и военные предводители [151, 83]. Туркан-хатун в свою очередь пользовалась благосклонностью военачальников, получавших от нее щедрые подарки [178, 51, 52]. Окружавшая Туркан-хатун феодальная знать преследовала свои корыстные цели, в основном стремилась к занятию крупных государственных должностей. Главным образом это была старая родовитая аристократия, добивавшаяся восстановления своих утраченных позиций.

В правление Малик-шаха шла острая борьба между этими двумя группами феодального класса Сельджукской империи. Это была жестокая схватка между старой аристократией и феодальными кругами, выдвинувшимися на службе при Сельджукидах.

¹ Тадж ал-Мульк происходил из фамилии потомственных везиров и был родом из Фарса; он был назначен султаном Малик-шахом в качестве везира наследников престола, ему же поручили заведование казной, а также руководство «диван-и иншава тугра» [151, 62, 82, 83].

² Очевидно, это не было случайным явлением, так как важную роль в государственных делах играла уже хатун — жена первого сельджукского властителя Мухаммада Тогрул-бека [148, 315]. Джувейни пишет, что Туркан-хатун раздавала пособия и распоряжалась поместьями [189, II, 466].

Группировке хатун удалось добиться разрыва отношений между Низам ал-Мульком и султаном Малик-шахом. Придворные интриги и сплетни привели в конечном итоге к отставке Низам ал-Мулька. В 1092 г. он получил разрешение султана отправиться в паломничество (хадж), но по дороге около Нихавенда¹ был убит.

Султан Малик-шах ненадолго пережил своего везира и внезапно умер при весьма таинственных обстоятельствах². Недолго пришлось радоваться и занявшему место покойного везира Тадж ал-Мульку. Спустя три месяца он был предан мучительной смерти, будучи разрублен на части мечами личных гулямов Низам ал-Мулька³.

Пост везира несколько утрачивает свой ореол и былое значение после смерти Низам ал-Мулька. Эта важная должность с течением времени отдается не только гражданской, но и военной знати. Везирами нередко становятся крупные армейские чины (исфахсалары, эмпыры) часто тюркского происхождения [178, 52, 58]. Функции везиров в XII в. иногда выполняют атабеки, роль которых усиливается в сельджукских владениях [183, I, 147, 148; 178, 69].

Органы государственного управления

Структура державы Сельджукидов, как отмечалось выше, во многом напоминала строй предшествующих феодальных государств. Однако после образования

¹ Хинду-шах Нахчивани утверждает, что он был убит в Батурджирде — одним из небольших городов Луристана. Средневековые авторы говорят о том, что его убийцей был исмаилитский фанатик, но в ряде источников прямо отмечается связь этого убийства с разрывом отношений между везирем и султаном. Скорее всего в гибели Низам ал-Мулька были замешаны не только его открытые противники, но и сам султан Малик-шах. Очевидно, везир был убран с пути наемным убийцей, который заведомо умышленно был объявлен исманлитом. Это было сделано с целью отвлечь подозрение в убийстве от царского двора и взвалить ответственность на исмаилитов, против которых всю жизнь боролся Низам ал-Мульк [154, X, 137, 138; 178, 45; 184, 28].

² В некоторых средневековых источниках указывается, что Малик-шах был отравлен своей женой Туркан-хатун [3, 274; 148, 334; 87, 388. Ср. однако: 65, 88 сл.; 178, 137; 193, 139; 84, 408].

³ Это были рабы (они насчитывали семь тысяч человек), женатые на невольницах. В источниках эти гулямы, которые помогали Беркяруку сесть на трон, именуются «низамийа», так как принадлежали Низам ал-Мульку [65, X, 88, 89; 151, 82, 83].

Сельджукской империи некоторые существовавшие прежде государственные должности и ведомства (диваны) были упразднены либо претерпели известную трансформацию. В Сельджукском государстве, например, утратила свое значение должность начальника стражи и личной охраны (сахиб харас). Исчезли почтовые и осведомительные ведомства, игравшие прежде огромную роль в государственной жизни [109, 143; 27, 369]. Сельджукиды упразднили диван хабар, начальник которого должен был постоянно доносить государю о всех происходящих событиях. Они ликвидировали также диван барид¹ — почтово-курьерское ведомство, в основном выполнявшее осведомительные функции [109, 65, 72, 73, 322]. Сельджукские власти отменили и некоторые придворные должности, например, пост вакила, который заведовал дворцовым хозяйством [109, 143]. Однако ликвидация этих должностей и ведомств не означала уничтожения «большинства прежних царских обычаев»². В Сельджукской империи сохранились почти все верховные органы государственного управления, которые существовали при Газневидах и Буидах.

Правительственные учреждения Сельджукской державы состояли из нескольких крупных ведомств (диванов), с помощью которых осуществлялось государственно-административное управление. Начальники этих отделов подчинялись непосредственно везиру, который был главой всего бюрократического аппарата. Везир руководил всеми делами верховного правительственного органа — диван-и ала, который состоял из четырех основных ведомств. Первым среди них по значимости

¹ Должность начальника «диван хабар ва барид», существовавшая уже при Сасанидах, считалась высоким государственным постом [187, 93].

² Так писал в XII в. о Сельджукском государстве служивший при дворе Гуридов поэт Низами Арузи Самарканди. В качестве наиболее яркого примера он указывал при этом на ликвидацию Сельджукидами почтового ведомства (диван барид). Низами Арузи объясняет это тем, что Сельджукиды, будучи степняками (биябан нешин), не знали древних обычаев управления [140, 27, 28]. Однако подобное толкование, которое является односторонним, вероятно, имеет дидактическое происхождение [ср. 94, 12—20]. Поэт как бы стремится на примере Сельджукидов показать своим царственным патронам опасность произвольной ликвидации старых освященных традициями государственных органов власти.

был диван-и тугра, вторым — диван-и истифа, третьим являлся диван-и ишраф, а четвертым — диван-и арз [190, 257].

Сельджукские диваны разделялись на две основные категории: доменные (фамильные) и официальные (государственные). Первые из них ведали имуществом и всеми связанными с ними делами членов правящей династии. Судя по данным нарративных источников, свои диваны имели хатун, наследные принцы и другие представители сельджукидской фамилии. В их числе следует прежде всего назвать членов династии, владевших и управлявших различными провинциями и областями.

Диван-и хасс Верховным сельджукидским доменным учреждением являлся диван-и хасс, который был одновременно личным султанским диваном¹. В его ведение было передано все движимое и недвижимое имущество и казнохранилище правящей фамилии. Диван-и хасс управлял и коронными землями, которые были разбросаны по всей империи.

После распада Сельджукидской державы это обстоятельство придало диван-и хасс важное политическое значение. Верховные султаны всячески стремились не только закрепить за собой прежние владения, но и приобрести новые. Санджар ибн Малик-шах нередко передавал доменные земли в вассальных областях под управление своего дивана [195, 457].

Диван-и хасс, как и другие верховные государственные учреждения Сельджукской державы, состоял из целого штата служащих². Финансовыми делами, учетом налоговых и прочих сборов заведовал специальный чиновник так называемый мустауфи³. Очевидно, ему непосредственно подчинялись мухасибы, которые отдаленно напоминают «бухгалтеров» [153, 22]. В диван-и хасс существовала и особая должность вакила, управлявшего доменными поместьями и другими зе-

¹ В официальных грамотах сельджукидских правителей он именуется также «диван-и ма», что буквально означает «наш диван» [153, 20].

² Служащих диван-и хасс контролировали представители верховных органов государственной власти.

³ Подобно другим чиновникам султанского дивана, вероятно, он был подотчетен диван-и ала, точнее главе диван-и истифа, который также назывался мустауфи или вернее мустауфи-йи ма-малик.

мельными владениями. Следует отметить, что в компетенцию султанского дивана входило управление и целыми провинциями. Назначавшиеся сюда губернаторы (вали) или специальные уполномоченные (вукала) считались заместителями верховного султана (нийабан-и хазрат). В XII в. в ведении султанского дивана находился и г. Мерв — столица Восточносельджукской державы. Сюда же были включены городские окрестности (навахи) и сельская волость (руста). Мервская область уплачивала поэтому налоги и подати непосредственно в диван-и хасс [153, 22]. Султанскими поданными (райят) считались также кочевые туркмено-огузские племена, жившие на территории управлявшихся его заместителями провинций [193, 178].

Очевидно, с султанским диваном непосредственно была связана и казна, называвшаяся хазина-йи хасс. В ней хранились почетные одежды (хилат), украшенные серебром шапки (кулах), золотая сбруя, пояса (камар), инкрустированное драгоценными камнями оружие и т. д. Отсюда выдавались награды, являвшиеся передко и знаками отличия сановников, гражданских и военных чинов. В качестве подобных символов власти обычно служили барабаны или литавры (кус), а также знамена (алам). Хранителями богатств и сокровищ хазина-йи хасс являлись специальные чиновники (хэзэна). Они были подотчетны главе диван-и истифа и контролировались мушрифом¹. В казну Сельджукидов поступали не только дорогие изделия², но и определенный вид налога (мал-и хазина). Скорее всего, он предназначался для оплаты казначеев и некоторых других категорий служащих [153, 23].

Диван-и тугра Глава этого ведомства³, представлявшего собой государственную канцелярию, назывался туграи⁴. Должность туграи, которую обычно

¹ Подробнее относительно этих государственных сановников будет сказано ниже.

² Здесь содержались также отличные лошади и другие верховые животные (маркаб-и гиранмаё).

³ Полное его название «диван-и ниша вал-л-тугра», но иногда это учреждение именуется по-арабски «диван ар-расаил вал-л-ниша».

⁴ Семантика этого термина не выяснена в специальной историко-филологической литературе [139, 36]. Этимология данного слова, возможно, связана с «туграг», что означало по-огузски «царская

занимали высокопоставленные лица, существовала уже при султанах Тогрул-беке [65, IX, 271, 272].

В диван-и инша ва-л-тугра скреплялись печатью государственные указы, султанские послания и распоряжения. Туграи предварительно носил эти документы на личную подпись султану [146, 29; 184, 265].

Должность туграи после везира была самой почетной и важной в Сельджукской империи. Глава диван-и тугра временно заменял везира¹ в случае отсутствия последнего при верховном султанах [151, 100—101]. В грамотах Санджара прямо отмечается, что туграи получал также «заместительство (на должность) главы диван-и визарат» [83, 49]. Туграи вменялось в обязанность соблюдение порядка в диван-и инша, охрана тайн секретной и другой государственной информации. Он должен был строго проверять всю исходящую и поступающую дипломатическую корреспонденцию и документацию. Мунши, как нередко именовались туграи², следил и за правильным оформлением и выдачей официальных грамот и указов. В частности, он проверял и скреплял печатью дипломы о назначении на различные государственные должности [190, 257].

Делопроизводство в сельджукских диванах в основном велось на фарси [80, 44]. В дипломатической переписке довольно часто употреблялся арабский, а иногда и сирийский язык [3, 123]. Все это требовало больших филологических познаний и владения тонкостями различных литературных стилей. Глава диван-и инша ва-л-

печать» [82, I, 285]. Тугра (или туграг) первых сельджукских правителей состояла из вариантов узора лука и стрел, которые символизировали верховную прерогативу власти [193, 36; 148, 298]. В дальнейшем тугра превратилась в сложную монограмму, которая содержала официальную титулатуру сельджукских властителей. Абу-л-Фарадж утверждает, что в 1048 г. Тогрул-бек приказал вырезать на печати, ставшей известной под именем тугра, все свои официальные почетные звания [148, 305]. Тугра ставилась на рескриптах и указах Сельджукидов, причем каждый правитель имел свою печать [190, 257].

¹ В средневековых источниках, повествующих о государстве Сельджукидов, иногда упоминается «везир мухтасс» — доверенный везир [151, 100; 193, 147]. Можно предположить, что под этим загадочным названием скрывается туграи, временно замещавший везира.

² В сельджукских документах XII в. он называется «мунши-йн мамалик» [83, 31].

тугра обязан был иметь и специальный каллиграфический почерк [190, 257].

Обычно на должность туграи назначались видные эмиры, при которых имелись свои заместители [151, 110]. Туграи играли важную роль в делах государственного управления, начиная уже с царствования первых сельджукидских правителей. В частности, Хумар Тегин, занимавший эту должность при Тогрул-беке, осмеливался не раз оспаривать мнение везира Кундури [151, 21]. Камал ад-Дин Абу Риза, возглавлявший диван-и инша, всегда присутствовал на приемах и советах (маджлис) султана Малик-шаха. Султан без одобрения и согласия своего туграи не принимал никаких ответственных решений [178, 46].

Основной контингент диван-и тугра состоял из дабиров, мунши или катибов; они выполняли функции секретарей, переписчиков, составителей писем и официальных бумаг. Дабиры были образованными людьми, знавшими этику, риторику, каллиграфию [70; 80; 94]. Помимо выполнения своих непосредственных обязанностей, при Газневидах они должны были осведомляться о должностных лицах вплоть до везира и хранить государственные тайны. Мастерское владение каламом и умение крепко держать язык за зубами считались лучшими качествами дабира [2, 18].

Вековая традиция восточного делопроизводства обязывала хранить документы в государственной казне. С переписанных набело и скрепленных печатью оригиналов снимались копии для практических нужд и повседневных справок. Составление документов и посланий требовало большого искусства, умения владеть риторическими приемами и обладания хорошим литературным вкусом.

Диван-и истифа Большую роль в системе бюрократического аппарата державы Сельджукидов играл диван-и истифа¹. Главой этого ведомства был мустауфи, который считался третьим по значимости (после везира и туграи) государственным сановником [151, 100]. Мустауфи был сановником, приближенным к султанскому трону и к особе премьер-министра (везира).

¹ Полное название «диван-и истифа-йи мамалик», а в арабоязычных источниках — «диван ал-зимам ва-л-истифа» [151, 59].

Одним из таких мустауфи был Шараф ал-Мульк, являвшийся другом и сподвижником Низам ал-Мулька [151, 31—36; 154, X, 37, 223]. Собственного мустауфи имела и Туркан-хатун, которая отдала эту должность своему везиру Тадж ал-Мульку.

Диван-и истифа представлял собой высший финансовый орган¹ Сельджукидской державы [146; 153; 190]. В исторической литературе существует мнение, что это учреждение составляло первое финансовое ведомство в системе диван-и ала. Вторым отделением этого верховного органа был диван-и ишраф; он являлся главным счетным ведомством в составе диван-и истифа-йи мамалик [153, 38]. Однако подобная точка зрения является по крайней мере весьма спорной. Документальные и нарративные источники во всяком случае ничего не говорят о субординации рассматриваемых диванов [190, 257]. В сельджукском государственном аппарате непосредственные функции этих отделов были далеко не идентичны. Поэтому нам представляется более верным считать диван-и истифа и диван-и ишраф двумя отдельными учреждениями при верховном органе центральной власти. Начальник диван-и истифа, как и остальных государственных учреждений, имел своего заместителя (наиба). В его распоряжении был также целый штат служащих, выполнявших различные функции². Среди них в документах XII в. упоминаются переписчики налоговых и других реестров³. Чиновники этого ведомства составляли также приходные и расходные сметы, вели учет валютных и иных ценностей [146, 22 сл.]. Служба в диван-и истифа требовала специаль-

¹ Так, именуется диван-и истифа в исследовании Г. Хорста [153, 36 сл.]; К. Е. Босворт называет это ведомство «департаментом финансового контроля и учета» [190, 69]. Приведенные определения не отражают всех практических функций, выполнявшихся диван-и истифа в реальной действительности. Рассматриваемое учреждение ведало приходом и расходом не только денежных, но и натуральных статей всего бюджета. Поэтому диван-и истифа мы называем лишь условно «финансовым органом» за неизменением более точной аутентичной терминологии.

² Мустауфи подчинялись и чиновники диван-и хасс, которые занимались финансовыми делами, связанными с палоговыми и другими сборами и расходами.

³ В составленных канцелярией Санджара грамотах и указах они называются «ахл-и джараид ва дафатир» [153, 36].

ных знаний правил налогового обложения, денежных единиц, мер веса [160, 417].

Верховный финансовый орган Сельджукского государства имел свои отделения¹ в провинциальных и окружных городах. В документах XII в. говорится о существовании диван-и истифа не только в Мерве, но и в Гургане и в других местах. Интересно отметить, что главой диван-и истифа Бистамского округа был некий Рашид ад-Дин, который одновременно являлся заместителем наместника этой области [83, 46—67, 55].

Диван-и истифа ведал государственными доходами и расходами, вел учет податей налоговых и других поступлений, а также казенных сумм [146, 22 сл.]. В этом учреждении хранились списки всех бюджетных статей, в том числе диван-и хасс — султанского дивана. Непосредственным сбором налогов и податей занимались амили, с которых мустауфи имел право требовать недостачу. Различные финансово-налоговые операции и связанная с ними подотчетность фиксировались в отдельных книгах. Специальные реестры (джараид) и ведомости (дафатир) содержали перечень и соответствующие размеры указанных налогов и поборов [153, 36, 37]. Чиновники провинциальных отделений диван-и истифа представляли мустауфи письменные доклады (рагам) о состоянии налоговых и податных сборов.

Мустауфи ведал доходами и расходами не только государственных учреждений, но и султанского двора. В его компетенцию входил и финансово-налоговый учет земельных владений и других отданных в вознаграждение за государственную службу наделов (икта); он контролировал казну, ведал счетами наличной валюты и драгоценностей (микдар-и дафаин-и хазаин). Мустауфи следил за правильной выплатой жалованья, пенсий, различных других видов содержания для государственных чиновников. В случае нарушения кадастровых сборов или бюджетных перерасходов он должен был принимать соответствующие меры. Мустауфи имел право исключить неверные счета из реестра, мог требовать возврата незаконно уплаченных сумм либо натурально-

¹ Сам диван-и истифа-йи мамалик, вероятно, подразделялся на несколько подведомств, которые также назывались диванами [190, 257].

то довольствия [153, 37, 38]. В этом отношении его компетенция юридически распространялась и на держателей икта, в том числе наместников провинций и областей. Теоретически мукта— держатели икта, не имели права изменять размеры пожалованных им налоговых сборов и податей. Однако на практике они всячески превышали свои полномочия и мустауфи фактически не имели над ними эффективного контроля [190, 258].

Мустауфи проверяли счета (мухасибат) городских, краевых и сельских поступлений, производили ревизию налоговых реестров коронных земель (асаб-и хасс), мульков и т. д. Исполнявший должность начальника диван-и истифа после ревизии был обязан подтвердить уплату налога и отсутствие задолженности. В случае обнаружения долга государству он мог реквизировать имущество, а также урожай [83, 47 сл.].

В сельджукских документах XII в. имеются любопытные данные о статьях доходов, над которыми осуществлялся контроль со стороны диван-и истифа. Начальник этого ведомства имел под руками счета самых различных приходных и расходных статей¹. В их числе упоминаются счета остатков поземельного налога (хараджа), откуда выдавались определенные суммы, продовольствие, (ма'аиш) и пенсии (идрарат) различным лицам².

«Если что-либо из сумм (воджух) хараджа и налога (мал), — говорится в указе о назначении главы диван-и истифа Мервской области, — израсходовано в другом месте, то (пусть) возместят эти (расходы) и по прежним правилам возвратят обратно. Относительно продовольственных сумм (воджух-и арзак) необходимо (поступать) так, как было прежде. Налоги (мал), которые необходимо уплатить, должны принимать определенные для этого люди. Пусть (они) узнают о положении (этого дела), записывают (количество) поступлений (дахл) и расходов (хардж), а расчеты (пусть) составляют с предосторожностью; если что-либо из подробностей (записей) выпало или неверно сделано — пусть примут надлежащие меры» [83, 47].

¹ В диван-и истифа хранились реестры и счета как государственных ведомств, так и султанского диван-и хасс [83, 67].

² Среди таких лиц были не только гражданские в основном чиновники, но и духовные лица, в частности саиды.

Все это свидетельствует о широкой компетенции рассматриваемого официального учреждения в системе диван-и ала. Начальники этого ведомства на местах опирались в своей деятельности на поддержку военных и гражданских должностных лиц [83, 48]. Диван-и истифа играл очень важную роль в системе бюрократического аппарата государства Сельджукидов.

Диван-и ишраф Крупной фигурой после мустауфи в чиновничьем аппарате державы Сельджукидов был мушриф — начальник диван-и ишраф [146, 23]. В исторической литературе высказаны различные точки зрения о сущности и функциях этого дивана. Одни исследователи считают, что мушриф осуществлял контроль главным образом над финансами, предназначенными для содержания двора [27, 240]. Другие полагают, что глава диван-и ишраф¹ выполнял полномочия чиновника-соглядатая и фискала [109, 318]. Существует также мнение, что мушриф осуществлял надзор за сбором той части налогов и податей, которая поступала непосредственно в государственный диван, а не шла на выплату жалованья служащим [38, 22]. Мушриф считается вместе с тем контролером при амиле, чиновником финансового ведомства Сельджукидского государства [80, 19].

В средневековых источниках почти нет никаких сведений, позволяющих судить о функциях мушрифов в первые годы существования державы Сельджукидов. Нам известно лишь, что в Газневидской державе мушрифами назывались официальные контролеры высокого и более мелкого ранга; они были обязаны следить за правильным делопроизводством в государственных учреждениях, пресекать злоупотребления и нарушения законов². Мушрифами именовались также секретные осведомители и тайные соглядатаи, наблюдавшие за частными и должностными лицами и даже представителями царствующего дома [2, 739].

Очевидно, после образования Сельджукской империи функции мушрифа несколько видоизменились или

¹ Назывался он также «диван-и ишраф ал-мамалик» [178, 46].

² К. Е. Босворт утверждает, что в Газневидской державе мушрифыв выполняли лишь функции главы осведомителей и тайных расследований [190, 69].

были ограничены. Курс на ликвидацию приобретенного при Газневидах недобрую славу тайного надзора, возможно, сказался на положении диван-и ишраф. Султан Алп-Арслан во всяком случае недоброжелательно относился к системе государственного фискальства [109, 72]. Однако позднее должность начальника диван-и ишраф становится более почетной и важной. Характерно, что среди близких друзей и единомышленников Низам ал-Мулька был глава этого дивана Шараф ал-Мульк [178, 47]. Рост значения мушрифов не был случайным явлением в период расцвета Сельджукской империи, который сопровождался ростом внутривосточных и социальных противоречий. Интересы централизации и пресечения феодального сепаратизма требовали упрочения государственного контроля и системы тайного надзора. Именно поэтому Низам ал-Мульк ратовал за назначение на должность мушрифов верных и надежных чиновников [109, 64]. «К каждому, — пишет он, — кому вручается большая должность, следует тайно приставить мушрифа, чтобы тот об этом не знал, он будет постоянно сообщать о его делах и обстоятельствах» [109, 33].

Диван-и ишраф, вероятно, являлся высшим контрольно-инспекционным органом Сельджукского государства¹. Масуд ибн-Намдар, служащий в XII в. при Сельджукидах мушрифом в Байлакане, отмечает, что от исполняющего должность чиновника «не ускользнет даже вес пылинки» [38, 19]. Главная обязанность начальника диван-и ишраф, по-видимому, заключалась в надзоре и ревизии финансово-налоговых счетов [190, 258]. Однако это не исключает возможности того, что мушриф выполнял общие контрольные функции, а подчас и секретную осведомительную службу [146, 30].

¹ Г. Хорст считает, что это ведомство находилось под контролем диван-и истифа и являлось «высшим счетным органом» (Rechnungsbehörde). Диван-и ишраф представлял собой второй финансовый отдел диван-и ала. Третьим аналогичным ведомством этого же учреждения являлся диван-и назир-и мамалик. Глава данного финансово-инспекционного отделения носил звание «назир-и мамалик» [153, 38, 39]. Однако в документах сельджукского времени, как признает и Г. Хорст, почти нет данных о субординации рассматриваемых учреждений. Поэтому категоричные выводы на этот счет, по нашему мнению, являются преждевременными.

Поскольку доходные статьи являлись основой государственной экономики и его мощи, то в первую очередь мушрифы следили за правильной уплатой налогов и податей. В случае обнаружения крупных недоимок чиновники диван-и ишраф могли применить к неплательщикам строгие репрессивные меры [83, 47]. Мушриф осуществлял также общую инспекцию за состоянием вакфов, хотя непосредственно ими заведовал диван-и аугаф [83, 54 сл.; 190, 259].

Глава диван-и ишраф, как и другие государственные сановники, имел своих заместителей (шувваб). Отделения этого дивана, начальники которых также назывались мушрифами, существовали во всех областях и крупных городах Сельджукской державы [109, 46; 190, 258]. Содержание штата мушрифов производилось за счет местных бюджетных ресурсов Сельджукской державы. Это обстоятельство было чревато опасностью распространения взяточничества и подкупов государственных контролеров. Поэтому выдвигался проект о выдаче ежемесячного жалования мушрифам непосредственно из государственной казны [109, 46].

В компетенцию окружных мушрифов входила регистрация всех местных финансово-налоговых дел, контроль за доменными землями (амлак), денежным чеканом (сикка), печатями (мухрха), монетными дворами (сарайха-и зарб). Они следили также за деятельностью рыночных глав (мукаддаман-и асвак), деревенских старост (зуама), сборщиков налогов и других чиновников [153, 57]. Провинциальные мушрифы, судя по официальным документам XII в. получали жалование (марсум) непосредственно из податных сборов и налогов своих округов¹.

Диван-и арз ал-джайш В Сельджукской державе, наряду с гражданскими учреждениями, существовало и армейское ведомство, называвшееся «диван-и арз ал-джайш»². Главой войскового управления был ариз ал-джайш, имевший своего наба

¹ Данный факт наводит на мысль о том, что далеко не все государственные проекты, выдвигавшиеся в «Сийасат-наме» Низам ал-Мулька, были претворены в жизнь. Очевидно, подавляющее большинство (если не все) его предложения так и остались благими пожеланиями.

² Это ведомство называлось и просто «диван ал-джайш», а его

[146, 35, 36]. Диван-и арз, подобно другим верховным органам управления, по-видимому, имел свои отделения в различных провинциях и областях [153, 39].

Обычно должность ариза занимали близкие ко двору сановники. Ариз был войсковым инспектором и вел строгий учет жалованья и довольствия, отпускаявшегося на армию [9, 224]. Вероятно, он ведал также содержанием полевых госпиталей со штатом лекарей и прислуги, а также армейского транспорта и почты [48, 134]. Периодически с участием ариза устраивались смотры войск, уточнялись списки находящихся на службе и выбывших из строя воинов [64, 53; 109, 106].

Непосредственной обязанностью ариза был смотр, учет наличного состава, выплата жалованья и снабжение войск. В специальных дафтерах войскового управления были обозначены виды и размеры содержания и жалованья командиров и солдат [146, 31, 32; 153, 39—41].

Находясь в дальних походах, военные нередко получали содержание и фураж за счет отданных им в икта земель. Средства эти покрывались из казны или бюджета тех областей и стран, куда направлялись войска. Поэтому ариз вел соответствующий учет передвижениям армейских отрядов. Имена получивших надель (икта) воинов были занесены в специальные реестры диван-и арз ал-джайш [9, 224].

В непосредственном ведении ариза находились постоянные и наемные войска различных категорий. Среди них были сипахийян — регулярные отряды и мутаджаннида — пограничные войска [146, 31]. Командиры и солдаты армии Сельджукидов получали за службу как денежное вознаграждение, так и продовольствие, в частности зерно. Выплата содержания военным чинам из средств государственного дивана по специальным ордерам (берат) и переводным документам (парвана) производилась с ведома и разрешения ариза. Каждое сокращение либо надбавка к жалованию армейских чинов фиксировались и согласовывались аризом с соответствующими финансово-налоговыми органами. Диван-и арз вел учет размеров содержания

начальник именовался также «сахиб-и диван-и арз» [153, 39; 190, 259].

всех иктадаров безотносительно к тому были ли они условными держателями наделов или фактически наследственными собственниками¹. Очевидно, все иктадары, вне зависимости от принадлежности к гражданскому или военному сословию, находились в ведении диван-и арз ал-джайш [153, 40].

Ариз большей частью находился при лагере главных армейских сил и в его отсутствие делами военного дивана ведал наиб — его заместитель². Ариз войска при наличии знаменитых полководцев (исфаксаларов) и видных командиров войска (эмиров) не был очень важной фигурой. Во всяком случае по своей значимости он не мог соперничать с официальными главами других государственных диванов [146, 31]. Характерно, что имена лишь наемных аризов сохранились в источниках, повествующих о державе Сельджукидов.

В Сельджукской империи вплоть до конца правления Малик-шаха аризы обычно являлись выходцами из старой чиновничьей бюрократии. Однако должность главы диван-и арз с течением времени стали занимать военные эмиры [190, 259]. В этом факте отразились некоторые сдвиги в социально-политическом развитии Сельджукского государства в конце XI — первой половине XII в.

Административный строй Сельджукское государство разделялось на целый ряд административных областей³, которые обычно совпадали с военными и налоговыми округами (амал). Территория нынешнего Туркменистана входила в состав трех больших провинций: Хорасана, Гургана и Хорезма. Земледельческие оазисы современного Южного Туркменистана являлись органической частью Северного Хорасана. В эту провинцию входила долина Мургаба, Тедженский оазис, предгорная полоса Копетдага. Районы среднего течения Амударьи во второй половине XI — середине

¹ В Буидском государстве заведование военными делами (икта) также входило в компетенцию главы «диван ал-джайш» [190, 233].

² В газневидской армии заместители ариза (панбан-и арз) нередко сами производили войсковые смотры (арз) и выдвигали жалование солдатам [197, 649].

³ В сельджукских документах такие области носят обычно название «вилаят», а их заместители именуются «вали» (муж. число «вудат»).

XII в., возможно, административно также относились к Хорасану¹. Крупными городскими центрами с прилегающими сельскими округами были здесь Амуть и Земм. Восточнее теперешнего Керки располагался небольшой, но сильно укрепленный городок Келиф [81, 334, 340]. Левобережье нижнего течения Амударьи находилось в подчинении Хорезма, признававшего сюзеренитет Восточносельджукского султаната. Плодородные земли по Атреку, Мешхеде Мисрианской равнины входили в состав Гурганского вилайата².

Средневековые источники не дают возможности составить точную административную карту Восточносельджукского государства XI—XII вв. Нам известно лишь, что названия ряда вилайатов совпадали с именами их касаб. В других же случаях названия главных административных центров не соответствовали наименованиям подчиненных им округов. В Сельджукской империи XI в. Рей, например, входил в провинцию Джибал, а Мерв — в состав Хорасана. В грамотах XI—XII вв. упоминаются вилайаты и округа—Кухистан, Тус, Рей, Мазандеран, Гурган, Дехистан, Мерв, Серахс, Балх [83; 153; 190].

Каждая из провинций Восточносельджукского государства подразделялась на соответствующие округа или сельские волости³. Они имели свои административные центры (касаба), где были судебные, исполнительные и другие органы местного управления. Такими центрами обычно служили наиболее крупные города провинциальных округов. Одной из подобных «касаб» в XII в. был Нишапур, которому подчинялось несколько обширных волостей. Границы их простирались от Хабушана до Нисы, от Джаджерма до Гургана [5, 139, 140].

Сам вилайат Гурган был сравнительно крупной областью, прилегавшей к юго-восточному побережью Каспийского моря. В середине XII в. Гурганом именован

¹ Следует оговориться, что в доступных нам источниках на этот счет нет определенных сведений. В труде Самани говорится лишь, что Земм (Керки) это город на Джейхуне, а Амуть (Чарджу) расположен на дороге в Хорезм [81, 334].

² В XII в. Гурганский вилайат передавался временами в управление сельджукских наместников и вассальных правителей Мазандерана [83, 14 сл.].

³ В документах, изданных каштелярией Санджара, они называются хитта, иахийе, руста, иавах-йи дихха, музафат-и аз дихха [83, 18 сл.].

лась и касабá — главный административный центр этой провинции [83, 60]. Здесь были соответствующие отделения диван-и ала и органы местного управления. Гурганский вилайат объединял ряд округов (на́вахи) и уездов (хиттá). Здесь располагались оборонительные пункты и крепости¹, где имелись кутвалы—коменданты [83, 20]. В них, вероятно, стояли пограничные военные гарнизоны против набегов кочевых племен, обитавших в Каракумах и Северо-Восточном Прикаспии.

В середине XII в. в Западном Туркменистане упоминается также область Дехистан [83, 19]. В одной из сельджукских грамот отмечается, что Дехистан, Гурган, Астрабад и Джульфадеган подчиняются наместнику Мазандерана. Дехистан был пограничной областью, защищавшей Гурган и Западный Хорасан от кочевников Прибалханья и Мангышлака. Отсюда же против них совершались грабительские набеги под видом «священной» войны с «язычниками» [см. 9, 229 сл.]. Дехистан имел рабад — пограничное укрепление, а также сельскую округу. В ней располагались деревни и маленькие городки, например, Хабиран, Ахур, Хатир [81, 325—343].

Пограничные крепости и укрепленные селения имелись также в Нисийской области, на краю песков Каракумов. Одним из таких рабадов, ставших небольшим городком, был Шахрастан [81, 337]. Роль пограничного городка, вероятно, играла также Ферава², располагавшаяся у одноименного старого рабада [81, 339]. Ферава лежала на границе с пустыней, отделявшей Хорасан от земледельческих оазисов Хорезма.

В составе Восточносельджукской державы конца XI — середины XII в. наиболее крупной провинцией был Хорасан. Его политическим центром являлся город Мерв — нынешнее городище Султан-кала около Байрам-Али. Грамоты XII в. называют Мерв «местопребыванием престола государства, центром знамени

¹ В сельджукских грамотах они называются «гела ва хосун», что может означать не только «крепости, укрепления», но также «укрепленные замки, цитадели».

² Ферава, которую Самани в XII в. называл Фурава, соответствует городищу Парау, расположенному к юго-западу от Кизыл-Арвата.

державы»¹ и «столицей» Хорасана [83, 36, 46]. Хорасан был важнейшей административной областью Восточно-сельджукского государства в правление Санджара².

Значительными городами Северного Хорасана в XI—XII вв. были Нишапур, Рей, Мерв, Ниса, Абиверд, Серахс, Балх. Они являлись центрами административных округов, делившихся на сельские волости (руста). Свои касабы имели как крупные провинции, так и сравнительно небольшие округа.

Провинциальное управление

Главными органами местного управления в Сельджукской империи XI—XII вв. были диван-и вилайат³. Начальниками таких провинциальных ведомств являлись «вали», имевшие своих заместителей (нувваб). В отдельных случаях наibly диван-и вилайат, вероятно, получали одновременно и полномочия шихне [153, 50]. Последние обычно являлись военными чинами высокого ранга и выполняли функции блюстителей общественного порядка [9, 232—238]. В их распоряжении были не только армейские подразделения, но и кочевые ополчения. Очевидно, нередко в таких случаях шихне использовали гулямов, а также отряды туркменских конников [38; 40].

Диван-и вилайат, очевидно, состоял из провинциальных чиновников соответствующих центральных органов власти. Губернаторы областей, считавшиеся официальными заместителями султана, осуществляли непосредственное управление своими вилайатами. В Сельджукском государстве XII в. многие вали были тюрками, выходцами из гулямов и огузо-туркменского происхождения [153, 50]. Вали являлись начальниками всех провинциальных служащих, могли повышать их в должности, разжаловать или понизить в чине. В их непосредственную компетенцию входил также контроль над судебными-исполнительными и карательными «полицейскими» органами.

¹ В другой грамоте Мервская область названа «столицей державы и династии государства, центром знамени (Сельджукского) царства» [83, 62].

² Хорасан в указах Санджара именуется центром (дар ал-мульк) его государства [83, 70].

³ В грамотах Санджара они именуется также «диван-и ийалат» [83; 146, 153; 190].

Губернаторы областей были обязаны следить за служебной деятельностью провинциальных мустауфи, ами-лей и других чиновников. Вали контролировали и утверждали все официальные дела, связанные с финансами, налогами, судами и т. д. Они рассматривали жалобы и прошения, которые поступали в диван- и вилайат [153, 46—50].

В руках губернаторов была сосредоточена не только гражданская власть, но и военное управление областями. Командование войсками играло особенно важную роль в пограничных вилайатах.

В распоряжении губернаторов имелись конные и пешие отряды во главе с военными предводителями. Они состояли из постоянных армейских подразделений, частей военных гарнизонов и иррегулярных вассальных отрядов¹. Вали контролировали регистрацию (исбат), подсчет (итлак), осмотр наличного состава командиров и солдат и т. д. Очевидно, все это производилось при непосредственном участии военных инспекторов провинций (аризов). Во всяком случае нам известно, что официальные данные относительно армейских подразделений вилайатов были зарегистрированы в диван-и арз ал-джайш [153, 47]. Вали следили также за мукта — военными и гражданскими владельцами и держателями ленов. Сами губернаторы отдельных провинций являлись одновременно иктадарами², взимавшими налоги с пожалованных им областей [153, 48].

Окружная и волостная администрация

Провинции Сельджукской державы XI—XII вв. подразделялись на более мелкие административные единицы. В состав последних входили округа или районы с соответствующими городскими центрами и подчиненными им сельскими волостями³. Непосредственное уп-

¹ Судя по официальным грамотам Сельджукидов, во главе их, наряду с обычными военачальниками (вукала, саларан, мукэддаман), стояли и высшие армейские чины (азизан-и даргах, сархайлап, асхаб-и атраф).

² Само название «вали», по мнению А. Лэмбтон, иногда употреблялось и в качестве синонима термина «мукта» [190, 233].

³ Следует отметить, что в средневековых источниках подчас нет достаточной четкости в терминологии, связанной с местной административной системой. Даже в официальных документах один и тот же район или округ иногда называется по-разному. В частности, например, Гурган то именуется провинцией — «вилайат», то называется округом — «хитта» [83, 14—18 сл.].

правление такими административными единицами обычно возлагалось на раисов. Термин «раис», отличавшийся полисемантичностью, означал буквально «глава», «начальник», «предводитель». В приложении к административной системе управления раисами в основном назывались окружные начальники и городские главы¹.

Раисы теоретически должны были представлять интересы всего местного населения [27; 137]. В идеале они считались посредниками между подданными (рай-ат) и органами центрального правительства². Однако в реальной действительности раисы были должностными лицами местного административного управления [153, 53—56; 190, 279—281]. Фактически они составляли одно из официальных звеньев Сельджукского государственного аппарата. Раисы по существу всегда ставились на сторону властей, особенно при возникновении конфликтов с рай-атом [37; 38; 80]. Довольно часто споры между ними возникали на почве сбора налогов, основанного на откупной системе. В конфликтных ситуациях, нередко перераставших в «смуты», обязанности раиса как должностного лица всегда преобладали над его формальным долгом. Характерно в этом отношении высказывание одного из раисов сельджукского времени, который заявил, что «когда буштует чернь — исчезает сила слова» [80, 26].

Раисы обычно происходили из старинных знатных фамилий местного населения и передавали фактически свою должность по наследству [153, 54]. Среди них были крупные землевладельцы, связанные с торговлей и купеческой верхушкой. Раисы воплощали в себе высо-

¹ В сельджукских документах XII в. «раисом» иногда называется и губернатор провинции, а также глава религиозной общины [83, 85—88], причем, в некоторых случаях раисы выступают в роли подчиненных «вали» лиц, а в других — характеризуются как наместники (райаса) областей [153, 53; 190, 276, 279—281]. Все это создает известные трудности для выяснения конкретных реалий местной сельджукской административной системы.

² В зарубежной историографии имеют хождение неверные взгляды о том, что в рассматриваемый период раисы являлись представителями «крупной буржуазии городов» [34, 67]. Институт сельских раисов, возможно, являлся приспособленным к условиям классового феодального строя трансформированным пережитком древней общины. Однако для решения этой сложной проблемы, безусловно, необходимы специальные исследования.

все должностное лицо и богатую феодальную знать. Подчас они выполняли и гражданские судебные функции (хаким), были крупными торговцами и главами купеческих гильдий [34, 62—70]. Среди них, по-видимому, были и такие, которые брали у государства на откуп налоги города или целой округи. Одной из таких персон, очевидно, был Абу Хашим, исполнявший в XII в. должность раиса Хамадана. Случилось так, что Абу Хашима отстранили от службы по наветам врагов, раввавшихся на его довольно доходное место. Тогда он внес в султанскую казну 800 000 динаров, что превышало, вероятно, общую сумму откупной платы [190, 251, 252].

В Сельджукской державе XI—XII вв. раисы ведали административными делами окружного, районного или городского управления. Они имели свои официальные учреждения, называвшиеся сара-йи рийасат, или диван-и рийасат [83, 54]. Раисам подчинялись заместители и служащие различных других категорий (гумаштаган). Главы административных органов местного, окружного и городского управления имели довольно обширные функции. Раисы заботились о благоустройстве городов, контролировали «знатных людей кварталов и базаров» [34, 66]. Они следили за мерами веса, ценами, валютой, инспектировали мухтасибов¹ и рыночных надзирателей (зуама-йи асвак).

Раисы играли важную роль в делах финансово-налоговых сборов с городов, волостей и округов. В их обязанности входил надзор за взиманием ординарных, а также чрезвычайных поборов. Раисы округов должны были предотвращать сверхмерные, экстраординарные сборы с местного населения. Некоторые виды таких налогов перечислены в грамоте Санджара о назначении раиса в Серахсе [83, 41]. Здесь говорится о чрезвычайных денежных сборах (авариз) и фураже (алаф) для проезжавшей через округ свиты, военачальников, обладателей диванских хавала². Однако в реальной

¹ Мухтасиб наблюдал за правильностью мер и весов, был цензором нравов, следил за выполнением религиозных предписаний и султанских повелений.

² Согласно мусульманскому праву, хавала — передача долга от одного лица другому; подобный акт мог быть оформлен юридически в виде договора. В данном случае хавала — чек или ордер

действительности эта функция райсов почти не имела практического значения [ср. 190, 279, 280]. Гораздо большее рвение проявлялось ими при сборе недоимок. Для этого они использовали в случае необходимости «полицейские» отряды, которыми непосредственно командовали шихне. Кроме того, райсы округов являлись хакимами — предводителями местных гражданских судов [153, 55, 56].

Райсы за свою службу получали государственное содержание в определенном размере (марсум). Выдача жалования производилась амилом из местных налоговых сборов [190, 281]. Подобно другим служащим державы Сельджукидов, райсам назначались также пенсии [153, 56].

Райсам округов непосредственно подчинялись деревенские главы (руаса) и старосты (зуама), которые были в основном выходцами из местных знатных фамилий [3, 190]. В качестве «заимов» упоминаются не только главы оседлого, но и кочевого населения [109, 37]. Райсы имели право назначать, подвергать взысканиям или отстранять от дел низовую администрацию [83, 30]. Городские и окружные райсы действовали с согласия и ведома богатой и влиятельной знати [83, 61].

Главой местной администрации был не только райс, но иногда и так называемый амид¹. Судя по некоторым документальным материалам XII в., так именовались лица, получавшие управление городом или округом [38, 23; 80, 19]. Амиды назначались государственными диванами, что оформлялось, вероятно, специальным указом. В царствование Газневидов и Сельджукидов упоминаются амиды целых провинций, в частности Хорасана [151, 3, 5; 178, 22]. Известно также, что эту должность брали на откуп, причем нередко сами государственные чиновники. Среди них фигурируют сборщики налогов (амили), военачальники (эмиры), правители областей [37; 38; 80]. Они получали на откуп сбор налогов и по-

на выдачу определенного вознаграждения за государственную службу.

¹ Амиды были гражданскими правителями областей еще в досельджукскую пору, но распределение функций между ними и другими местными властями остается неизвестным. В правление Газневидов амидами назывались крупные административные чиновники, стоявшие во главе областного управления [2, 975].

дате́й с соответствующих городов и областей. Такие лица, называвшиеся по-арабски «дамин», имели своих помощников (катибов). Зачастую между откупщиком и местными жителями возникали острые конфликты из-за размера налогов. Стремясь как можно больше выжать из подданных, дамин заручался обычно поддержкой наемных отрядов. Нередко это был «сброд головорезов», состоявший из деклассированных элементов города и деревни [37; 38; 80].

Судебные органы В Сельджукской державе, как и в других мусульманских государствах, существовали светские и конфессиональные суды. Главой светской юрисдикции и суда являлся султан, председательствовавший в диван-и мазалим¹. Одной из традиционных прерогатив султана как верховного государя был разбор жалоб. Два раза в неделю он мог заседать в таком суде [109; 153]. В отсутствие султана в диван-и мазалим обычно председательствовал везир или кази [190, 271]. Прерогативами высшего светского судьи в некоторых сельджукских владениях обладал и так называемый дад-бек². Обычно это был один из приближенных ко двору высших сановников наподобие атабека. Дад-бек являлся, вероятно, султанским наибом, либо главой диван-и мазалим [153, 92].

Функции светского судьи (хаким) выполняли и губернаторы областей. Скорее всего и они два раза в неделю заседали в провинциальных диван-и мазалим. Однако разбор подсудных дел такими хакимами производился с согласия кази и по законам шариата. улаживанием споров и тяжбами занимались и райсы округов, подвластных губернаторам провинции. Однако соответствующие решения они не могли принимать без согласования с казиями, имамами, местной светской знатью. Функции хакимов выполняли также иктадары и малики — наследственные владельцы областей [153, 92]. В роли последних обычно выступали сельджукские принцы и близкие родичи султана [180, 3 сл.].

¹ Высшая инстанция светского «административного» суда, где производился разбор жалоб о притеснениях; верховный орган таких судов в государстве Сельджукидов назывался «газа-йи даргах дар кулл-и мамалик» [153, 92].

² Дад-бек (или же иначе амир-дад) официально существовал, например, при Сельджукидах в Керманском и Румском султанатах.

Официальная юрисдикция в Сельджукской державе XI—XII вв. базировалась на идеологическом фундаменте ислама. Повседневная судебная практика, разбор гражданских и уголовных дел осуществляли кази. Они судили по законам шариата и предписаниям мусульманской религии. Казии руководствовались Кораном, хадисами — преданиями о случаях из жизни пророка, его сподвижников и т. д. Судебные решения они принимали опираясь на учения ортодоксальных мазхабов — юридических толков и школ ислама [153; 156; 162; 190]. В своей практической деятельности казии нередко прибегали к услугам видных правоведов (факихов, имамов и других представителей ахл-и фатва) мусульманской юриспруденции и служителей культа [83, 11, 12 сл.]

В Сельджукской державе, в пору ее расцвета, существовала должность верховного имперского судьи¹. Непосредственно в его ведении находились казии и все городские, провинциальные и окружные хакиды. Однако после распада Сельджукской империи на отдельные самостоятельные государства необходимость в такой должности исчезла².

Шариатные суды являлись органической частью сельджукского государственного бюрократического аппарата. Судебные инстанции подразделялись на столичные, провинциальные, окружные и т. д. Обычно в казбах, являвшихся административными центрами, имелись главные судьи, которые назывались кази ал-кузат и осуществляли контроль за местными судебными органами. Казии ал-кузат выполняли нередко функции главных арбитров и третейских судей [83, 33, 45]. В случае разногласий, возникавших при толковании шариата, обращались к знатым факихам и имамам [83, 11, 12].

В XI—XII вв. в Восточносельджукском государстве имелся и главный армейский судья (кази-йи хашам ва

¹ В документах исследуемого периода он называется «кази дар кулл-и мамалик», «акза ал-кузат дар кулл-и вилайат», «кази-йи джумла-йи мамалик». Сохранилась официальная грамота, датированная 1065 г., о назначении султаном Алп-Арсланом главного имперского судьи [см. 153, 147, 148].

² А. Лэмбтон полагает, что часть его функций при Санджаре выполнял «кази-йи лашкар» — войсковой судья [190, 272]. Однако приводимых ею данных явно не достаточно для решения этого остающегося спорным вопроса.

лашкарийан-и хазрат). Он рассматривал жалобы, разбирая тяжбы (хусумат) и другие подсудные дела военачальников и солдат. В некоторых случаях его юрисдикция, вероятно, распространялась и на судебные инстанции провинций [83, 59].

Судебный аппарат, помимо казиев, состоял из катибов, умевших составлять юридические документы (васаик), оформлять договоры (кабала) и т. д. Казию подчинялись и специальные уполномоченные (вукала); они разбирали споры (даава), проверяли свидетельские показания (байинат), вели судебные протоколы, составляли отчеты [153, 91].

Казии заведовали также мечетями, осуществляли надзор над вакфами и контролировали их управителей (мутаваллиев). В случае если учредитель вакфа не назначал мутаваллия, то им становился кази [190, 27]. Нередко казии выполняли и роль хатибов — проповедников, читавших хутбу в пятничной или соборной мечети [153, 97]. Шариятные судьи иногда были одновременно и мударрисами — смотрителями и преподавателями медресе. Довольно часто казии выполняли и функции муфтиев, издававших фатву¹.

Теоретически кази был облачен большими полномочиями не только в суде, но и в делах гражданского управления. Он мог не утвердить, отклонить светские постановления, опротестовать даже султанские указы в диван-и мазалим. Однако в действительности «идеальные права» казии оказывались простой фикцией. Практическая деятельность шариятной юрисдикции была ограничена волей султана и центрального правительства. Сами казии фактически являлись государственными служащими, частью феодально-бюрократического аппарата². Они получали жалование (марсум), подарки, натуральное содержание и денежные пенсии (ид-рарат). Главной обязанностью казиев был контроль над религиозными институтами, строгий надзор за деятельностью сектантов и неортодоксальными воззрениями [190, 270, 271].

¹ Фатва — разрешение судебного или частного юридического запроса на основе шариата.

² Шариятные судьи, как и официальные чиновники Сельджуцкого государства, обычно передавали свою должность по наследству [83, 10 сл.; 3, 190].

В XI—XII вв. в пределах Восточносельджукского государства, как отмечалось выше, наряду с оседлым имелось также кочевое и полукочевое население. Значительная масса номадов обитала в степях, прилегающих непосредственно к земледельческим оазисам—в Хорасане, Гургане и Хорезме. Среди них доминирующую роль играли скотоводческие племена, находившиеся под властью династии Сельджукидов. Жившее здесь кочевое и полукочевое население именовалось туркменами, или просто тюрками [83, 11—85]. Значительная масса туркмен обитала на юго-восточном побережье Каспия, по Атреку, Гургену и Сумбару. Туркмены жили также в Нишапурской, Рейской, Хаберанской, Мервской, Серахской и прочих областях. В сельджукских документах XII в. часто упоминается о тюрках воинах и райятах, обитавших в этих краях [83, 30—59]. Подвластные Сельджукидам Хорасана туркменские ополчения использовались в качестве пограничных заслонов против набегов степных племен Прибалханья и Мангышлака. В XI—XII вв. там обитало смешанное кочевое население, состоявшее из потомков старых огузских, пришлых кыпчакских и других тюркоязычных племен. Основная их масса даже в середине XII в. оставалась «языческой» и не была обращена еще в ислам [83, 19]. Правда, часть этих племен временами, очевидно, признавала зависимость от правителей Хорасана. Однако власть Сельджукидов над степняками Прибалханья и Мангышлака, вероятно, была эфемерной и непрочной [9, 229 сл.].

В XI—XII вв. кочевое население имелось и в других областях Восточносельджукского султаната. Довольно значительная масса номадов обитала в пределах обширного вилайата с центром в г. Балхе¹. Степное население, включая тюркоязычные племена, издавна обитало в Северном Афганистане, Восточном Узбекистане и Южном Таджикистане. Они кочевали в низовьях Вахша, Пянджа, Сурхандарьи, в долине Хильменда и верховьях Мургаба. Среди этих племен в средневековых арабо-персидских источниках довольно час-

¹ Развалины этого некогда крупного города в Северном Афганистане лежат к западу от нынешнего Мазари Шерифа

то упоминаются халаджи, огузы и карлуки [2, 181; 81, 167]. Огузы уже в VII—VIII вв. кочевали по реке Аргендаб и ее притокам, между Гуром и Бустом¹. Совместно с халаджами часть их обитала также в Систане и Гарчистане². В правление Саиджара огузы имели свои пастбища (юрт-гах) и становища (макам) в Саганиане³, Тохаристане⁴, Хутталане⁵. Довольно значительная масса огузов в середине XII в. переселилась в Балхскую область из Мавераннахра. Они сохраняли древнее свое название, но считались уже «подразделенным (таифе) туркмен» [151, 281].

Сельджукские правители Хорасана назначали свою администрацию для управления кочевым и полукочевым населением. Туркмено-огузские племена подчинялись губернаторам соответствующих провинций (вали), которые осуществляли как гражданское, так и военное управление. Сельджукиды рассматривали подвластных им степняков как обычных раййатов, обязанных уплачивать налоги и подати [83, 15 сл.]. Кочевники выполняли также военные повинности, участвовали в походах, несли пограничную службу. Наместники провинций и крупных округов ставили над степняками и полуоседлыми жителями своих заместителей (паибан), фискальных и других чиновников. Делами всего административно-налогового управления кочевниками ведали губернские канцелярии (диван-и ийалат).

В Сельджукской державе XI—XII вв. практиковалось также подчинение кочевников личной власти султана. Непосредственное управление ими осуществлялось служащими диван-и хасс и придворными чинами. Султанский диван передавал эти племена в ведение своей администрации, которая занималась и сбором налогов [193; 143; 172; 106]. В таких случаях они назывались раййат-и хасс (подданные государя) и считались «личным» султанским войском [69, л. 56; 13, 259; 192, 30].

¹ Теперешний Калан Бист — город на реке Хильменд, близ впадения в нее Аргендаба.

² Область в верховьях реки Мургаб.

³ Область в долине Сурхандарьи, главный центр которой некогда располагался на месте современного Дейнау.

⁴ Соответствует нынешнему Афганскому Туркестану (в узком значении — область к востоку и югу от Балха до Гиндукуша).

⁵ Область в междуречье Вахша и Пянджа с административным центром, располагавшимся южнее современного Куляба.

Сельджукские властители использовали родо-племенную знать кочевников для управления подвластным им степным населением [69, л. 11—12]. В документах XII в. эти богатые и влиятельные люди именуется военачальниками (умара), предводителями (мукаддаман), вождями (саларан). Огузо-туркменской аристократии подчинялось определенное количество кибиток или семей, которые были официально за ней закреплены [83, 82]. Хорасанские Сельджукиды назначали над этой родо-племенной знатью свою гражданскую и военную администрацию.

В XI—XII вв. управление кочевыми и полукочевыми туркменскими племенами нередко передавалось так называемым шихне. Должность шихне при Сельджукидах была важной и зачастую переходила по наследству. Шихне, назначавшиеся над кочевниками, выполняли в основном роль блюстителей порядка. Они имели свой диван и помощников (наибан) главным образом для сбора налогов. В распоряжении шихне имелись военные отряды для поддержания общественного «спокойствия» и выполнения карательных функций. Шихне и его подручные взымали штрафы за нарушение закона, наказывали за преступления. Особенно жестоко они преследовали «смутьянов» и «мятежников», которые подвергались суровым репрессиям¹.

Шихне следил за порядком, распределением пастбищ и водных источников, улаживал возникавшие на этой почве споры между кочевыми племенами. В свою пользу шихне и его помощники взымали с подчиненного им скотоводческого и полукочевое население подати и налоги. Феодалный институт шихне был орудием господства и эксплуатации сельджукидскими властями рядовой массы кочевых племен.

¹ Аналогичную роль, вероятно, играли также шихне, которые назначались и в различных городах. Это подтверждается документальными источниками поры владычества Сельджукидов в Закавказье. «В обязанности шихне, — справедливо отмечает В. М. Бейлис, — входила не столько оборона города, сколько умирение горожан, ликвидация конфликтов и смут, возникавших иногда на религиозной основе, но часто из-за недовольства горожан» [38, 23; ср. 171].

Государственно-административный строй империи Сельджукидов имел много общего с предшествующими феодальными державами. Вместе с тем ему были присущи свои отличительные черты, вытекавшие из особенностей политического и экономического развития. Широкое распространение феодального института икта и удельная система накладывали свой отпечаток на государственный строй. В Сельджукской державе практиковалась раздача целых провинций членам правящей фамилии. Они передавались как в наследственное владение, так и в условное пожизненное держание. Значительный резонанс в Сельджукском государстве получает так называемое «административное икта». Сущность его заключалась в том, что верховным султаном жаловалось лишь право на управление соответствующей областью [163; 164; 165; 153; 190].

Распределение стран и провинций между «великими Сельджукидами» было не временной акцией, а довольно ординарной практикой. Обычно после смерти или при жизни верховного султана начиналось перераспределение уделов. В частности, при Алп-Арслане вся империя была разделена между членами сельджукской династии [154, X, 34; 91, 529].

Сельджукские правители оставляли у власти и прежних династов, ставших их вассалами и обязавшихся уплачивать подати и налоги [65, X, 70]. Постепенно важные административные посты начинают занимать и придворные чины. С течением времени управление областями начали поручать и вождям мамлюков, выдвинувшихся при дворе и на службе при особе верховного султана [179]. Подобные случаи имели место в правление султана Малик-шаха и его преемника Беркярука [175, 47; 22, 66]. В дальнейшем эта практика упрочилась и распространилась в Восточносельджукском государстве¹.

Смутная эпоха конца XI — начала XII в. благоприятствовала развитию внутренне созревших центробеж-

¹ Интересно отметить, что некоторые области находились в управлении соответствующих придворных сановников. В частности, Хорезм в конце XI в. был в ведении таштдара — начальника ульмального приказа [194, I, 233; 175, 147, 148].

ных тенденций. Многие области фактически обособляются в самостоятельные политические и административные единицы. Широкое распространение получает отдача целых провинций в руки атабеков, получающих налоговый и административный иммунитет [47; 48]. Наглядным примером в этом отношении является диплом на управление Сирией, выданный в 1156 г. султаном Гияс ад-Дином Мухаммадом своему атабеку Тугтегину [176, 137]. Власть атабеков постепенно становится наследственной, переходящей от отца к сыну [128, 43; 187, 11 сл.].

Аналогичные процессы наблюдаются и в государственно-административном строе Восточносельджукской державы. Однако в отличие от Иракского государства они не получили столь яркого проявления в Хорасанском султанате. Тем не менее и здесь мы видим тенденцию к обособлению вассальных окраин. В качестве примера можно указать на Хорезм, правители которого фактически были независимы от Санджара. Правда, вначале Санджар устанавливал статут вассальных обязанностей для хорезмшахов [65, XI, 31]. Однако по мере ослабления власти султана, особенно после разгрома при Катаване, хорезмшахи мало считались с верховным сюзереном¹.

Санджар иногда предоставлял в административное управление целые области своим гулямам и мамлюкам [183, I, 147, 148]. Это были привилегированные рабы, возвысившиеся на службе и получившие высокие должности и почетные титулы. В их числе можно назвать эмира Кумача-вали Балхской области и Юлдуза — правителя Гератского вилайата [183, I, 424].

Административная власть на местах в Восточносельджукской державе не имела единого шаблона. В одних провинциях управляли члены правящей династии на правах иктадаров и мулькдаров. Другими областями ведали назначаемые султанами вали или райсы, либо они были оставлены в руках местных княжеских родов.

¹ Сельджукские правители, вероятно, продолжали газневидскую традицию в отношении хорезмшахов; последние то отправляли ко двору Сельджукидов на год своих сыновей, то являлись сами [152, 5].

Сельджукская административная система отражала характерную для восточного средневековья политическую зависимость деревни от города. В городах были сосредоточены все правительственные учреждения, высшие и низшие органы власти. Интересно отметить, что некоторые сельские округа были включены в систему так называемых рубов¹. В XI—XII вв. деление на рубы сохранялось в некоторых довольно крупных городах Хорасана. Рубы, или группы кварталов со своими шейхами (старшинами) имелись в Нишапуре и Мерве [81, 333, 342]. Подобные кварталы обычно имели собственные каналы с проточной водой и свои определенные границы [28, 175]. Зачастую они были заселены по профессиональному, а иногда и конфессиональному принципу [81; 109]. Однако старосты живших здесь ремесленников не являлись непременно квартальными шейхами.

Система деления на рубы подчас охватывала не только города, но и окрестные сельские поселения. В XII в. в Нишапурской провинции, например, имелся руб под названием Раваид. Он включал в себя более пятиста деревень, а его границы простирались от Туса до Бушта [81, 333].

Государственный аппарат Сельджукской империи был основан на системе бюрократической иерархии. В правительственных диванах процветало взяточничество, использовались всяческие легальные и незаконные источники обогащения [80, 60; 38, 31]. Сановники высокого ранга и чиновничья знать фактически передавали свои должности по наследству². Однако вопреки мнению некоторых зарубежных историков, не было служебной регламентации по этническому признаку³. Государственный аппарат державы Сельджукидов был орудием для господства всего феодального класса.

¹ Словом «руб», согласно Ибн Фундуку, обозначалось деление на городские кварталы или поселения «в степи и на горах» [3, 34]. Данный термин прилагался также к округе, непосредственно подчинявшейся городу [81, 198; 62, 123].

² В этом отношении характерно заявление султана Санджара о том, что передача должности от отца к сыну является «обычаем нашего государства» [83, 76].

³ Некоторые исследователи, как говорилось выше, ошибочно считают, что в державе Сельджукидов праязычное население занимало гражданские, а тюркоязычное — военные должности [см. 156].

ГЛАВА III

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ТУРКМЕНИСТАНЕ В XI—XII вв.

Социальный строй Хорасана, Гургана, Хорезма исследуемого периода основывался на экономическом базисе феодальных производственных отношений. Классовая структура общества определялась господствующими формами собственности и ведущими феодальными институтами. Основными антагонистическими социальными силами были феодалы и народные массы. Сельджукские документы отличают господствующую знать от райята — массы податного сословия [83, 14 сл.]. Термин райят в основном применялся к крестьянам и ремесленникам — непосредственным производителям материальных благ [165, 72].

Господствующий класс Феодальный класс Сельджукского государства XI—XII вв. не был однороден по своему имущественному состоянию и общественному положению. Верхнюю ступень феодальной лестницы, основанной на социальной иерархии, занимала влиятельная светская и духовная знать. В сельджукских документах XII в. она называется айнан (знатные), маруфан (известные), ашраф (благородные), мутабаран (почтенные) и т. д. Сюда же относились высшие слои ортодоксального мусульманского духовенства и юриспруденции: шейхи, саиды, факххи, улама, имамы, казии [83, 13—21].

В XI—XII вв. в Туркменистане, как и в других странах Западной Азии, не было строгого деления феодальной верхушки на городскую и сельскую знать. Круп-

ные собственники и владельцы иктовых наделов держали в руках власть как в городе, так и в деревне. Интересы правящих слоев смыкались и переплетались в самых различных экономических сферах. Землевладельцы, держатели икта, мусульманское духовенство нередко имели ремесленные мастерские, участвовали в караванной торговле и ростовщических операциях. Собственники земель получали значительные доходы с караван-сараев, бань, лавок и других располагавшихся на территории их владений и приносящих доходы заведений (мустагалл).

Господствующий класс подразделялся на старинную потомственную аристократию и служилую знать, выдвинувшуюся при Сельджукидах. Социально-экономические интересы и практическая деятельность землевладельческой аристократии и чиновничества органически переплетались между собой. В подавляющем большинстве случаев они были представителями административной власти в центре и на местах [83, 29]. В основном это были представители старинных родов, которые из поколения в поколение занимали важные служебные должности [3, 114—125].

Собственно купеческое сословие подразделялось по своему имущественному и социальному положению на несколько прослоек. Богатые и зажиточные слои купечества состояли из туджаров и базарганов, которые занимались транзитной торговлей [83, 44; 109, 316]. Средние и простые круги были представлены так называемыми людьми базара (базари); они составляли ремесленно-торговую часть городского населения, которое в основном занималось продажей своей продукции на местных рынках. Фактически люди базара и особенно их малосостоятельная часть смыкалась с рядовой массой простого народа [109, 317].

Феодальный класс Сельджукской державы состоял из различных социально-имущественных слоев. В первую очередь это были крупные собственники, занимавшие важные государственные должности. Значительную часть военного и гражданского сословия, являвшегося главной опорой сельджукского трона, составляли мукта. Они являлись владельцами земельных наделов, которые были получены за военную и гражданскую службу от верховного султана.

Господствующий класс Туркменистана XI—XII вв. имел свои особенности, связанные с историей образования Сельджукского государства. Своему приходу к власти новая династия была во многом обязана кочевым огузо-туркменским племенам. Феодализирующаяся знать этих племен была удостоена различных званий, получила земли, пастбищные выгоны и угодья. Значительная ее часть, особенно члены многочисленной царской фамилии, стали держателями наделов. Постепенно сельджукская аристократия отходит от кочевого быта и сливается с феодальной аристократией земледельческих оазисов. Однако преобладающая масса огузо-туркменской аристократии продолжала кочевую жизнь, одновременно получая доходы от своих икта. Все это накладывало своеобразный отпечаток на этническую и социально-экономическую структуру господствующего класса Сельджукской державы.

Служилая феодальная знать державы Сельджукидов подразделялась на две большие категории. Первая из них состояла из представителей гражданской бюрократии, а вторая — из военных чинов. Служилое гражданское сословие в Сельджукской державе называлось «господа пера», а военное — «господа меча»¹. Официальное чиновничество в зависимости от должности и положения при дворе подразделялось на соответствующие ранги. Служащие государственных диванов состояли из высших сановников, чиновников среднего и низшего разряда. Значительную массу служащих официальных учреждений составляли дабирь или катибы. Они выполняли функции секретарей, вели официальную переписку и иные дела по своим ведомствам. [109, 156 сл.; 104, I, 504, 505].

Военное сословие, находившееся на государственной службе, также подразделялось на соответствующие ранги [176, 35; 178, 56]. Командный состав армии, подчинявшийся лично султану, носил звание исфаксаров, эмиров, саларов [151, 62, 63; 65, X, 26]. Важные посты в сельджукском войске занимали также предводители, вышедшие из среды гулямов. Они достигали не только звания эмиров, но подчас назначались исфакса-

¹ В сельджукских государственных документах они названы «асхаб-и шемшир ва калам» [83, 48].

ларами армии [183, III, 51]. В известной степени здесь мы имеем дело с традициями позднего халифата и государств -- предшественниц Сельджукской державы. Предводители гвардии из тюрок-гулямов, вожди преторианских отрядов, как известно, играли большую роль в войске Аббасидов, Газневидов и Буидов [135, 143--148]. Однако при Сельджукидах эта старая традиция претерпела соответствующую трансформацию. Реформы 60-х годов XI в., образование постоянной и наемной армии расширили и изменили состав войска Сельджукидов. Военный контингент значительно пополнился за счет населения покоренных Сельджукидами областей и стран. Сформированное по несколько видоизмененным прежним образцам гулямское войско состояло уже не только из рабов тюркского происхождения; в армии были крупные отряды из хорасанцев, дейлемцев, шабанкаре, армян, грузин и ряда других народов. «Когда все войско одного рода, -- поучал Низам ал-Мульк, -- возникает от этого опасность, не бывает большого старания, происходят беспорядки. Надо, чтобы войско было составлено из разных племен» [109, 107]. Между командирами регулярных частей, мамлюкскими предводителями и огузо-туркменскими племенными вождями шла постоянная борьба, в основе которой лежало соперничество из-за командных постов, стремление к получению больших наград, жалования и земельных наделов.

Служилая бюрократия была не однородной не только по официальному должностному рангу, но социальному и общественному положению. Образование Сельджукской империи способствовало росту удельного веса средних феодальных слоев, тесно связанных с гражданской и военной службой. Старая дехканская знать, сильная в прежнюю эпоху, стала беднеть, разоряться и терять свое общественное значение [165, 56--59]. Изменился состав господствующего класса, куда наряду с древней родовитой аристократией входили теперь феодалы, выдвинувшиеся на службе новой династии. Сюда влилась также кочевая знать огузо-туркменского происхождения -- основная военная опора первых сельджукских вождей. Отмеченные перемены отразились на составе государственного и административного аппарата Сельджукской державы.

В Сельджукской державе XI—XII вв., как отмечалось выше, шла острая борьба между старой родовитой аристократией и новой служилой знатью. Своего зенита она достигла в царствовании султана Малик-шаха и его преемника Беркярука [151, 83, 84]. Ключевые позиции в сельджукском государственном аппарате долгое время находились преимущественно в руках хорасанцев. Хорасанская знать всячески старалась оградить султанов от влияния других групп феодального класса Сельджукской империи. Одним из соперников хорасанских сановников была влиятельная аристократия Персидского Ирака [151, 96]. Борьба между хорасанцами и иракцами внешне носила форму религиозной вражды, но в сущности велась из-за гегемонии. Сказывался и антагонизм в сфере торговли и конкуренции между этими двумя развитыми экономическими областями за господство на рынках стран Западной Азии [148].

Сельджукиды опирались на правоверное духовенство, главным образом ханифитов, к которым принадлежала сама царствующая династия. Они покровительствовали не только официальным мусульманским толкам, но и ортодоксальным суфийским орденам. Гражданская и военная бюрократия, окружавшая царский трон, всячески направляла религиозные симпатии правящей фамилии в своих классовых интересах. Подавляющее большинство хорасанской знати, служившей новой династии, было главным образом суннитским ханифитского толка¹. Среди иракской аристократии было немало сторонников и приверженцев шиизма, противостоявшего ортодоксальному суннизму.

Хорасанская знать использовала суннитские догмы для удержания в своих руках главных рычагов государственного управления. Однако после Али-Арслана в царствование Малик-шаха, положение стало несколько изменяться. Постепенно в государственный аппарат проникают шиверцы, а также иракские «худоверные слуги» [109, 162]. Низам ал-Мульк советовал не cere-

¹ Среди этой знати было много приверженцев шафитского толка, враждовавших с ханифитами и другими «правоверными» мазахабами. Несмотря на это, ортодоксальные толки ислама, в том числе ханифитов и шафитов, объединяла несправедливость к шиитам и другим «еретическим» сектам [109, 67; 151, 101].

мониться с этими иракскими «плоховерами» и смещать их с официальных должностей [109, 162, 163].

Борьба между рассматриваемыми феодальными группировками изобиловала острыми и драматическими ситуациями. Нередко она сопровождалась жестокими репрессиями и даже кровавыми убийствами [109, 163]. Один из таких эпизодов разыгрался в правление Беркярука, когда был растерзан алид Мадж ад-Дин Куми [151, 84, 85]. Последний был начальником диван-и истифа, а высокая должность мустафи всегда была предметом интриг и зависти вельмож [184, 301]. Военачальники и чиновники обвинили Мадж ад-Дина в ереси (шиизме) и убили его на глазах Беркярука.

Служилая знать Сельджукской державы, таким образом, не была однородной по социальной природе и была представлена высшими, средними и мелкими кругами господствующего феодального класса. Между представителями старой потомственной аристократии и новой выдвинувшейся на службе знатью шла ожесточенная борьба за государственные должности. Однако противоречия между этими феодальными группировками не были непримиримыми; их конечные и исходные позиции смыкались между собой в интересах удержания своего классового господства.

Важной составной частью господствующего класса Туркменистана и других областей Сельджукского государства было ортодоксальное мусульманское духовенство. Это была идеологическая опора власти правящей династии и всех феодальных порядков. В одном из сельджукских документов образно говорится, что «царство и (устои) державы основываются на (мусульманской) религии и шариате» [83, 24]. Сельджукские султаны поддерживали, всячески поощряли и покровительствовали суннитскому «правоверному» духовенству. Они строили мечети, учреждали вакфы, раздавали пенсии и щедрые подарки шейхам, казиям, саидам, факхам [175, 3]. Особенно большим вниманием были окружены мусульманские идеологи и праведы хашифитской школы [193, 17, 18].

В правление султана Малик-шаха ежегодно из государственной казны выдавалось факихам, суфиям, чтецам Корана триста тысяч динаров. Это была очень крупная сумма; на такие деньги можно было «органи-

зовать поход на Византию и покорить сам Константинополь» [178, 46; 175, 165].

Мусульманское духовенство играло важную роль в административном и государственном управлении. Оно выступало не только в качестве судей и законоведов, но и сановников, наставников и советников власти имущих. Влияние духовенства было значительным не только в гражданских делах, но и в военном аппарате [83].

Духовенство, как и другие сословия державы Сельджукидов, не было однородным и разделялось на высшие, средние и низшие слои. Крупные шейхи, факихи, казии были обладателями большого движимого и недвижимого имущества. Среди духовенства имелось немало семей, получавших доходы от завещанных в их пользу вакфов. Они пользовались также государственными пенсиями и регулярными подарками от местных властей и султанского двора. Мусульманское духовенство нередко сочетало богоугодные молитвы с доходной торговлей, причем не брезговало и перепродажей рабов [194, 137, 275]. Сельджукские документы XII в. нередко упоминают шейхов, саидов и другие слои ортодоксального духовенства в городах нынешнего Туркменистана [83, 36, 41 сл.]. В основном это были представители ханифитского и шафиитского толка правовых школ (мазхаб). Духовенство жило не только в касбах и небольших городках, но и в сельских поселениях. В надгробных кирпичях из Мервской области упоминаются имена местных саидов и шейхов [79, 24].

В XI—XII вв. в Хорасане и сопредельных областях существовало также немало суфийских орденов. Суфийские обители (ханака) были распространены в Нишапуре, Тусе, Кумисе, Мерве, Абиверде [60, 191—323]. В селении Мейхене находилась известная ханака Абу Саида, потомки которого имели большое влияние в Хаберанской области. Шейхи местного суфийского ордена пользовались вниманием и покровительством сельджукских правителей. Без их согласия власти Хаберана фактически ничего не могли предпринять в делах управления своим округом [59].

Мусульманское духовенство существовало не только за счет личного имущества, но и доходов от общественной и государственной службы. Отправлявшие религиозный культ шейхи, имамы, хатибы получали опреде-

ленное содержание, различные дары и подношения. Де-нежное и натуральное жалование давалось преподавателям медресе, в том числе высшего разряда (низамийа). В этих учебных заведениях, где основное внимание уделялось богословию, преподавали знатоки шариата (факихи) и мусульманской теологии (улама). Медресе имели свои подчас довольно обширные земельные владения и различное завещанное в вакф имущество. Настоятеля медресе, обычно происходившие из крупного духовенства, следили за процессом обучения и исполнением религиозных предписаний. В их обязанности входил также контроль за управителями вакфов, забота о благоустройстве медресе [83, 8, 9].

Значительную прослойку мусульманского духовенства составляли казии, исполнявшие обязанности судей. Казии обычно происходили из знатных фамилий, в том числе из саидов, возводивших свой род к пророку Мухаммаду. В большинстве своем это были выходцы из именитой духовной аристократии, носившей прозвище «шейх ал-ислам» и другие громкие титулы.

Казии нередко обладали огромными богатствами, нажитыми не столько на официальном жаловании, сколько на «подношениях» и взятках. Сельджукские документы свидетельствуют о том, что они имели свои собственные земли (мульк) и разное недвижимое имущество (асбаб). Крупные землевладельцы из числа судей обычно пользовались льготами при сборе государственных налогов. Они получали соответствующие предусмотренные обычаем и законом подарки (идрар) и подношения, дававшиеся в качестве «поздравлений» [83, 52].

Народные массы Феодальный класс, вся правящая верхушка Сельджукского государства XI—XII вв. жила за счет трудовых слоев простого народа. Основную массу этих непосредственных производителей материальных благ составляли крестьяне и ремесленники. В состав трудового народа входили также науперизированные слои малосостоятельного и бедного люда; они жили за счет поденного и сезонного найма, трудились за соответствующую плату на строительных и других работах¹. Значительная часть их использова-

¹ В средневековых источниках они выступают под названием «аджир» и «амале», что означает «наемный работник» [89, I, 330a].

дась в качестве прислуги в богатых и зажиточных домах. Немалое количество такого обездоленного люда составляло плебейство, жившее случайными заработками и подачками знати. Среди этих деклассированных элементов имелась прослойка, служившая в муниципальной охране и нанимавшаяся в отряды так называемых «борцов за веру» [137].

Наиболее бесправные и низшие слои общества состояли из рабов и невольниц; их труд использовался в различных сферах, но главным образом — в домашнем хозяйстве. Особую категорию невольников составляли гулямы или мамлюки, служившие в войске Сельджукидов. Своим фактическим положением они напоминают не обычных, а привилегированных рабов.

Значительная масса невольников приобреталась для сельджукской армии на рынках Туркестана. Проданных в рабство мальчиков обучали верховой езде, стрельбе из лука, владению мечом. Затем по достижении определенного возраста их продавали купцам или посредникам — работоторговцам. Основная часть невольников, обученных военному делу, приобреталась верховными султанами [194, 138, 275]. В XI в. при Сельджукидах цена старого раба составляла около 10 динаров, а молодого — 100 динаров [178, 46]. Гулямы составляли отдельные воинские отряды и личную султанскую гвардию, являлись привратниками, дворцовыми слугами, а также выполняли обязанности оруженосцев своих господ и другие функции [176, 197].

Основную массу трудовых слоев городского населения составляли простые ремесленники. Значительная их часть длительное время трудилась в качестве подмастерьев. Они получали за свой нелегкий труд поденную или ежемесячную плату. В большинстве случаев этого заработка едва хватало на «ячменный хлеб, зелень и лук» [109, 20].

Ремесленному люду (асхаб-и санаат), особенно подмастерьям, жить было очень трудно. Даже официальные документы признавали, что «все их дела имеют только одну цель — добыть средства к жизни и прокормить жен и детей» [27, 405]. Очевидно, таким же было и положение основной массы ремесленников-мастеров и особенно «людей базара». Далекое не случайно то,

что они нередко принимали активное участие в народных движениях [23, 1].

Ремесленники были обязаны платить налоги в государственную казну и нести различные повинности. Однако в источниках XI—XII вв. нет почти никаких подробностей о видах и размерах взимавшихся с них налогов. Известны лишь некоторые косвенные факты о взимании налогов с торгово-ремесленного населения. В одном случае говорится, например, о сборе рыночных податей на содержание городской «полиции» [137, 21]. Очевидно, этот налог взимался не только с купцов, но и ремесленников, которые торговали на рынках своей продукцией. Зато в источниках сельджукской поры говорится о трудовых повинностях ремесленников, в частности упоминается «неоплачиваемая работа» (сухра) плотника, «принудительное дело» (фил) строителя, отработка «обязательства» (иджбар) наемного работника [38, 21]. Городские ремесленники использовались также на различных общественных работах в качестве «ополчений» (хашар).

Повседневная жизнь городских ремесленников и их семей зависела не только от заработка, но и от индекса рыночных цен. Рост цен, спекуляции на зерне и хлебе доводили подчас ремесленников до полного разорения¹. Положение трудовых слоев горожан резко ухудшалось в засушливые годы, когда наступала сильная дороговизна. Особенно тяжелые бедствия обрушивались на них в голодные годы, приводившие к большой смертности и бегству жителей из городов. В источниках XI—XII вв. имеется достаточное количество подобного рода печальных фактов. Ибн ал-Асир, например, сообщает, что в 1138 г. в Хорасане произошел затянувшийся надолго рост цен на хлеб и зерно, что привело к сильному голоду. Население бежало из городов, жители которых съели даже собак и кошек [65, XI, 30]. Сильная дороговизна наблюдалась в Хорасане и ряде сопредельных областей спустя одиннадцать лет. В 1149 г. вновь начался рост цен на продовольствие, вызванный страшной засухой [65, XI, 62].

¹ Перекупщики и спекулянты пользовались всяким удобным случаем для поднятия рыночных цен [83, 28].

В XI—XII вв. в городах и селениях Туркменистана имелся значительный процент населения, влачившего полуголодное существование. Согласно мусульманской религии и шариату, они должны были получать «садака» — подачки для бедного люда. Сельджукские правители, стремясь ослабить недовольство обездоленных масс, производили ежегодные пожертвования для нищих и бедных. В царствование Малик-шаха было роздано садака на общую сумму в 4000 динаров: по 1000 динаров — в Балхе, Мерве, Герате и Нишапуре [178, 21]. В правление Алп-Арслана в пользу бедных устраивались также угощения, для чего резали до 50 баранов [151, 47; 178, 38]. Пожертвования и угощения такого рода¹ привлекали бедный люд в города, но не могли избавить его от полуголодного существования.

В XI—XII вв. в городах Хорасана, Гургана, Хорезма, как и других городах стран Востока, имелось великое множество нищих. Феодалные историографы называют их «бродягами» (айаран), «подонками» (оубаш), «мошенниками» (ронуд) и другими презрительными именами. Подобных обездоленных людей было немало в Бейхаке, Нишапуре, Мерве, Хосровджирде, Серахсе и особенно в Тусе [3, 28, 58, 232, 275]. Зачастую это были этнически разношерстные, деклассированные элементы, происходившие из обедневших слоев города и деревни. Они были, как правило, объединены в своеобразные корпорации, в большинстве не составлявшие профессионального и конфессионального единства [139, 49]. Такого рода социальные организации, имевшие традиционные истоки, существовали задолго до образования Сельджукской державы. Братства нищенствующих «бродяг» носили особой формы одежды и находились под управлением своих «шейхов», «эмиров» и «райсов». Некоторые из этих корпораций (футувва) были связаны с «еретическими» сектами, в частности карматами. Среди айаров, оубашей, рендов были также приверженцы шиизма и оппозиционного суфизма [137, 139].

Образование централизованного Сельджукского государства нанесло удар по нищенствующим братствам, но не уничтожило их [137, 41]. Значение айаров, напро-

¹ Пожертвования для нищих и бедных горожан производились также путем раздачи хлеба и скота. В 1069 г. в Багдаде, например, было роздано 10 000 ритлей хлеба, 22 головы скота и 2300 дирхемов [169, 33].

тив, усилилось после смерти Малик-шаха и гибели Низам ал-Мулька. В конце XI — начале XII в. их деятельность активизировалась в Иране и Хорасане. Айары принимали участие в городских «смутах», нападали и грабили богачей и чиновничью знать [3, 274; 137, 42—60].

Организаций «бродяг» не имели единого стереотипа и в социальном плане были далеко не однородны. Среди таких обездоленных людей наряду с разорившимися крестьянами, ремесленниками, мелкими торговцами подвизалась и некоторая часть феодальных авантюристов, преследовавших свои корыстные цели. Братсгванищих и бродяг, подобно деклассированному западноевропейскому плебсу, играли двойную роль в общественно-политической жизни. Нередко их полувоезированные отряды использовались феодалами в качестве пеших ополчений [66, 94]. Айары, оубаши, ренды участвовали также в борьбе различных претендентов на власть, в столкновениях религиозных толков выступали в качестве «полицейских» и карательных сил [137, 21—37].

Несмотря на это, айары являлись базой потенциальной и реальной социальной оппозиции феодальным порядкам. В подавляющем большинстве случаев, особенно в периоды гражданских войн, отряды «бродяг» переходили на сторону народа. Сами айары, как и другие обездоленные слои, нередко самостоятельно поднимались на борьбу с феодалами. Они грабили лавки богатых купцов, нападали на дома и усадьбы аристократии и правительственных сановников. Зачастую они выступали в роли народных мстителей, борющихся против социальной несправедливости¹. Айары во время восстаний нередко объединялись с ремесленниками, мелкими торговцами (ахл-и базари) и городской беднотой [23, 1; 115, 354; 3, 53; 159, 84].

Основную массу трудового населения в XI—XII вв. составляло крестьянство, разделявшееся на малоземельных крестьян, — извечных арендаторов и мелких собственников². Сравнительно большой процент сель-

¹ В одной из грамот Санджара айары упоминаются как опасные «разбойники» и «смутьяны», которые «бродят в горах» [83, 61]. Очевидно, здесь имеются в виду отряды (называемые в тексте джамаат) народных мстителей, нападавших на богачей и знать.

² Более подробно о земледельческом населении и видах налогов, взимаемых с крестьян, см. [10, 186—200].

ского населения составляли крестьяне, не имевшие своих земельных участков. В сельджукскую эпоху, наряду с мелкой крестьянской собственностью, по-прежнему сохранялось и общинное землепользование. Важное значение для крестьянской общины в условиях искусственного орошения имело пользование не только землей, но и водой. Судя по некоторым данным, между общинниками производился ежегодный раздел долей оросительной воды [132, 114]. Крупные землевладельцы вели усиленное наступление на свободных общинников, а крестьяне не в силах были противостоять феодалам, присваивавшим их земли [61, 76].

В исследуемую эпоху крестьянство по своему социально-правовому и имущественному положению было неоднородным. Относительно зажиточный слой крестьян (тавангар) составляли мелкие землевладельцы, имевшие свои мульки. Крестьян, мелких собственников, как и крупных землевладельцев, называли дехканами [92, 10]. Владельцы таких небольших земельных участков влачили жалкое существование. Низам ал-Мульк пишет о старой женщине, имевшей кусок наследственной земли, которую она отдала в наем издольщику: «То, что она получала от той земли, было таково, что она могла отдать и государству часть и долю земледельца, причем у нее самой еще оставалась такая доля, что до нового урожая у нее было ежедневно четыре хлеба на пропитание — один она отдавала за приправку к хлебу, другой — за масло для светильника, один ела за завтраком, другой — за ужином» [109, 39].

Бичом мелкого крестьянского хозяйства была мизерная доля оросительной воды. Наиболее многочисленную категорию сельского населения составляли малоземельные и безземельные крестьяне: это были арендаторы, находившиеся в зависимости от мулькдаров и других владельцев земли. В аренду отдавались не только частновладельческие, но также государственные и коронные земли [165, 72]. Сельджукские официальные документы упоминают крестьян¹, обрабатывавших до-

¹ Они именуется обычно «барзигаран-и асбаб-и хасс» [83, 131]. В нашей медиевистике термин «барзигар» нередко переводится как «издольщик». Однако в исследуемую пору он употреблялся и в более широком значении — «крестьянин, земледelec» [165, 424].

менные земли [83, 104, 107, 131]. Очевидно, это были арендаторы, работавшие в султанских поместьях за определенную долю урожая [165, 59]. Арендаторы мульковых участков (мустаджиран-и амлак) уплачивали «авариз» — «налоги» и «кисам» — «доли» [83, 30, 50, 52]. Издольщики — музарии, обрабатывавшие вакфные угодья, также вносили плату за арендованную землю [153, 90]. Обычно размер «доли» определялся специальным договором, заключавшимся между землевладельцем и арендатором. Такой контракт назывался «муамала», а арендная плата — «мал-и муамала»¹. Размер пая устанавливался в зависимости от наличия у издольщика семян, рабочего скота и сельскохозяйственных орудий. Доли музариив, работавших на вакфных землях, определялись в соответствии с завещанием учредителя [153, 90]. Такие издольщики вносили натуральную и денежную плату (дахл ва манфаат) в пользу вакфов [192, 42]. Большая часть собиравшегося арендаторами (мустаджиран, барзигаран, музарииван) урожая приходилась на долю землевладельцев [132, 44]. Помимо взноса «авариза», «кисама»² и арендной платы, издольщики выполняли и различные подневольные трудовые повинности [39, 20 сл.].

Земледельческое население Хорасана, Гургана, Хорезма платило при Сельджукидах многочисленные и разнообразные налоги и подати. Среди них основным считался харадж — поземельный налог, выплачивавшийся в натуральной и денежной форме [147]. Различались три главных вида этого налога — харадж мукатаа, харадж мисаха и харадж мукасама [170, 45; 176, 142]. Мукатаа взимался в твердо установленной ставке, мисаха уплачивался с единицы земельной площади, а мукасама — в определенной доле урожая или в де-

¹ Ф. Локкегор переводит слово «муамала» как «аренда и заключение договора» [168, 85], в аналогичном смысле понимает значение этого термина и А. К. Лэмбтон [165, 435]. Г. Хорст считает, что «муамала» в сельджукское время означал «налог за арендованную землю» [153, 74, 75].

² Кисам (ед. число кисмат) — «доли, части», один из видов экстраординарных сборов [153, 81]. Авариз представлял собой чрезвычайный побор, который фактически являлся постоянным налогом [153, 77, 78; 98, 282].

нежной форме. Кроме указанных налогов, крестьяне выплачивали также чрезвычайные и дополнительные сборы [83, 41—150]. В их числе можно указать манал — экстраординарный побор, который вносился в пользу иктадаров. Мукта взимали с подвластных им барзигаров и другой вид подобного налога — хукук-и муктаана [153, 77, 80].

Крестьяне уплачивали также нозул — особый сбор в пользу военных, амилей и других, прибывавших в сельскую местность по служебным делам чиновников [98, 396]. Государство взимало с землевладельцев и алаф — для армии и блюстителей общественного порядка [153, 77]. В Сельджукской державе имел силу закон о праве войска на постой в мирное время. Райяты были обязаны содержать их либо вносить откупные суммы, именовавшиеся нал-баха. Практиковались и надбавки к поземельному налогу (харадж ал-фар), дополнительные сборы (заваид) и особые «подношения» [38, 21; 153, 56, 80—82]. Сбор налогов обычно сопровождался незаконными притязаниями и насилиями и налоги подчас буквально выколачивались с помощью палки [193, 132].

Различные виды податей уплачивало не только оседлое, но и кочевое и полукочевое население; оно вносило в пользу государства, сельджукидского двора и чиновников «закат» — подать с наличного поголовья скота и «русум-и мараи» — налог за пастбища [9, 153; 190]. Взимавшиеся с кочевых туркмено-огузских племен в основном натуральные сборы поступали в коронный и государственный диваны [83, 23].

Довольно часто крестьяне страдали от уплаты откупных сумм (нал-баха) и прохода армейских отрядов. Бедствия их усугублялись в результате неурожаев, возникавших из-за града, морозов и засухи [83, 123]. В годы стихийных бедствий сборщики требовали полной уплаты хараджа, причем зерном; иногда в таких случаях арендаторам разрешалось внести половину оговоренной доли урожая, хотя они не были подчас в состоянии возратить даже полученные в долг семена [83, 166, 167].

Между сельским трудовым населением и феодалами обычно возникали тяжбы из-за размеров хараджа и прав оросительной воды. В ответ на бесконечные жалобы

земледельцев правительственные органы посылали своих уполномоченных, которые решали споры далеко не в пользу крестьян [83, 97]. Настоящим бедствием для сельского населения была система отдачи налогов на откуп. В этих случаях райяты нередко оставляли свои жилища и спасались бегством [83, 144].

Крестьяне, помимо уплаты многочисленных налогов и податей, выполняли и различные трудовые повинности. Среди них важное место занимали принудительные работы (бигар, сухра, шахкар), в том числе по очистке оросительных каналов [38, 21; 153, 83]. Обычно султаны перекладывали эти тяжелые работы или связанные с ними издержки на плечи трудовых слоев. Расходы на поддержание ирригационных сооружений, например, в долине Мургаба, оплачивались за счет местного сельского населения [81, 427]. Крестьян сгоняли на принудительные трудовые работы нередко даже в города [165, 66].

Развитие феодальных отношений и особенно института икта в XI—XII вв. сопровождалось постепенным закабалением крестьянских масс экономически усилившимися мукта. Иктадары, крупные мультадары и другие феодалы использовали для этого институт коммендации (ильтиджа). Стремясь избавиться от тяжести налогов, крестьяне нередко искали защиты (хима) у могущественных землевладельцев и фактически превращались в зависимых людей [202, 19 сл.]. Развитие системы патроната способствовало появлению различных видов феодального подчинения. Свобода передвижения крестьян в пожалованных на различных условиях государственных землях часто была весьма ограниченной [165, 65]. Однако развитие личной зависимости крестьянина от феодала не получило логического завершения и не привело к установлению крепостного строя.

Общественный строй кочевников В конце XI—середине XII в. масса кочевых племен обитала на Мангышлаке, в Прибалханье и на восточном побережье Каспийского моря. Они населяли также степные зоны, непосредственно прилегающие к сельскохозяйственным оазисам Хорасана, Гургана и Хорезма. Среди этих кочевников, как говорилось выше, доминировали тюркоязычные племена, главным образом туркменогузского происхождения. Они находились под управ-

лением Сельджукидов, зависящих от них вассальных правителей и наместников провинций.

Туркмено-огузские кочевники и полукочевники находились на раннефеодальной ступени развития с пережитками родо-племенного строя¹. Классовая сущность их социальной организации прикрывалась архаической родо-племенной оболочкой. Туркмены и огузы подразделялись на «оба», «бои», «уруги», «көки», «аймаки», представлявшие собой кочевые и полукочевые общины. Община регулировала многие стороны быта и хозяйственной жизни, опираясь на патриархальные традиции. Однако старые родо-племенные институты постепенно разлагаются, сохраняя лишь прежнюю оболочку. В недрах общины происходит классовое расслоение, подготовленное дальнейшим процессом развития частной собственности. Туркмено-огузские «бои», «көки», «аймаки», «уруги» далеко шагнули по пути имущественного и социального неравенства. Классовое расслоение и социальная дифференциация сопровождалась интенсивным процессом выделения богатой знати. В XII в. среди балхо-хутальских огузов имелись «великие эмиры и богатые состоятельные люди» [193, 177]. Подобной крупной фигурой был, например, малик Динар, имевший под своей властью несколько тысяч человек [20; 21; 150]. Знатными эмирами, возглавлявшими огузские подразделения учук и бузук, являлись Тути-бек и Қорқуд-бек [25; 68].

В источниках XI—XII вв. упоминается также влиятельная аристократия туркмен (саларан, мукаддаман, сердаран, умара) Гургана и Дехистана. Они имели, так отмечалось выше, в своем подчинении определенное количество семей или кибиток. Знатная верхушка имела и среди оседлых и полуоседлых групп туркмен Хорасана. Среди местных деревенских старост упоминаются иногда даже займы тюркского происхождения [3, 162].

В туркмено-огузской среде, наряду с богатой аристократией, сохранялась масса простых общинников. Это были лично независимые кочевники—непосредственные производители материальных благ. Свободные общин-

¹ Общественный строй огузов и туркмен рассматриваемого периода освещен нами более подробно в специальной работе [9, 102—121].

ники, являвшиеся одновременно воинами (эр), не были однородны по своему имущественному и социальному положению. Зажиточные эры имели домашних слуг и рабов, участвовали в набегах и войнах. Однако наряду с состоятельными были также обедневшие и малоимущие общинники. Последние лишь формально, а не реально считались полноправными членами общины. В туркмено-огузской среде имелось немалое количество таких бедных и малоимущих эров.

Самые бедные и нищие слои по своему фактическому положению иногда приближались к рабам. Однако малоимущих и бедняков нельзя отождествлять с рабами, составлявшими наиболее бесправную социальную категорию. В полурабской зависимости, вероятно, находились и отдельные, главным образом покоренные роды и племена [86; 106; 150].

В XI—XII вв. у туркмен и огузов имелись рабы (кулы), а также рабыни, называвшиеся ялангук и кырнак. Рабыни использовались в качестве домашней прислуги, а также наложниц. Кулы выполняли различные домашние работы, составляли дружины ханов, эмиров и беков. Положение рабов-невольников в туркмено-огузской среде было довольно тяжелым; в источниках рассматриваемого периода часто упоминается об избении господами своих кулов [82, II, 303; III, 285].

Рабов имела не только знать, но и рядовые общинники, но труд их в условиях господства экстенсивного скотоводства не был рентабельным. Поэтому рабство не стало основой производства, а имело преимущественно домашний патриархальный характер [9, 108—112].

Наряду с кулами, выполнявшими различные домашние и хозяйственные работы, имелись и привилегированные рабы. К числу последних относились молодые невольники, служившие в дружинах знатных господ. В источниках X—XIII вв. они называются гулям, чакир, ходтаташ, оглан.

Классовая дифференциация среди туркмен и огузов была обусловлена дальнейшим разложением родо-племенных и становлением феодальных отношений. Влиятельная и богатая аристократия постепенно консолидировалась в господствующий феодальный класс. Богатая кочевая знать обладала громадными стадами.

овец, лошадей, верблюдов. Эта степная аристократия содержала военные дружины из чужеземных рабов, которые были особенно удобным орудием для подчинения и господства над простым народом.

Социальные и бытовые отношения в туркмено-огузской среде регулировались нормами обычного права [45]. Общий свод этих священных правил назывался торе, что означает «право, закон, установление предков». Огузское торе оправдывало социально-имущественное неравенство, утверждало сословные привилегии и местничество. Торе признавало законность власти старших и знатных по своему происхождению ханов и беков. Свод этих правил обнаруживает скрытое враждебное отношение к перешедшим к оседлости малоимущим слоям [116, 14].

Старинное право огузов презрительно относилось к полной оседлости и всячески одобряло кочевой образ жизни. Торе признавало частную собственность, право завещания и передачи власти по наследству. Согласно этим неписанным правилам, всякое непослушание «законному» правителю не должно оставаться без наказания. Обычное право туркмен и огузов было порождением кочевого быта и интенсивно развивавшихся патриархально-феодальных отношений [9, 112, 113].

Самый высший слой в туркмено-огузской среде составляли ханы, беки, илики. Феодализирующаяся верхушка их состояла также из других знатных лиц, носивших различные почетные титулы и звания. Среди них часто упоминаются беки, обладавшие значительной властью и могуществом [106, 126].

Звание бека являлось наследственным и переходило от отца к сыну. Обычное право огузов разрешало передавать бекство старшему, а не младшему сыну. Иногда то или иное племя само выбирало себе бека. Однако избранным, как правило, оказывался представитель господствующей знати. Беки имели право судить, наказывать, отдавать письменные и устные распоряжения, подлежащие беспрекословному исполнению. Власть беков распространялась не только на кочевые племена, но и полуоседлое население.

Аристократические слои туркмено-огузского общества состояли также из влиятельной части байства. Баями назывались не только богатые люди, но и господа.

Зажиточное байство обычно противопоставляется нищим, беднякам, слугам и рабам. Среди этих байских слоев были и состоятельные торговцы, которые назывались сатыджи и базарган.

В туркмено-огузской среде XI—XII вв., наряду со светской, имелась и духовная знать. В источниках рассматриваемого периода упоминаются духовные лица тюркского происхождения. Среди них фигурируют туркменские шейхи, факихи и дервиши [9, 116].

Самую высшую ступень в общественной иерархии кочевников занимала богатая аристократическая верхушка. Господствующие слои происходили из среды родо-племенной и военной знати, носившей различные почетные титулы и звания. Это были типичные представители интенсивно складывающегося феодального класса. Среди туркмен и огузов возникала также прослойка мусульманского духовенства. Знать осуществляла господство над различными зависимыми социальными категориями и все больше подчиняла свободных общинников.

Одной из причин закабаления аристократией непосредственных производителей являлось их обнищание и разорение. Свободные общинники попадали обычно в экономическую зависимость от состоятельной верхушки. Господство знати над рядовыми эрами осуществлялось и путем внеэкономического принуждения. Одним из средств закабаления при этом была коммендация — отдача под защиту сильных и влиятельных господ. Суровая необходимость защищать от врагов скот и пастбища заставляла рядовых кочевников искать могущественных покровителей.

Нередко в периоды весенних и осенних перегонов скота кочевники объединялись под властью наиболее сильных родо-племенных вождей. Обычно во главе таких объединений становились вожди наиболее сильных и многочисленных группировок; они подчиняли и эксплуатировали трудовые массы кочевников, особенно из мелких и слабых родов. Эта господствующая верхушка относилась к зависимым от нее соплеменникам как к слугам и рабам.

Жестокая эксплуатация попавших в зависимость общинников (кулсыгэров, йатуков, эров) камуфлировалась нормами различных патриархальных институтов.

Нередко гнет прикрывался древним обычаем коллективной родовой взаимопомощи. Другой формой закабаления являлось патриархальное усыновление и принятие в богатые семьи чужаков. Зажиточные баи «брали в сыновья» пришельцев из других племен. Усыновленные сироты и чужаки пасли хозяйский скот, выполняли самые тяжелые домашние работы.

Господствующая верхушка кочевников в эксплуататорских целях опиралась не только на свою экономическую мощь, но и военную силу. Влиятельная знать, наряду с дружинами из рабов, имела в своем подчинении родо-племенные ополчения. Обычно это были отряды легкой кавалерии, состоявшие из молодых воинов (йигитов). Ханы, беки, эмиры использовали отряды из йигитов для войн, грабительских набегов, облавной охоты.

Кочевая влиятельная знать имела в своем подчинении также клиентов, или так называемых маула. Это были в основном зависимые люди, являвшиеся клиентами племен и отдельных лиц. Маула были вооружены, принимали участие в битвах и получали часть военной добычи. Зависимые «клиенты» и «подданные», очевидно, состояли из людей различного имущественного и социального положения. Оказавшись в подчинении влиятельной аристократии, они несли военную и другие повинности [9, 108—121].

Исторические факты свидетельствуют о развитии в туркмено-огузской среде исследуемого периода феодально-патриархальных институтов. Данный процесс был связан с разложением пережитков родо-племенного строя, классовым расслоением и постепенным закабалением свободных общинников. Огромное значение для интенсивного развития феодальных отношений в туркмено-огузской среде имело образование державы Сельджукидов. Туркмено-огузская знать, получившая за государственную службу земельные наделы (икта), стала эксплуатировать не только рядовых соплеменников, но и трудовые массы покоренных стран.

Социальный антагонизм и классовая борьба вызывали притеснения нередко пассивное и активное сопротивление народных масс. Далекое отделение ремесла от сельского хозяйства, господство феодалов в городе и деревне, отсутствие полити-

ческих форм самоуправления и другие обстоятельства сказывались на характере и особенностях классовой борьбы. Ареной острых социальных потрясений и столкновений антагонистических интересов нередко служили города. Одной из широко распространенных форм классовой борьбы являлись религиозные ортодоксальные и сектантские движения.

В XI—XII вв. в Туркменистане и других областях Сельджукского государства наблюдаются столкновения между «правоверными» мазхабами и «еретическими» сектами. В этой борьбе принимали участие ханифиты, шафииты и прочие мусульманские толки. Ханифиты часто враждовали с шафиитами, но они нередко объединялись для совместных действий против «еретиков». Раисы и шейхи ортодоксальных мазхабов вовлекали в свои ряды крестьян, ремесленников, городских плебеев. Народные массы вливались в эти движения не только из-за приверженности к тем или иным догмам. Ханифиты и шафииты принадлежали к ортодоксальному суннитскому направлению мусульманской религии. Однако между ними имелись расхождения о правилах соблюдения религиозной обрядности, богословских и юридических нормах. Споры велись также о прерогативах светской власти и размерах налогов. Все это открывало простор для вовлечения простого люда в религиозную борьбу и использования их феодалами в своих классовых целях.

В XI—XII вв. в Хорасане, наряду с ханифитами и шафиитами, существовали и другие мусульманские толки. Среди них была и секта каррамитов, отличавшаяся крайней нетерпимостью к «еретикам». Каррамиты играли довольно большую роль при Газневидах, особенно в царствование султана Махмуда Газневи. Однако при Сельджукидах их влияние заметно ослабело, но они не утратили полностью своего значения.

В XI—XII вв. в сельджукских владениях суннизм являлся идеологической опорой господствующего феодального класса. Однако между «правоверными» толками шла острая борьба за влияние на общественную жизнь, на правящую верхушку и султанский двор. Борьба сопровождалась кровопролитными столкновениями, в которых участвовал городской плебс, ремесленники и крестьяне.

В середине XI в. после образования Сельджукского государства обостряются противоречия между ханифитами и шафиитами в Хорасане. Дело кончилось тем, что примыкавшая к шафиитам секта ашаритов была предана анафеме по приказу фанатичного ханифита Кундури—везира султана Тогрул-бека. Однако в дальнейшем борьба между суннитскими мазхабами заметно ослабевает [151, 30].

В конце XI—начале XII в. социальная борьба под религиозной оболочкой вновь разгорается в Хорасане. Крупные вооруженные стычки каррамитов с шафиитами и ханифитами происходят в Нишапурс. В 1096 г. здесь началось кровопролитное столкновение, закончившееся поражением каррамитов и разгромом их мечетей¹. Активное участие в этих бурных событиях приняли не только местные горожане, но и окрестное сельское население². Каррамиты и их противники использовали ополчения крестьян, явившихся на помощь своим единомышленникам из волостей Бейхака [3, 268; 65, X, 104].

Официально Сельджукиды принадлежали к ханифитскому толку, но они нередко покровительствовали и шафиитам [136, 57]. Столкновения этих «правовверных» мазхабов то обострялись, то затухали в интересах совместной борьбы с «еретиками». Особая активизация деятельности суннитских толков происходила в «смутные» периоды, в обстановке накала социальных противоречий [65, XI, 102].

Социальная база суннитских мазхабов, существовавших в Туркменистане в XI—XII вв., довольно слабо отражена в источниках. Тем не менее в них все же имеются некоторые данные, позволяющие говорить о том, что ханифиты, шафииты и каррамиты в основном представляли интересы крупной феодальной знати [23, 351]. Ортодоксальные толки сельджукского периода открыто защищали феодальные порядки, активно выступали против «смутьянов» и «бунтовщиков».

¹ Однако накануне этих событий каррамиты, шафииты и ханифиты выступили против одного из «больших эмиров» Хорасана, сделавшего попытку захватить Нишапур [154, X, 171].

² Подобные факты имели место и позднее, накануне монгольского завоевания Средней Азии и Ирана [32, 57 сл.].

В Туркменистане и соседних областях Ирана и Афганистана сравнительно широкое распространение в XI—XII вв. имел суфизм. Общины суфиев были разбросаны в области Нишапура, Хаберане, Серахсе и других краях Хорасана [60, 76—524].

Первые суфийские ордена находились в оппозиции к правоверному исламу и официальным властям. В суфийской мистике отражался протест народных масс против несправедливых социальных порядков. Ранним суфиям было присуще богобоязненное осуждение роскоши, богатства, чревоугодия и праздной жизни. Бедность возводилась суфиями в культ, она считалась универсальной панацеей для спасения души.

В XI—XII вв. суфизм был признан ортодоксальным исламом и претерпел заметную трансформацию. Суфийские шейхи в отличие от первых руководителей нищенствующих аскетов фактически находились уже на службе у господствующих классов. Главари суфийских орденов, проповедовавшие смирение с бедностью и покорность судьбе, укрепляли тем самым власть имущих. Шейхи суфийских орденов Хаберана пользовались всяческой поддержкой сельджукских правителей, одаривавших их милостынями и оказывавших им большие почести [60, 6, 32; 59, 15—35].

Суфизм как религиозное течение, вероятно, имел в Хорасане наибольшее распространение среди городских ремесленных слоев. В числе местных шейхов и пиров упоминаются ткачи, мясники, кузнецы, оружейные мастера, шорники. Среди послушников (мюридов) суфийских шейхов было немало дервишей, происходивших из ремесленных кругов [59, 26—326].

Корпорации ремесленников XI—XII вв. зачастую находились в тесной связи с религиозными, в том числе еретическими сектами. Некоторые из этих организаций возникли под непосредственным влиянием карматской «ереси». Имелись также ремесленные общины, находившиеся в связи с различными суфийскими орденами [36, 45].

Дервишские обители (ханака) обычно являлись своего рода «клубами», центрами религиозно-политической деятельности. Однако суфийские ордена не были одинаковыми по своей идейной и социальной направленности. Главари суфийских братств, разбогатевшие на до-

ходах многочисленных вакфов и регулярных пожертвованиях, были зачастую выразителями интересов городской знати.

Суфийская мистика, проповедь аскетизма и подвижничества отвлекали народные массы от активных действий против феодального гнета. Вместе с тем в учении суфиев имелись призывы к справедливому обращению с бедными. Суфийские проповедники утверждали, что сам пророк завещал ограждать нищих и сирот от всяческого гнета и несправедливостей. Все это не могло оставить равнодушными обездоленных бедняков, которые нередко становились горячими приверженцами суфизма. Объективно суфизм был для них формой пассивной борьбы с социальным злом и прежде всего с произволом сельджукских властей¹.

В конце XI—начале XII в. Сельджукская империя была охвачена феодальной анархией, которая сопровождалась крупными социальными потрясениями. Истоки многих из этих движений, проходивших под религиозными лозунгами, уходят в глубь истории арабского халифата. Наиболее яркое выражение эти движения нашли в исмаилизме, получившем широкое распространение в Хорасане².

Секта исмаилитов возникла на почве зародившихся в халифате шиитских ересей, которые в покоренных арабами областях стали знаменем борьбы против гнета иноземных завоевателей. Шиитская пропаганда нашла широкий отклик главным образом среди деревенского люда и городских низов. Значительное распространение шиитские течения, находившиеся в оппозиции

¹ Следует отметить, что даже некоторые представители связанного с официальным суфизмом ортодоксального мусульманского духовенства иногда выступали против сельджукского правления. В частности, Газали в своем произведении «Кимийя-йи саадат» подчеркивает тираническую сущность власти Сельджукидов. Он характеризует сельджукских чиновников, сборщиков налога и «великих султанов» как деспотов; чьи богатства нажиты незаконным путем [165, 74].

² Исмаилитскому движению посвящен ряд специальных работ в отечественной и зарубежной историографии. Особенно много внимания исмаилизму уделено в исследованиях Л. В. Строевой [110; 111; 112; 113]. Поэтому нами рассматриваются лишь отдельные моменты истории этой секты, имеющие непосредственное отношение к избранной теме.

к правоверному суннизму, получили в Средней Азии и Иране [36; 35; 99].

В XI—XII вв. в Хорасане и других областях Сельджукского государства шла ожесточенная борьба между адептами шиизма и суннизма. Приверженцами шиитской «ереси» были в основном представители низших классов, главным образом ремесленники. Шиитско-суннитские отношения, шагнув за рамки чисто теологических споров, вышли на арену городских площадей, улиц и базаров. В этих шумных и людных местах часто выступали бродячие народные певцы (манакиб-хон). Они воспевали подвиги и добродетели шиитского кумира Али и поносили Абу Бакра и Омара. В ответ на это суннитские «певцы добродетели» (фадаил-хон) порочили шиитов и восхваляли суннитских халифов [190, 293].

Одним из крайних течений в шиизме был исмаилизм, возникший в середине VIII в. как религиозная секта. Появление и распространение исмаилизма было вызвано развитием классовых противоречий и оппозиционными народными движениями в халифате. Исмаилизм со временем раскололся на несколько подсект, существовавших в различных странах мусульманского Востока. В XI—XII вв. тайные проповедники исмаилитского учения активно действовали в прикаспийских областях и Хорасане [35; 36; 99].

Исмаилитское учение преследовало своей целью беспрекословное подчинение рядовых верующих руководству секты. В то же время оно противостояло официальному суннизму—духовной и правовой опоре господствующего класса. Важное место в исмаилитской идеологии занимало учение о пришествии «махди», который должен установить на земле справедливость и равенство. Мессианские идеи исмаилитов привлекали симпатии народных масс, измученных гнетом и притеснениями.

Исмаилизм жестоко преследовался сельджукскими властями. Гонения на эту секту особенно усилились после завоевания Малик-шахом в 70-х годах XI в. Сирии. В значительной мере это было вызвано тем обстоятельством, что в соседнем Египте правила шиитская династия Фатимидов. Египетские халифы претендовали на роль имамов всей мусульманской общины. Они выдавали себя за махди, законных преемников

Али и пророка Мухаммада. Фатимиды были тесно связаны с исмаилитскими главами Ирана и Хорасана и являлись ярыми врагами Аббасидов и Сельджукидов.

В августе 1090 г. исмаилитский главарь Хасан Саббах овладел крепостью Аламут и разослал повсюду своих агитаторов [196, III, 195—196]. Захватом этой крепости начинается период «нового призыва», всколыхнувшего почти весь Хорасан. В 1092 г. вспыхнуло открытое восстание в Кухистане, где исмаилиты овладели крепостью в окрестностях Каина [65, X, 213]. Затем им удалось занять Хур, Заузан, Каин, Тун и другие города Ирана. Султан Малик-шах послал сюда свою армию под командованием военачальника Кизыл Сарыга [189, II, 675]. Однако эта карательная операция против «еретиков» окончилась безуспешно. После смерти Малик-шаха исмаилиты развили активную деятельность в Рейской области, Хузистане, Фарсе, Систане [115, 217, 391].

Выступление исмаилитов против сельджукских властей произошло в обстановке резкого обострения классовых противоречий. Усиление феодальной эксплуатации трудовых масс создало объективные условия для стихийных народных выступлений. Одно из таких восстаний произошло в 1093 г. в округе Бейхак, где вспыхнула «смута айаров». Местным феодальным кругам удалось подавить это восстание лишь с помощью вооруженных слуг и военных отрядов [3, 274].

Особая активизация исмаилитов наблюдается между 1101—1104 гг. в период войн между Беркяруком и Мухаммадом ибн Малик-шахом. Деятельность секты выразилась в захвате областей и учинении террористических актов по отношению к сельджукским правителям и сановникам [65, X, 164 сл.].

В начале XII в. оживляется деятельность исмаилитов не только в горных областях Ирана, но также в Хорасане. Здесь исмаилитам удалось захватить ряд крепостей, ставших их оплотом в борьбе с сельджукскими властями [66, 32, 33]. Крупными центрами исмаилитского движения, наряду с Аламутом, становятся и крепости Кухистана, откуда исмаилиты нападают на сопредельные города и селения. В свою очередь «великие Сельджукиды», в том числе Саиджар, неоднократно предпринимали походы в «страну гор», стремясь

выбить оттуда исмаилитов и разорить их «орлиные гнезда» [65, X, 124, 158].

Особенно упорной была борьба Санджара с исмаилитами в Хорасане, где в их движении принимало участие и крестьянство. В 1112 г. Ахмад ибн Фадл, везир султана Санджара, объявил «священную войну» против исмаилитов. Сельджукские войска прибыли в Бейхак, где разгромили исмаилитов в Туршизе и напали на деревню Тарз. Местные исмаилиты были почти все перебиты, а их руководитель Хасан ибн Семин покончил жизнь самоубийством [154, X, 240].

Социальная природа и классовый состав исмаилитского движения XI—XII вв. являются предметом дискуссий в советской историографии. В. В. Бартольд видел в этом движении «соединение землевладельческой аристократии с сельскими массами против городов» [32, 61]. Развивая эту точку зрения, А. Ю. Якубовский утверждал, что исмаилиты представляли интересы дехканства—старинной иранской землевладельческой аристократии. Недовольство этой знати было вызвано утерей своих владений после сельджукского завоевания и прихода к власти новых феодалов из туркменской военно-кочевой знати [130, 34, 35].

Последующие исследования советских историков позволяют внести дефиниции в эту важную, но еще не окончательно решенную проблему. Исмаилитское движение, вероятно, не было единым, в нем участвовали различные классы и социальные группы. Проповедь исмаилизма пользовалась успехом не только среди городского, но и сельского населения. В ряде областей Хорасана в исмаилитском движении активное участие принимали низшие слои горожан [36, 142—147]. Исмаилизм получил распространение и среди крестьянских масс, задавленных гнетом и насилиями феодалов. Очевидно, в этом движении участвовала и определенная группа старой обедневшей знати, недовольной утерей своих привилегий.

В целом исмаилитское движение XI—XII вв. было направлено против феодального государства Сельджукидов и его опоры—правоверного суннизма. Очевидно, в своей основе это было преимущественно движение крестьян и городских низов [99, 295]. Оно было направлено против феодальной знати, державшей в своих ру-

ках бразды правления. Однако после образования Исмаилитского государства с центром в горной крепости Аламут верхушка исмаилитов превратилась в обычных феодалов¹. Начиная с середины XII в. в среде исмаилитов прослеживается борьба двух политических группировок. Одна из них была демократической, а другая представляла интересы феодализовавшихся исмаилитских главарей [см. 110—113]. Борьба между этими группировками свидетельствует о том, что исмаилитское движение не было однородным по своей классовой природе. В конечном итоге в нем, как и в других аналогичных социальных движениях средневековья, победили феодальные тенденции.

Огузская «сму- движение в Хо- расане Ранней весной 1153 г. произошло восстание огузских племен, кочевавших в Южном Таджикистане и Северном Афганистане [6]. Около середины XII в. основная масса огузов, покинув Мавераннахр, переселилась в Балхскую область. После Катаванской битвы хлынувшая на юг волна кочевников вытеснила огузов с их пастбищных выгонов и угодий. Значительную роль при этом сыграли турки-карлуки, вступившие в союз с кара-китаями. Огузы, преследуемые карлуками, ушли в пределы Саганиана и Хутталана [65, XI, 116; 193, 177; 172, 183; 105, 63—156].

Появление воинственных кочевников в Балхской провинции было неприязненно встречено эмиром Кумачем. Он владел этой областью на правах иктадара и подчинялся Санджару. Дальнейшие взаимоотношения между огузами и местным вали довольно противоречиво освещены в источниках. Очевидно, эмир Кумач сделал попытку выгнать пришельцев из своих владений. Этим воспользовался его противник Зенги ибн Халифа, который поселил огузов в Тохаристане. Однако вскоре в завязавшейся битве между балхскими и тохаристанскими войсками огузы перешли на сторону Кумача. Благодаря измене союзников, Зенги был разгромлен, взят в плен и умер мучительной смертью [6, 10].

¹ Государство исмаилитов просуществовало с 1090 г. вплоть до осады и взятия хулагуидскими войсками крепости Аламут в 1256 г.

Одержав победу над своим врагом, Кумач наделил огузов пастбищами и землями в Балхской области. Несмотря на это, основная масса кочевников, вероятно, оставалась недовольной своим положением. Кумач вел почти непрерывные войны с соседними правителями Тохристана, Гура, Бамияна, Гарчистана. В одном из сражений между балхской и гуридской армией огузы перешли на сторону Ала ад-Дина. Однако в 1152 г. они переметнулись в лагерь Сельджукидов, разгромивших Шансабидов в битве при Убахе. Начиная с этой поры огузы стали «личными подданными» и «султанским войском» [69, л. 56; 13, л. 259; 192, 30].

Подчинившиеся власти Санджара огузские племена несли военную повинность и уплачивали подать скотом.

Увидя в кочевниках объект для легкой наживы и личного обогащения, сборщики налогов издевались над огузами, домогаясь получения «законной» взятки [64]. Возмущенные номады, однажды не выдержав, убили одного султанского чиновника. Санджар, напуганный «бунтом» кочевников, назначил в качестве их шихне Кумача. Однако балхские огузы категорически отказались подчиниться этому жестокому феодалу. Свободолюбивые кочевники заявили, что они личные подданные султана (райят-и хасс) и не признают власти Кумача. Попытка сломить оружием их сопротивление окончилась жестоким поражением губернатора Балха [6, 10, 11].

Стремление окончательно закабалить огузских эров и распространить на них феодальный институт шихне привело к открытому восстанию. Феодальная знать и придворные круги сразу поняли, что «дело с ними (огузами) нельзя считать пустячным» [193, 178]. В марте 1153 г. Санджар с огромной армией, подобной «взволновавшемуся морю», двинулся в поход на восставших¹.

¹ В одном из источников XII в. отмечается, что перед своим походом на огузов Санджар запросил фатву у видного хорасанского имама Мухаммада ибн Йахьи. Последний написал в ответ, что райяты, противящиеся своему падишаху, являются мятежниками. Имам благословил поход, сказав, что восставшие туркмены—еретики, а их кровь дозволена. «Когда огузы победили и захватили султана (Санджара) и овладели Хорасаном, то схватили Мухаммада ибн Йахию и набивали ему рот землей пока он не умер» [13, л. 295].

Однако сельджукское войско было разгромлено в битве с огузами, которая произошла к востоку от Балха. Воспользовавшись победой, добытой кровью простых эров, огузские беки захватили почти весь Хорасан. После взятия и ограбления Мерва они разорили Шахрастан, Абиверд, Серахс и другие города и селения Восточно-сельджукского государства.

В исторической литературе, особенно зарубежной медиевистике, огузская «смута» оценивается как чисто грабительское движение [6, 3—5]. Однако такой подход к решению этой сложной историко-социальной проблемы является весьма односторонним. Восстание балхохуттальских огузов началось как антифеодальное и освободительное движение, но превратилось затем в свою противоположность. Родо-племенная аристократия огузов, ставшая во главе повстанцев, использовала их движение в своих грабительских целях. Кочевые ханы, беки, сердары поделили между собой захваченные области и правили от имени плененного ими Санджара.

Огузская «смута» вместе с тем дала толчок широкому движению обездоленного люда в Хорасане, Гургане, Дехистане. После взятия Мерва войско огузов двинулось по серахской и абивердской дорогам к Нишапуру. В пути к ним присоединились ополчения «простонародной черни» и солдаты из различных местностей Хорасана. «С ними (огузами),—сообщает Захир ад-Дин Нишапури,—соединились мошеники (ронуд), подонки (оубаш) Хорасана¹ и войсковые слуги, которых было в три раза больше, чем их (огузов) самих» [64, 50].

Зимой 1154 г. огузы и присоединившаяся к ним беднота овладели торгово-ремесленным предместьем Нишапура. В рабаде с приходом огузов развернулась острая борьба между городскими низами и сторонниками нишапурской верхушки. Тогда огузы и их союзники

¹ Рашид ад-Дин и ряд других историков добавляют, что к огузам примкнули также «карасулы», «аразил-и халк»—«отбросы народа», «патаидж-и хашам»—«отродье войска» [175, 96; 106, л. 164 а]. Точное значение и семантика термина «карасул», или «карашул» для нас остается неясным [ср. 134, 120]. Интересно отметить, что в ташкентской рукописи труда Рашид ад-Дина вместо «карасул» стоит «доздан», что означает «воры, разбойники, грабители» [105, л. 66 а].

привели хашар — народное ополчение¹, вероятно, собранное из крестьян Нишапурского округа². В городе начались грабежи, пожары, убийства, причем многие жители были убиты в соборной мечети [64, 51; 178, 180; 175, 97].

Рассматриваемые события отражают борьбу между богатой знатью и беднейшими слоями горожан. Восстание балхо-хуттальских огузов привело объективно к стихийным выступлениям социальных низов в Хорасане, Гургане, Дехистане [66, 94]. После взятия Нишапура к огузам примкнули дополнительные отряды рендов, оубашей и «буштовщиков (ашрар ан-нас) большинства краев Хорасана» [143, 111]. Дороги были перерезаны целыми «скопищами» и ополчениями «бродяг» [83, 155; 192, 107]. Активизировали свои действия исмаилиты, которые нападали и убивали видных сановников (айап) Сельджукской державы [65, XI, 97]. В охваченных «смутой» областях разразился голод и начались эпидемии [64, 51]. Стихийные бедствия и грабежи вынуждали мирных жителей оставлять свои города и селения. В большинстве областей светская и духовная знать бежала, спасаясь от «простонародной черни» [83, 122].

Острая борьба, сопровождавшаяся кровопролитными столкновениями, развернулась и в полусожженном и разоренном Нишапуре. «Бродяги (айар), — сообщает Ибн ал-Асир, — ограбили Нишапур хуже огузов и совершали более дурные, чем делали те, поступки» [154, XI, 120]. Внешне эта социальная борьба выглядела как столкновение между религиозными толками³. Однако

¹ Хашар, как и некоторые другие социальные термины, имел в рассматриваемую пору более широкое значение, чем в последующее время [ср. 103, 33]. Довольно часто это слово обозначало «народное ополчение». Любопытно отметить, что в знаменитой касыде Анвари «Слезы Хорасана» термин «хашар» прилагается и к огузским повстанцам [57, 47—60, 121—123].

² Рашид ад-Дин и Салыр Баба упоминают о «гоуга-йи хашар» — «толпе черни», которую огузы привели в г. Нишапур [175, 97; 106, 164 а].

³ Борьба в основном шла между приверженцами секты шиитов (алидов) и сторонниками шафиитского мазхаба. Алиды опирались на «бродяг» и «нищих», а шафииты — на состоятельных горожан. Борьба сопровождалась длительными кровопролитными стычками, которые завершились победой шафиитов в 60-х годах XII в. [см. 154, XI, 156—185].

в ее основе фактически лежали непримиримые классовые противоречия¹. В развернувшихся здесь событиях участвовали шииты и «чернь шахристана» [64, 51]. Однако эти движения были направлены не только против местных феодалов, но и хищной огузской аристократии². После захвата Нишапура огузские эмиры назначили в Нишапур своего шихне, который «сильно угнетал, притеснял и бил людей» [81, 390]. Он повесил на нишапурских рынках три мешка из козьих шкур, требуя наполнить их золотом. Непосильные поборы, грубые истязания и насилия вызвали в городе народное восстание [105, л. 156]. «Простой народ,—пишет Ибн ал-Асир,—восстал против него (правителя) и убил тех, кто был с ним» [81, 391].

Разгром Сельджукидов весной 1153 г. балхскими огузами, таким образом, положил начало волне народных выступлений в Хорасане. Они проходили зачастую под флагом религиозных столкновений между «правоверными» толками и «еретическими» сектами. Волнения народных масс достигали порой отдаленных горных областей Гура и Гарчистана [185, 19, 20; 194, 66].

Классовая борьба в период огузской «смуты» шла не только под прикрытием религии, но и в форме открытых восстаний. Наиболее значительным из них был «мятеж» крестьян под руководством «погонщика ослов»

¹ Обращает на себя внимание сообщение некоторых современных огузской «смуте» источников, что во главе враждовавших между собой нишапурцев стояло двое фаррашей—постельных слуг, или камергеров [13, л. 164—165]. Характерно также, что несколько позднее здесь вспыхнул «народный бунт» (фитна-йи аввам), закончившийся погромом ряда мечетей Нишапура [105, л. 157 а].

² Грабительская политика огузской родо-племенной знати хорошо видна из письма Коркуд-бека и Тути-бека к исфахбеду Табаристана шаху Рустаму Гази. В нем огузские эмиры предлагали табаристанскому правителю заключить с ними договор, по которому они могли бы беспрепятственно пройти через его владения и завоевать Ирак; они за это обязывались делить с ним все, что им удастся наградить в Ираке и других странах. С каждого динара добычи огузские эмиры оставляли себе два данака, а остальное обещали уплатить исфахбеду. Кроме того, они предлагали ему разделить с ним «добычу Хорасана», причем обязывались от каждого добытого здесь динара, оставлять себе четыре данака, а остальное отдавать Рустаму Гази. Однако исфахбед отказался от заключения подобного договора с огузскими вождями [66, 94; 181, 266].

Ахмада¹. Восстание началось в одной из деревень Нишапурского округа, а затем охватило ряд областей Хорасана [54, XI, 116 сл.]. Ахмаду и его «товарищам и сторонникам» удалось овладеть множеством городов и селений. Восстание продолжалось в Восточном Хорасане в течение нескольких лет, держа в постоянном страхе местную феодальную аристократию. Поэтому нишапурская знать двинулась на «погонщика ослов» и его сторонников с большим хорошо оснащенным войском. Началась длительная упорная борьба, окончившаяся поражением восставших и захватом в плен их вождя. Летом 1160 г. Ахмад, будучи осажден в одной из своих крепостей, вынужден был капитулировать. Однако нишапурская знать не решилась сразу предать смерти столь популярного в массах предводителя и хотела использовать Ахмада в своих интересах, но все ее старания оказались тщетными. Вскоре «погонщик ослов» вновь поднял восстание, укрепившись в одной из принадлежавших ранее повстанцам крепостей. «Муайид Ай-Аба²,—пишет Ибн ал-Асир,—взял его (Ахмада) оттуда (из крепости) силой, заковал и установил над ним охрану, а потом убил его и обезопасил мусульман от его злобы и смуты» [81, 398]. После казни Ахмада народные волнения были усмирены в Нишапурском округе и других провинциях Хорасана.

В 50—60-х годах XII в. Восточносельджукская держава фактически распалась на целый ряд феодальных владений. Нишапур, Тус, Бейхак и Хосровджирд перешли в руки эмира Муайида Ай-Аба. В Мерве и Серахсе утвердился огузский малик Динар. Область между Нисой и Абивердом досталась тюркскому мамлюку Ихтийар ад-Дину Айтаку. Провинции юго-восточного побережья Каспийского моря перешли под власть шахов Мазандерана. В конце XII в. после многолетнего кровопролитного дележа хорасанским «наследством» Сельджукидов завладела возвысившаяся династия Хорезмшахов.

¹ Ибн ал-Асир называет его по-персидски «хар-бенде» («погонщик ослов»); это указывает на то, что он заимствовал свой рассказ из какого-то ираноязычного источника.

² Муайид Ай-Аба был одним из мамлюков султана Санджара. После его смерти он захватил Нишапур, вернее превратившуюся в новый город цитадель Шадйах.

Период господства феодальной династии Сельджукидов является важнейшей переломной эпохой в истории Туркменистана и сопредельных областей Востока. Важность рассматриваемого периода определяется крупными переменами в общественно-политическом и социально-экономическом строе, приведшими к расцвету феодальных производственных отношений. После образования громадной Сельджукской империи широкое распространение получают различные виды условного феодального землевладения типа западноевропейского бенефиция.

В истории средневекового Туркменистана исследуемый период является временем апогея, порой наивысшего расцвета феодализма. Бурный подъем, наблюдаемый в сфере общественных и экономических отношений, сопровождается необычайным обострением социальных противоречий. Данный процесс усугубляется почти непрерывными междоусобицами, сепаратистскими движениями, грабительскими войнами и нашествиями кочевых племён на земледельческие оазисы. Развитие феодальных институтов, превращение икта в пожизненную и наследственную собственность приводят к росту и активизации центробежных тенденций. Сельджукская империя рубежа XI—XII вв. начинает распадаться на отдельные феодальные княжества и фактически самостоятельные государства. Одним из таких политических образований с центром в Мерве становится Восточносельджукская держава.

Отделение от Сельджукской империи ее восточных областей произошло между концом XI—первой четвертью XII в. В период междуцарствия и феодальной анархии Хорасан оказался в руках сельджукидского эмира Арслана-Аргуна. Однако эта область недолго оставалась под его властью, не имевшей здесь твердой социальной опоры.

В 1097 г. Хорасан подчинился султану Беркяруку, который назначал в качестве его наместника эмира Дада Хабаша. Правление Хабаша продолжалось в Хорасане до 1098 г., когда он был разгромлен войсками правившего в это время Балхом малика Санджара ибн Малик-шаха. Захват им Хорасана получил свое юридиче-

ское оформление в договоре 1103 г., заключенном между султаном Беркяруком и его братом Мухаммадом ибн Малик-шахом.

Санджар, утвердив свою власть в Хорасане и Гургане, предпринял ряд военных походов в соседние области. В результате длительных кровопролитных войн ему удалось подчинить Хорезм, Газну, Систан, Гур и Мавераннахр. В 1118 г. после кончины сменившегося на троне Беркярука султана Мухаммада ибн Малик-шаха, Санджар принял титул султана. С этого времени он стал считаться верховным правителем всей Сельджукской державы, но реально его власть простиралась в основном на Хорасан.

Громкие победы, одержанные Санджаром, принесли ему славу «падишаха мира» и «второго Александра Македонского». Однако, как и султану Беркяруку, ему зачастую приходилось исполнять волю окружавшей его военно-феодальной знати. Главным образом это были предводители мамлюков и вожди тюркоязычных племен (огузов, халаджей, туркмен, чигилей). Попытка Санджара обуздать эту своевольную аристократию не имела успеха в Восточносельджукском государстве.

Ослабление власти султана Санджара особенно сильно сказалось после поражения, нанесенного ему кара-китаями в 1141 г. при Катаване. Это поражение, произведшее большое впечатление в тогдашнем мире, наглядно показало шаткость Восточносельджукской державы. Оно знаменовало собой начало целой волны центробежных, сепаратистских движений в вассальных странах (Гур, Хорезм, Газна), стремившихся сбросить власть Санджара. Однако все они оказались безуспешными, так как хорасанские эмиры, объединившие все свои усилия, сумели усмирить эти феодальные мятежи. Несмотря на это, престиж и без того призрачной власти «султана мира» пал весьма низко.

Правление Санджара было временем дальнейшего усиления феодального гнета, произвола, грабежей и насилий феодалов над эксплуатируемым большинством. Тяжелое положение непосредственных производителей стимулировало различные формы протеста и сопротивления феодальному игу¹.

¹ Рост антифеодальных настроений среди народных масс нашел свое отражение в трактате XI в. под названием «Столп взаи-
138

В истории классовых битв исследуемого периода наблюдается борьба и в форме столкновений между различными религиозными толками и сектами ислама и в виде открытых восстаний. В XI—XII вв. народные волнения имели место в ряде провинций Восточно-сельджукского султаната. Восстания обездоленного люда переплетались с освободительной борьбой вассальных окраин и «мятежами» кочевых племен. Наглядной иллюстрацией этого положения является «смута» балхо-хуттальских огузов весной 1153 г.

В середине XII в. группа огузских племен, вытесненная со своих кочевий и пастбищ, переселилась из Мавераннахра в Хорасан. Здесь они вынуждены были лавировать, примыкая то к тохаристанским эмирам, то к балхскому эмиру Кумачу, то к гуридам-шансабидам. Около 1152 г. огузские племена, возглавлявшиеся Коркудом и Тути-беком, перешли на службу к Санджару, став его «собственным войском». Будучи на положении «личных подданных» (райят-и-хасс), они обязаны были нести военную повинность и уплачивать ежегодную подать в 24 000 баранов.

В XI—XII вв. туркмено-огузские племена (хайл) были не кровнородственными организациями, а представляли собой кочевые общины. Социальная дифференциация среди них зашла весьма далеко: наряду с рабами (кул), беднотой (йатук) и общинниками (эр), имелась богатая знать. Ханы, эмиры, беки, сердары туркмено-огузских племен обладали большой властью. Классовое расслоение было тесно связано с разложением старых родо-племенных институтов и развитием феодальных отношений.

Хорасанская знать сделала попытку закабалить свободных в основной своей массе огузских эров. Это вызвало среди балхо-хуттальских кочевников открытое восстание. Главной его причиной явилось стремление сельджукидских властей распространить на огузов институт шихне.

Огузская «смута» дала толчок к стихийным антифеодальным выступлениям народных масс в Хорасане.

моотношений». В этом сочинении говорится, например, что аристократы также «как турки, войны и лихоимцы являются злом» [41, 96—103].

Разрозненность, отсутствие практического опыта и локальная ограниченность привели эти выступления к поражению; они были разгромлены усилиями феодальной знати Хорезма, Табаристана, Мавераннахра, Систерана и Гура.

Подавление народных «мятежей» способствовало усилению зависимости непосредственных производителей от феодалов. Фирманы султана Текеша свидетельствуют о тяжелом положении крестьян Хорасана в конце XII в. [39, 30—38, 95—100]. В одном из его указов прямо говорится, что интересы крестьянства «растоптаны несчастными случаями, уничтожены (разными) случайностями и остались во тьме несправедливости» [108, 122]. Здесь же признается, что самоуправство иктадаров, руководствовавшихся лишь своими «выгодами», зачастую «доводило мусульман до черты бегства» [108, 126].

Официальные документы Хорезмшахов свидетельствуют о росте власти и экономического могущества иктадаров. Вместе с тем они позволяют видеть ясно выраженную тенденцию превращения икта из держания типа бенефиция в наследственный феод. Сами мукта обладали теперь судебным-административным и фискальным иммунитетом и являлись крупными феодалами.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АзССР	— Азербайджанская ССР.
АКД	— Автореферат кандидатской диссертации.
БСЦ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ВВ	«Византийский временник». Л., М.
ВИ	— «Вопросы истории». М.
ВОЛГУ	— Восточное отделение Ленинградского государственного университета.
ВЛГУ	— «Вестник Ленинградского государственного университета».
ГХ	— Год хиджры.
ДУМКЭИ	— Доклады V Международного конгресса экономической истории.
ЗВОРАО	— «Записки Восточного отделения русского археологического общества». СПб., Пг.
ИАН ТССР	— «Известия АН ТССР».
ИАН АзССР	— «Известия АН АзССР».
ИВ АН СССР	— Институт востоковедения АН СССР. М.—Л.
ИГАИМК	— «Известия Государственной Академии истории материальной культуры». М.—Л.
ИЯ н Л АН ТССР	— Институт языка и литературы АН ТССР. Ашхабад.
КСИВ АН СССР	— «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». М.—Л., М.
КСИИМК	— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР». М.—Л., М.
ПС	— «Палестинский сборник».
ПТ	— «Памятники Туркменистана». Ашхабад.
СА	— «Советская археология». М.
СВ	— «Советское востоковедение». М.—Л., М.
СИФП	— Серия истории, философии и права.
СОН	— Серия общественных наук.

- ТЮТАКЭ** — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
УЗАГУ СВ — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета, серия востоковедческая». Баку.
ЭВ — «Эпиграфика Востока». Л.
DI — «Der Islam». Berlin.
BSOS — «Bulletin of the school of Oriental (and African) Studies». (University of London). London.
JA — «Journal asiatique». Paris.
JRAS — «The Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». London.
RTRHS — Recueil de textes relatifs a l'histoire des Seljoucides, par M. Th. Houtsma. Leiden.
ТТКВ — Türk Tarih Kurumu Belleten. Ankara.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу-л-Фазл Бейхаки. Тарих-и Бейхаки. Изд. д-ра Гани и Фейза. Техран, 1324 г. х.
2. Абу-л-Фазл Бейхаки. История Масуда. (Пер. и прим. А. К. Арендса). Ташкент, 1962.
3. Абу-л-Хасан Али ибн Зейд Бейхаки (Ибн Фундук). Тарих-и Бейхак. Техран, 1317 г. х.
4. Абу-л-Хасан Саид Али ал-Джурджани. Масалик ал-мамалик. Рукопись ИВ АН СССР, А—672.
5. Абу Абдаллах Мухаммад ибн Абдаллах Нишапури. Тарих-и Нишапур. Техран, 1960.
6. Агаджанов С. Г. Восстание огузов 1153 года и падение Восточносельджукского государства. Акад. Ашхабад, 1956.
7. Агаджанов С. Г. К вопросу о торговой и дипломатической практике огузо-туркменских племен X—XI вв. ИАН ТССР, 1957, № 3.
8. Агаджанов С. Г. Новый источник по истории Средней Азии. ИАН ТССР, СОИ, 1963, № 5.
9. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.
10. Агаджанов С. Г. Земледелие и аграрные отношения в Туркменистане в XI—начале XIII вв. В кн.: Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад, 1971.
11. Аджаиб ал-булдан. Рукопись ИВ АН СССР, В—785.
12. Аджаиб ал-дунья. Рукопись ИВ АН СССР, А—253.
13. Аджаиб ал-махлукат ва гаранб ал-моуджудат. Рукопись ИВ АН СССР, А—453.
14. Аджаиб ал-махлукат ва гариб ал-моуджудат. Рукопись ИВ АН СССР, Д—129.
15. Адыков К. Главные станции арабских дорожников на средневековом торговом пути из Серахса в Мерв. СА, 1959, № 4.
16. Адыков К. Торгово-почтовая дорога из Мерва на Мерверуд. ИАН ТССР, СОИ, 1962, № 3.
17. Алиев А. З. Жизнь и творчество Низам ал-Мулька (на азерб. яз.). УЗАГУ СВ, 1971, № 1.

18. Альхамова А. Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва. ЮТАКЭ, т. 2. Ашхабад, 1953.

19. Архитектурные памятники Туркмении. М.—Ашхабад, 1939.

20. Афзал ад-Дин Кермани. Китаб икд ал-ала ли-л-мав-киф ал-ала. Техран, 1311 г. х.

21. Афзал ад-Дин Кермани. Тарих-и Афзал йа бадайн ал-азман фи вакайн Керман. Техран, 1326 г. х.

22. Ахмад ибн Мухаммад Гаффар и. Тарих-и Шугаристан. Техран, 1962.

23. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 1. Тексты. СПб., 1898.

24. Бартольд В. В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. Анийская серия. СПб., 1911, № 5.

25. Бартольд В. В. Султан Санджар и гузы. ЗВОРАО, XX. СПб., 1912.

26. Бартольд В. В. Халиф и султан. СПб., 1916.

27. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900.

28. Бартольд В. В. Сочинения, т. IV. М., 1966.

29. Бартольд В. В. История Туркестана. Ташкент, 1922.

30. Бартольд В. В. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. «Хлопковое дело», 1924, № 11—12.

31. Бартольд В. В. По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. Сообщения ГАИМК. Пг., 1924.

32. Бартольд В. В. К истории крестьянских движений в Персии. В кн.: Из далекого и близкого прошлого. Пг., 1920.

33. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.

34. Берадзе Г. Г. К вопросу об институте «городских рансов» в Иране в X—XII вв. Сборник статей. М., 1971.

35. Беляев Е. А. Мусульманское сектанство. М.—Л., 1969.

36. Бертельс Е. Э. Насири Хосров и исмаилизм. М., 1959.

37. Бейлис В. М. Масуд ибн Намдар и городское население Байлакана. ИАН АзССР, СИФП, 1966, № 3.

38. Бейлис В. М. Из наблюдений над текстом и терминологией сборника рассказов, стихов и писем Масуда ибн Намдара. Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. М., 1970.

39. Баха ад-Дин ибн Муайид ал-Багдади. Ат-тавасул ила-т-тарассул. Техран, 1315 г. х.

40. Вактурская Н. Н. К вопросу о культурных связях средневекового Хорезма с Китаем. Материалы II Совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959.

41. Вильчевский О. Л. Новый источник для характеристики мировоззрения городского населения Ирана в X—XI вв. СВ, 1955, № 1.

42. Газнави. Диван-и Саид Хасан Газнави. Техран, 1326 г. х.

43. Гафуров Б. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

44. Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941.

45. Гордлевский В. А. Из комментариев к старо-османскому переводу хроники малоазийских сельджуков. М., 1912.
46. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
47. Гусейнов Р. А. Институт атабеков. ПС, вып. 15 (78), 1966.
48. Гусейнов Р. А. Сельджукская военная организация. ПС, вып. 17 (80), 1967.
49. Гусейнов Р. А. Последствия сражения при Манцикерте для Закавказья. ВВ, т. XXIX, 1968.
50. Гусейнов Р. А. Сельджукская тематика в современной историографии. Тюркологический сборник. М., 1970.
51. Гусейнов Р. А. Султан и халиф. ПС, вып. 19 (82), 1969.
52. Давидович Е. А. Город, ремесло и денежное обращение в Средней Азии в период так называемого серебряного кризиса (IX—XIII вв.). Материалы II Совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959.
53. Давидович Е. А. Из области денежного обращения в Средней Азии в XI—XII вв. Нумизматика и эпиграфика, т. II. М., 1958.
54. Джалал ад-Дин Имади. Кыйа ал-муяа ли татмим ал-гуня. Рукопись ИВ АН СССР, С—2311.
55. Дьяконов М. М. Бронзовая гиря с именем Исмаила Самани. Труды Отдела востока Гос. Эрмитажа, т. II. Л., 1940.
56. Ершов С. А. Данденакан (археологическая разведка у Ташрабата в 1942 г.). КСИИМК, вып. 15, 1947.
57. Жуковский В. А. Али Аухададин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики. СПб., 1863.
58. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. СПб., 1894.
59. Жуковский В. А. Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Саида. СПб., 1899.
60. Жуковский В. А. Раскрытие скрытого за завесой (Кяшф-ал-махджуб) Абул-Хасана Али ибн Османа ал-Джуллаби ал-Худжвири. Л., 1926.
61. Заходер Б. Н. История восточного средневековья. М., 1944.
62. Заходер Б. Н. Хорасан и образование государства сельджуков. ВИ, 1945, № 5—6.
63. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962.
64. Захир ад-Дин Нишапури. Сельджук-наме. Тегеран, 1332 г. х.
65. Ибн ал-Асир ал-Джазир. Тарих ал-камиль, т. IX—XI. Каир, 1301 г. х.
66. Ибн Исфендияр. Тарих-и Табаристан. Тегеран, 1320 г. х.
67. Икбал А. Тарих-и Иран аз садри ислам та истила-и могул, Тегеран, 1939.
68. Иностранцев К. Коркуд в истории и легенде. ЗВОРАО, т. XX. СПб., 1912.
69. Инша. Рукопись ИВ АН СССР, С—816.
70. Кабус-Наме. Пер. и прим. Е. Э. Бертельса. М., 1953.
71. «История Туркменской ССР», т. I, кн. I. Ашхабад, 1957.

72. Литвинский Б. А. Средневековые поселения области Ни-сы севернее Копет-Дага в IX—XV вв. Акад. Ташкент, 1951.

73. Литвинский Б. А. О некоторых моментах развития средневекового города. «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. 4. Сталинабад, 1953.

74. Лунина С. Б. Гончарное производство Мерва конца X—начала XIII вв. ТЮТАКЭ, т. XI, 1962.

75. Маркс К. и Энгельс Ф. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V. М., Госполитиздат, 1938.

76. Мередов А. Селжуклар доврениң эдебиятының тарыхындан. Ашгабат, 1968.

77. Массон М. Е. Намогильные кирпичи из Марыйского оазиса. ЭВ, вып. 8, 1953.

78. Массон М. Е. Городище средневекового Хурмузфарра Тязе-Кишман. ИАН ТССР, 1961, № 2.

79. Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр. ТЮТАКЭ, т. XIII. Ашхабад, 1966.

80. Масуд ибн Намдар. Сборник рассказов, писем и стихов. М., 1970.

81. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.—Л., 1939.

82. Махмуд ибн ал-Хусайн ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк, т. I—III. Истанбул, 1914—1916.

83. Муайнд ад-Даула Мунтаджаб ад-Дин Беди. Китаб атабат ал-катаба. Техран, 1329 г. х.

84. Муджмал ат-таварих ва-л-кисас. Изд. Малик аш-Шоара-и Бахар. Техран, 1318 г. х.

85. Муиззи Нишапури. Диван. Техран, 1318 г. х.

86. Мухаммад Ауфи. Джавами ал-хикайат ва лавоми аривайат. Рукопись БСШ, ПНС—232.

87. Мухаммад ибн Али Табатабаи. Правила для государей и рассказы о мусульманских династиях. Казань, 1863.

88. Мухаммад ибн Наджиб Бекран. Джахан-нама. Рукопись ИВ АН СССР, С—612.

89. Мухаммад Казим Наме-йи алам ара-йи Надири, т. I. М., 1960.

90. Мухаммад ибн Махмуд Амоли. Нафаис ал-фунун. Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 2751.

91. Мюнедджим-Баши. Сахаиф ал-ахбар. Истанбул, 1285 г. х.

92. Насири Хосров. Диван-и гасайд ва мукатаат. Техран, 1307 г. х.

93. Насири Хусрау. Сафар-наме. Книга путешествия. Пер. Е. Э. Бертельса. М.—Л., 1933.

94. Низам и Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы. Пер. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной. М.—Л., 1963.

95. Огуз-наме йа худ Сельджук-наме. Изд. Н. Асима. Истанбул (б. г.).

96. «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.». Ашхабад, 1954.

97. Оразов О. Серахский оазис в древности и средневековье. Акад. М., 1971.

98. Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII—XIV вв. М.—Л., 1960.
99. Петрушевский И. П. Ислам в Иране. Л., 1970.
100. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.
101. Пугаченкова Г. А. Мастер - керамист Мухаммед Али Инайатон из Мерва. СА, 1958, № 2.
102. Росляков А. А. Первые Сельджукиды. ИТФАН СССР, 1951, № 3.
103. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.—Л., 1952.
104. Равенди М. Тарих-и иджтимаи-йи Иран. Тегран, 1341 г. х.
105. Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих. Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 1.
106. Салыр Баба Гулалы Салар-Оглы Хырыдары. Джами ат-таварих. Рукопись ИЯЛ АН ТССР, инв. № 526.
107. Саид Нафиси. Тарих-и назм ва нажр-и дар Иран ва дар забан-и фарси. Тегран, 1344 г. х.
108. Семенов А. А. К истории города Нисы в XII в. (по актам того времени). ТЮТАКЭ, т. V, 1955.
109. Сиасет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Пер. и прим. Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949
110. Строева Л. В. «День «воскрешения из мертвых» и его социальная сущность. КС ИВ АН СССР, вып. XXXVII. М., 1960.
111. Строева Л. В. К вопросу о социальной природе исмаилитского движения в Иране в XI—XII вв. ЛГУ, 1963, № 20.
112. Строева Л. В. Исмаилиты Ирана и Сирии в XI—XII вв. в зарубежной и советской литературе. Историография и источниковедение истории стран Азии. Изд. МГУ, 1964.
113. Строева Л. В. Восстание исмаилитов в Иране на грани XI—XII вв. Исследования по истории стран Востока. Изд. ЛГУ, 1964.
114. Сувар ал-акалим-и саба. Рукопись ВОЛГУ № 149.
115. Тарих-и Систан. Изд. Малик аш-Шоара-и Бахр. Тегран, 1314 г. х.
116. Тарих-и ал-и Сельджук. Рукопись ИВ АН СССР, Д—116.
117. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
118. Удович А. Л. Кредит как средство инвестирования в средневековой мусульманской торговле. ДУМКЭИ. Л., 1970.
119. Федоров М. Н. Уникальный серебряный динар султана Санджара из Сурхандарьинской области. История материальной культуры Узбекистана, вып. I. Ташкент, 1963.
120. Федоров М. Н. К вопросу о «серебряном кризисе» и некоторых особенностях денежного обращения в государстве «Великих сельджуков». СА, 1971, № 1.
121. Хафиз-и Абру. Географическое сочинение. Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 5361.
122. Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.
123. Ходжаниязов Т. Клад в Меручаке. ПТ, 1968, № 1.

124. Ходжаниязов Т. Денежное обращение в государстве «Великих сельджуков». Акад. М., 1971.

125. Хондемир. История монголов от древнейших времен до Тамерлана. Перев. В. В. Григорьева. СПб., 1834.

126. Шахмардан ибн Абу-л-Хаир. Нузхат нама-йи Алайи. Фотокопия рукописи Герцогской б-ки г. Готы, № 10 (по каталогу Перча).

127. Шенгелия Н. Н. Сельджуки и Грузия в XI в. Тбилиси, 1968.

128. Ширази Зеркуб. Шираз-наме. Техран, 1310 г. х.

129. Чехович О. Д. О некоторых терминах среднеазиатских актов. Иранская филология. Л., 1964.

130. Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и торговля его с Восточной Европой. Материалы по истории Таджикской, Узбекской и Туркменской ССР. М.—Л., 1939.

131. Якубовский А. Ю. Сельджукское движение и туркмены в XI в. ИАН СССР, ООН, 1937, № 4.

132. Ali ibn Ahmad Asadi Toosi. Logat-i-fors. A Dictionary in Persish Language. Teheran, 1957.

133. Becker C. Islamstudien. Bd. I. Leipzig, 1924.

134. Bosworth C. E. The Chaznavids: their Empire in Afghanistan and Eastern Iran. Edinburgh, 1963.

135. Bosworth C. E. Military organisation under the Buyids of Persia and Iraq. Oriens, vol. XVIII—XIX. 1967.

136. Browne E. C. Account of a rare, if not unique manuscript, History of the Seljuqs. JRAS. 1909.

137. Cahen Cl. Mouvements populaires et autonomisme urbain dans l'Asie musulmane du moyen age. Leiden, 1958.

138. Cahen Cl. L'evolution de l'iqta tu IX au XIII siècle. Annales. Economies—Sociétés—Civilisations, t. VIII, N 1, Paris, 1953.

139. Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. A general survey of the material and spiritual culture and history. London, 1968.

140. Chahar Magala. «The Four Discourses» of Ahmad ibn Umar ibn Ali an-Nizami al-Arudi as-Samarqandi. London, 1927.

141. Chazali's Book of Council for Kings. London, 1964.

142. Scarcia G. A preliminary report on a Persian document of 470—1078 found at Bamiyan. East and West, vol. 14. № 1—2. Rome. 1963.

143. Das Geschenk aus der Saldschukengeschichte von dem Wezir Muhammad... al-Husaini al-Jazdi. Leiden, 1909.

144. Defrémery C. Recherches sur la regne du sultan seljoukide Barkiarok. — JA, t. I—II, 1853.

145. Divan lugat-it-türk tercümesi. Geviren: Besim Atalay. Cilt I—III. Ankara, 1940.

146. Eghbal A. Le ministère pendant la période des Grans rois Saldjudides, Téhéran, 1959.

147. El-Maverdi. Le droit du Califat. Paris, 1925.

148. Gregory Abu'l Farac (Bar Hebraeus). Abu'l Farac tarihi. Çev. R. O. Dogrul. Ankara, 1945.

149. Histoire des Samanides par Mirkhond. Texte persan, trad. et accompagné... par M. Defremery. Paris, 1845.

150. Histoire des Seldjoudides du Kerman par Muhammed Ibrahim. Texte persan. Lugduni—Batavorum, 1886.

151. Histoire des Seldjoucides de l'Iraq par al-Bondari d'après Imad ad-Din al-Katib al-Isfahani. Texte arabe publ. par M. Th. Houstma. Leide, 1889 (RTRHS, II).

152. Histoire des sultans du Kharesm, par Mirkhond, Paris 1842.

153. Horst H. Die Staatsverwaltung der Grosselugen und Horezmsahs. Wiesbaden, 1964.

154. Ibn el-Athiri. Cronicon quod prefectissimum insrubitur, ed C. J. Tornberg, vol. I—XIV, Lugduni—Batavorum, 1851—1876.

155. Ibn Jobair. Voyagés, trad. et annot. par M. Guadefroy—Demombynes, t. I—III. Paris, 1949—1956.

156. Kafesoglu I. Sultan Meliksah devrinde Büyük Selçuklu imperatorlugu. Istanbul, 1953

157. Kafesoglu I. Harezmsahlar devleti tarihi. Ankara, 1956.

158. Kenneth Allin Luther. A New Source for the History of the Iraq Seljuqs. The Tarikh al-Vuzara. Der Islam. Bd. 45. Hft. 1—2. 1969.

159. Kitab Zainu'l-Alkhbar. Composed by Abu Said Abu'l-Havy ibn ad-Dahhab ibn Mahmud Gardizi, ed. by M. Nazim. London, 1928.

160. Köprülü M. F. Anadolu Selçuklulari tarihi'nin yerli kaynaklari.—TTKB, cilt. VII, № 27, 1943.

161. Köymen M. A. Büyük Selçuklu imperatorlugunda oguz isyani.—Ankara Universitesi Dil ve Tarih—Gografya Fakültesi Dergisi, cilt V, N 2, 1947.

162. Köymen M. A. Büyük Selçuklu imperatorlugu tarihi, cilt II. Ankara, 1954.

163. Labib M. Texte zur Wirtschaftsgeschichte Aguptes im Mittelalter.—DI. Bd. 35, 1960.

164. Lambton A. K. S. The administration of Sanjar's empire as illustrated in the «Atabat al-kataba». BSOS vol. XX, 1957.

165. Lambton A. K. S. Landlord and peasant in Persia. London, 1953.

166. Lazard G. La lange de plus anciens monuments de la prose persane. Paris, 1963.

167. Le Tuhfat al-ahbab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati, édité... par G. Ferrand. JA, t. CCVI. 1925.

168. Lokkegaard F. Islamic taxation in the classic period. Cambridge, 1950.

169. Makdisi G. Autograph diary of an eleventh—century historian of Bagdad. BSOS, vol. XX, pt. 1. 1952.

170. Max van Berchem. La propriété territoriale et l'impôt foncier sous les premiers califes. Genève, 1886.

171. Minorsky V., Cahen Cl. Le recueil Transcaucasien de Masud bin Namdar. JA, t. 237, 1942.

172. Mirchondi Historia Seldschukidarum persice. E codicibus manuscriptorum Parisino et Berolinensi nunc primum edidit... J. A. Villers. Gissae, 1837.

173. Omar Khayyam. Novruz-Namah. Persian text. Ed. by Mojtaba Minowi. Tehran, 1933.

174. Poppe A. A. Survey of Persian Art, vol. IV. London—New York, 1939

175. Rasid al-Din Fazlallah. *Cami al-tawarih. Selçuklular tarihi.* Ankara, 1960.

176. Rocer de Tourneau. *Damas de 1075 a 1154. Traduction annotée d'un fragments de l'histoire de Damas d'Ibn al-Qalanisi.* Damas, 1952.

177. Rosen V. *Collection scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères. Les Manuscrits persans.* St.-Petersbourg, 1886.

178. Sadruddin Ebu'l Ali ibn Nasir Ali el-Hüseyni. *Ahbar üd—devlet is selçukiyye.* Ankara, 1943.

179. Safa Z. O. *La domination des Turcs d'Asie Centrale des moitié du cinquième siècle jusqu'au commencement du septième siècle.* — Université de Téhéran. *Revue de la Faculté des letters*, t. IV, № 1, 1956.

180. Sanaullah M. F. *The Decline of the Saljuqid Empire.* Calcutta, 1933.

181. *Sehir-eddin's Geschichte von Tabaristan.* Rujan und Mazanderan. *Persischer text.* Herausgegeben von. Dr. B. Dorn. St.—Petersburg, 1850.

182. Staenly Lane Poole. *The coins of the Turkoman House of the Seljook, Urtuk, Zengu etc. in the British Museum.* London, 1877.

183. *Tabakat-i Nasiri. A General History of Asia...* by the Maulana Minhaj-ud-Din, Abu Umar-i Usman. *Transl. by H. G. Raverty.* vol. I—II. London, 1881.

184. *Tadjarib us-Salaf...* par Hinduchan ibn Sanjar Nakh-djawani. Téhéran, 1934.

185. *Tarikh-i Fakhru'd-din Mubarakshah being the Historical Introduct. to the Book of Genealogies of Fakhru'd-din Mubarakshah Marvarrudi.* London, 1927.

186. *The Eclipse of the Abbasid Caliphate,* Ed., transl. and elucid. by H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth. Oxford, vol. I—VII, 1920—1921.

187. *The Farsnama of Ibnu'l Barlkhi.* Ed. by G. Le Strange and R. A. Nicholson. London, 1921.

188. *The History of Bukhara.* Translated from a Persian abridgement of the Arabic original by Narshakhi R. N. Frye. Cambridge, 1954.

189. *The History of the World — Conqueror* by Ala ad-Din Ata Malik Juvaini. *Transl. from text...* by J. A. Boyle, vol. I—II. Manchester, 1958.

190. *The Cambridge History of Iran. Vol. X. The Sljuq and Mongol periods.* Cambridge, 1968.

191. *The Geographical part of the Nuzhat-al-Qulub* composed by Hamd Allah Mustawfi of Qazwin, transl. by G. Le Strange. Leyden, 1919.

192. *The Letters of Rashid od-Din Vatvat.* Ed. Chassem Too'yckerkani. Teheran, 1960.

193. *The Rahat-us-Sudur wa Ayat-us-Surur* being a History of the Saljuqs by Muhammed ibn Ali ibn Sulayman al-Rawandi, ed. by M. Iqbal. London, 1921.

194. *The Tabaqat-i Nasiri of Aboo Omar Minhaj al-din*

Othman ibn. Siraj al-din al Jawzjani, ed. by W. Nassau Less and Mawlawis Khadim Hosain and Abd al-Hai. Calcutta, 1863—1864.

195. The Tarikh-i-Guzida or «Select History» of Hamdu'llah Mustawfi-i-Qazwini. Leyden—London, 1910.

196. The Tarikh-i-Jahan-gusha of Ala'ud-Din Ata Malik-i-Juwayni. Ed. by Mirza Muhammad ibn Abdu'l-Wahhab-Qazwini. Leyden—London, 1912—1937.

197. The Tarikh-i Baihaki containing the life of Masaud, son of sultan Mahmud of Gaznin. Ed. by W. N. Morley. Calcutta, 1861—1862.

198. Togan A. Z. V. Umumi türk tarihine giris. Istanbul, 1946.

199. Turan O. Le droit terrien sous les Seldjoudes de Turquie. Paris, 1946.

200. Turan O. Istanbul'un fethinden önce yazilmis tarihi tekvimler. Ankara, 1954.

201. Turan O. Selçuklular tarihi ve türk—islâm medeniyeti. Ankara, 1965.

202. Udovith A. L. At the origin of the western commend.—Speculum. Apr., 1962.

203. Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Herasg. von. F. Wüstenfeld, Teil I—II. Cöttingen, 1848—1849.

204. Zabihollah Safa. A. History of the Islamic Era. Vol. II. From the middle of fifth century to the beginning of seventh century A. H. Teheran, 1957.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Ала ад-Дин Хусайн 15
 Абу Али Хасан 70
 Абу Али Хасан ибн Али 20, 51,
 58, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73,
 79, 83, 106, 107, 114, 115
 Абу Бакр 128
 Абу-л-Ганаим Марзбан ибн
 Фируз 72, 73, 79
 Абу-л-Фазл Бейхаки 36
 Абу-л-Фарадж 77
 Абу-л-Фатх Бундари 19
 Абу-л-Хасан Бейхаки 20, 21,
 39, 102
 Абу Сад Абд ал-Карим Сама-
 ни 21
 Абу Саид Мейхени 21, 109
 Абу Хашим 92
 Абу Шуджа Рудавери 53,
 Акинджи ибн Кочкар 11
 Александр Македонский 15, 138
 Али 128, 129
 Али Четри 15
 Алп-Арслан 6, 9, 20, 61, 69, 83,
 95, 100, 107, 113
 Анвари 134
 Ануширван ибн Халид Каша-
 ни 19
 Арслан-Аргун 10, 39, 137
 Арслан-хан 11
 Атсыз 15, 22
 Ахмад ибн Фадл 130
 Ахмад (Хар-бенде) 136

 Бартольд В. В. 69, 130
 Бахрам-шах 11
 Бейлис В. М. 99
 Бейхаки (см. Абу-л-Фазл Бей-
 хаки) 36

 Бектугды 9
 Беркярук 7, 8, 10, 11, 100, 106,
 108, 129, 137, 138
 Босворт К. Е. 79, 82
 Бурибарс 10

 Тирский Вильгельм 54

 Газали 20, 127
 Гияс ад-Дин Мухаммед 101
 Гордлевский В. А. 24

 Дад Хабаши 10, 11, 137
 Дауд Чагры-бек 9, 10, 39, 62
 Джувеини 72
 Джузджани 48
 Динар 119, 136

 Захир ад-Дин Нишапури 20,
 133
 Заходер Б. Н. 24, 46
 Зенги ибн Халифа 131

 Ибн ал-Асир 15, 71, 112, 134,
 135, 136
 Ибн ал-Каланиси 44
 Ибн Тиктака
 Ибн Фуидук — (см. Абу-л-
 Хасан Бейхаки)

 Ибн Шадан 70, 71
 Ибрахим Инал 57, 58
 Изз ад-Дин Мухаммад 42

Имад ад-Дин Исфакхани
Ихтияр ад-Дин Айтак 136

Кадыр-хан 11
Каим 64
Камал ад-Дин Абу Риза 78
Кафесоглу И. 25
Кээн К. 24
Кизил Сарыг 129
Коймен М. А. 25
Кон-Винер А. 39
Коркуд-бек 119, 135
Кудан 11
Кумач 101, 131, 132, 139
Кундури 78, 125
Кутылмыш 65,

Локкегор Ф. 116
Лэмбтон А. К. 24, 68, 90, 116

Мадан Пал Дева 47
Маджд ад-Дин Куми 108
Малик-шах 6, 7, 10, 20, 39, 43,
44, 51, 61, 64, 70, 73, 75, 78,
86, 100, 106, 108, 114, 128, 129

Масуд Газневи 5, 9
Масуд ибн Намдар 83
Махмуд Газневи 64
Махмуд ибн Малик-шах 7, 129,
138

Махмуд ибн Мухаммад 11, 12
Муайид Ай-Аба 9, 136
Мунтаджаб ад-Дин Беди 22
Муса-Байгу 9

Мухаммад ибн Малик шах 11
Мухаммад Али Инайатон 41
Мухаммад ибн Иахна 132
Мухаммад ибн ал-Мунаввар
21

Мухаммад Нисави 69
Мухаммад Тапар 7, 12, 13
Мухаммад Тогрул-бек 5, 6, 9,
57, 61, 63, 64, 72, 77, 78, 125

Низам ал-Мульк — (см. Абу
Али Хасан ибн Али)
Низами Арузи Самарканди 74

Омар 128
Омар Хайям 43
Оттон Фрейзингенский 15

Рашид ад-Дин 13, 133, 134
Рашид ад-Дин Ватват 22
Роман IV Диоген 6

Росляков А. А. 24
Рустам Гази 135

Садр ад-Дин Мухаммад 14
Садр ад-дин Хусайни 22
Салах ад-Дин Айюби 50
Салыр-Баба 134
Самани 87, 88
Санджар—(см. Санджар ибн
Малик-шах)
Санджар ибн Малик-шах 10,
11, 12, 13, 14, 15, 17, 21, 22,
25, 39, 54, 69, 75, 79, 87, 92,
101, 102, 114, 129, 130, 132,
133, 136, 137, 138, 139
Строева Л. В. 127

Тадж ал-Мульк — (см. Абу-л-
Ганаим Марзбан ибн Фи-
руз)

Таджир 71
Текеш 10
Текеш (Хорезмшах) 22
Теркен-хатун — (см. Туркан-
хатун)

Тогрул-бек — (см. Мухаммад
Тогрул-бек)
Тугтегин 101
Тули-хан 42
Туран О. 25
Туркан-хатун 7, 72, 73, 79
Тути-бек 119, 135, 139
Тутуш 64

Филипп 15

Хамдуллах Казвини 39
Хасан ибн Семин 130
Хасан Саббах 20, 129
Хатун 70
Хиндушах Нахчивани 73
Ходжа Муним Шамс ад-Дин
Аджами 48
Хорст Г. 24, 69, 79, 83, 116
Хумар Тегин 78

Чагры-бек — (см. Дауд Чаг-
ры-бек)

Шараф ал-Мульк 79, 83
Шахмардан ибн Абу-л-Хайр 21

Юлдуз 101

Якубовский А. Ю. 24, 130
Ярыкташ 11

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абверд 9, 31, 32, 39, 45, 89,
 109, 133, 136
 Азджак 31
 Азербайджан 13
 Азия (Западная, Восточная,
 Передняя, Малая, Цент-
 ральная) 5, 6, 7, 8, 11, 12,
 13, 14, 18, 23, 24, 25, 26, 27,
 45, 50, 52, 54, 57, 107
 Аламут 129, 131
 Амин 29
 Амударья (Джейхун) 18, 32,
 86, 87
 Амуль 45, 87
 Андак 29
 Андарман 28
 Аргендаб 98
 Арчиняб 32
 Асади 28
 Астрабад 88
 Атрек 28, 35, 87, 97
 Афганистан 5, 12, 15, 44, 97,
 126, 131
 Ахур 88

 Багдад 6, 69, 113
 Багшур 31
 Бадхызская возвышенность 31
 Базан 31
 Байрам-Али 88
 Баку 44
 Балкан 28
 Байлакан 83
 Балх 10, 15, 71, 89, 97, 98, 113,
 132, 133, 137

 Балхская область 10, 30, 70,
 98, 101, 131, 132
 Бамиян 15, 132
 Баракдиз 29
 Барсхан 46
 Баруджирд 73
 Басра 53
 Башан 40, 45
 Бейхак 113, 125, 129, 130, 136
 Бистамский округ 80
 Булгар 13
 Булгария Поволжская 46
 Буст 98
 Бушт 102

 Вахш 97, 98
 Венеция 50
 Восток (Ближний, Средний,
 Дальний) 7, 13, 26, 30, 38, 43,
 44, 45, 50, 61, 62, 71, 128, 137
 Византия 6, 49, 109

 Гавхоре 32
 Газна 11, 12, 13, 14, 15, 70, 138
 Гарчистан 49, 98, 132, 135
 Генуя 50
 Геок-Тепе 31
 Герат 15, 42, 116
 Гератский вилайат 101
 Герируд 30
 Гиренг 29
 Гиндукуш 98
 Гур 15, 98, 132, 135, 138, 140

Гургандж 38
Гурган 5, 11, 27, 35, 37, 38, 39,
42, 54, 57, 80, 86, 87, 88, 90,
97, 103, 113, 118, 119, 133, 134,
138
Гурген 27, 35, 97
Гяур-Кала 39

Дамган 10, 12, 49
Дая-Хатын 45
Дейнау 98
Демавенд 12, 56
Дендапакан 5, 6, 9, 40
Дех-и Базарганан 30
Дехистан 5, 9, 28, 35, 39, 88,
119, 133, 134
Джаджерм 87
Джейхун—(см. Амударья)
Джибал 87
Джубука—(см. Мерв)
Джюльфадеган 88
Джурджан—(см. Гурган)

Европа 7, 15, 38, 45
Египет 50, 128

Закавказье 5, 6, 7, 8, 20, 23, 44
Закаспий 35
Зарджайн—(см. Мерв)
Земм 87
Заузан 129

Имам-Баба 29
Индия 47
Ирак (Арабский, Персидский)
5, 6, 7, 8, 26, 38, 43, 56, 57,
106, 135
Иракский султанат 12
Иран 5, 6, 7, 8, 12, 16, 20, 21,
24, 25, 26, 30, 44, 56, 114, 125,
126, 129
Иссык-Куль 46
Исфахан 38, 45, 50

Иемен 12, 13

Кавал 28
Кавказ 6
Кала и Бист 98

Каин 129
Калаи Мор 31
Каракумы 28, 29, 44, 45, 88
Каспий 6, 44, 97, 118, 136
Катаван 14, 15, 16, 101, 131
Кашгар 12, 13
Келиф 87
Керки 87
Керманский султанат 94
Кизыл-Арват 88
Константинополь 109
Копетдаг 33, 86
Куляб 98
Кумис 12, 56, 109
Куния-Ургенч 45
Куфан 31
Кухистан 87, 129
Кушка 31
Кушка (река) 31
Кушмейхан (Старый Кишман)
40, 45

Луристан 73

Мавераннахр 11, 12, 13, 14, 15,
40, 45, 54, 57, 98, 131, 138,
139, 140
Мазандеран 12, 13, 18, 56, 87,
88, 136
Мазари Шериф 97
Мангышлак 45, 97, 118
Манцикерт 6
Меаначай 32
Мейхене 31, 32, 109
Мекка 12, 13
Мерв 5, 8, 9, 10, 15, 21, 29, 38,
39, 40, 41, 45, 70, 76, 80, 87,
88, 89, 101, 109, 113, 133, 136,
137
Мерверуд 30, 45
Мервская область 9, 56, 62, 76,
30, 89, 97, 109
Мервский оазис 28
Мешхеди Мисриан 27, 87
Мукран 13
Мургаб 17, 28, 29, 30, 38, 45,
86, 97, 118

Нас 31
Нил 6
Ниса 9, 28, 38, 39, 45, 87, 99,
136

Нихавенд 73
Нишапур 10, 38, 45, 63, 70, 87,
89, 101, 109, 113, 125, 126, 134,
135, 136
Нишапурская область 69, 37,
101
Нушджан 11

Омман 13

Палестина 7
Парау 88
Пендждех 29
Пендинский оазис 29
Прибалханье 97, 118
Прикаспий (Южный, Восточ-
ный) 16, 38, 88
Прикопепдагский район 38
Поволжье 44, 53
Пяндж 97, 98

Раванд 101

Радан 28
Разик 28
Рей 5, 12, 49, 56, 87, 89, 97,
129
Рудбар 29
Рум 13
Румский султанат 94

Саве 10, 12
Саганиан 98, 131
Самарканд 11, 14
Сафари (Мусфари) 29
Семиречье 14
Серахс (Койне Серахс) 5, 9,
10, 30, 31, 32, 38, 40, 45, 89,
92, 113, 126, 133, 136
Симанам 28
Сирия 26, 101, 128
Систан 12, 13, 98, 129, 138, 140
Сырдарья
Средиземное море 6
Средиземноморье 7
Средняя Азия 7, 12, 14, 15, 19,
20, 24, 44, 49, 50, 125, 128
Старый Мерв—(см. Мерв)
Султан-Кала—(см. Мерв)
Сумбар 27, 35
Сурхандарья 97, 98

Табарек 49
Табаристан 56, 135, 140
Таджикистан 24, 97, 131
Таиф 13
Талхатан-Баба 29
Тараз 47
Тарз 130
Тахирия 45
Теджен 17, 30, 86
Тедженский оазис 86
Термез 10, 11
Тибет 46
Тун 129
Тохаристан 11, 98, 131, 132
Турак 31
Туркестан (Афганский, Восточ-
ный) 38, 98, 111
Туркмения (Туркменистан) 5,
8, 17, 18, 21, 24, 27, 28, 35,
40, 42, 43, 45, 52, 55, 86, 88,
103, 108, 109, 124, 125, 126,
137
Туршиз 130
Тус 70, 87, 101, 109, 113, 136

Убах 15, 132
Узбекистан 24, 97
Узбой 45
Ургенч 53
Устюрт 45

Фарс 72, 129
Ферава 9, 45, 88

Хаберам 31, 32, 126
Хабиран 88
Хабушан 87
Хамадан 92
Хамаданская область 10
Харакан 28
Хатир 88
Хафсабад 29
Хильменд 97, 98
Хорасан 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12,
13, 14, 15, 17, 21, 22, 27, 32,
35, 37, 38, 39, 40, 42, 44, 45,
54, 56, 57, 62, 86, 88, 89, 103,
112, 113, 114, 118, 119, 124,
125, 126, 127, 128, 130, 133,
135, 136, 137, 138, 139

Хорасанский султанат 8, 15,
16, 101
Хорезм 5, 9, 11, 12, 13, 15, 21,
27, 29, 32, 35, 37, 38, 39, 40,
42, 54, 57, 86, 87, 101, 103,
113, 118, 138, 140
Хосровджирд 113, 136
Хотан 47
Хузистан 129
Хур 129
Хурмузфарра (Улы Кишман)
29, 40, 41

Хутгалан 98, 131

Чаачинка 32

Чарджоу 87

Чендыр 27

Чин 46

Шадйах 136

Шамихан 29

Шахрастан 10, 28, 35, 88, 133

Ясеме 28

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- Абгир 32
 Авариз 92, 116
 Ав ити 37
 Агры 54
 Аджир (Амале) 110
 Азизан-и даргах 90
 Айар 113, 114, 129, 134
 Айаран—(см. Айар)
 Айан 103, 134
 Айнан—(см. Айан)
 Аймак 119
 Акар 55, 56
 Акза ал-кузат дар кулл-и ви-
 лайат 95
 Алам 76
 Алаф 92, 117
 Алиды 108, 134, 135
 Амал 86
 Амид 93
 Амия 62, 80, 81, 93, 117, 140
 Амир хаджиб 67
 Амлак—(см. Мульк)
 Амлак-и мардуман 56
 Амлак-и халисат-и диван 55
 Амлак-и хасс 55
 Ангаште 33
 Арази-йи джамаат 56
 Аразил-и халк 133
 Арз 86
 Арзак 68
 Ариз 85, 86, 90
 Ариз ал-джайш—(см. Ариз)
 Асбаб 56, 110
 Асбаб-и хасс 55, 56, 81
 Асхаб-и атраф 90
 Асхаб-и диван 68
 Асхаб-и санаат 111
 Асхаб-и шемшир ва калам 105
 Атабек 19, 61, 73, 94, 101
 Ахл-и базари 114
 Ахл-и джараид ва дафатир 79
 Ахл-и фатва 95
 Ашариты 125
 Ашрар ан-нас 134
 Ашраф 103
 Базарган 104, 122
 Базари 104
 Бай 121, 122, 123
 Байннат 96
 Бар сабил-и мулькийат 56
 Барзигар 114, 115, 116, 117
 Бар-салар 46
 Баст 29
 Бахса 33
 Бек 120, 121, 123, 133, 139
 Берат 52, 85
 Бигар 118
 Биста 54
 Бой 119
 Бузук 119
 Бухту 31, 36
 Вакил 74, 75
 Вакилдар 67

Вақф 55, 56, 58, 84, 96, 108,
109, 110, 116, 127
Вали 76, 86, 89, 90, 94, 98, 101
Васанк 96
Вахарман 30, 37
Везир 14, 20, 51, 63, 67, 68, 69,
72, 73, 77, 78, 94, 125
Везир мухтасс 77
Вилаят 86, 87, 89, 90, 97
Воджух 81
Вукала 76, 90, 96
Воджух-и арзак 81
Вулат—(см. Вали)

Газа-йи даргах дар кулл-и ма-
малик 94
Гела ва хосун 88
Гольфашанг 32
Гоуга-йи хашар 134
Гулям 14, 16, 66, 69, 73, 89, 100,
101, 105, 106, 111, 120, 136
Гумаштаган 92

Даава 96
Дабир 70, 71, 78, 105
Далал 48
Дас 33
Даста 33
Дастур 69
Дамин 94
Дар ал-мульк 89
Дарака 29
Дафатир 80
Дафайн 40
Дахл 81, 116
Дервиш 122, 126
Дехкан 115, 130
Джараид 80
Джуй 32
Диван ал-зимам ва-л-истифа 78
Диван ар-расаил ва-л-инша 76
Диван-и ала 68, 74, 75, 79, 83,
88
Диван ал-джайш 84, 86
Диван-и арз 85, 86, 90
Диван-и арз ал-джайш 84, 85,
86
Диван-и аугаф 84
Диван барид 74
Диван-и вилайат (Диван-и ий-
алат) 89, 90, 98

Диван-и инша 22, 77
Диван-и рийасат (Сара-йи рий-
асат) 92
Диван-и истифа 75, 76, 78, 79,
80, 81, 82, 83, 108
Диван-и истифа-йи мамалик —
(см. Диван-и истифа)
Диван-и инша ва-л-тугра 72,
75, 76, 77, 78
Диван-и ишраф 75, 79, 82, 83,
84
Диван-и ишраф ал-мамалик—
(см. Диван-и ишраф)
Диван-и мазалим 94, 96
Диван-и тугра—(см. Диван-и
инша-л-ва тугра)
Диван-и хасс 75, 76, 79, 81, 98
Диван-и хабар ва барид 74
Лийа 55, 56
Динар 10, 11, 14, 49, 56, 59,
108, 111, 113, 135
Динар-и рукни 49, 56
Динар-и сорх 49
Дулаб 29, 32

Заванд 117
Завлане 33
Займ 84, 94, 119
Закат 117
Замша 32
Зуама—(см. Займ)
Зуама-йи асвак 92

Идждар 112
Идрар 81, 96, 110
Идрарат—(см. Идрар)
Икта 6, 10, 51, 55, 56, 57, 58,
59, 61, 63, 68, 71, 80, 81, 85,
104, 105, 118, 123, 137, 140,
Иктадар 52, 58, 59, 72, 81, 86,
90, 94, 101, 104, 117, 118, 131,
140
Илик 121
Ильтиджа 118
Имам 94, 95, 103, 109, 128, 132
Исбат 90
Исмаилиты 73, 127, 128, 129,
130, 131, 134
Исфахбад 135
Исфахсалар 73, 86, 105
Ителги 37
Итлак 90

Иатук 37, 122, 139
Йингит 123
Йуг 34

Кабала 53, 96,
Қази 94, 95, 103, 108, 109, 110
Қази ал-кузат 95
Қази дар кулл-и мамалик 95
Қази-йи джумла-йи мамалик
(см. Қази -ал кузат дар
кулл-и мамалик)
Қази-йи ләшкәр 95
Қази-йи хашам ва ләшкәри-
йи-и хазрат 95
Қали 42
Қамар 76
Қанқаш 64
Қарасул 133
Қарашул (см. Қарасул)
Қарбас 38
Қарматы 113, 126
Қаррамиты 124, 125
Қархаие 41, 68
Қаса 38
Қасаба 87, 88, 89, 95
Қатиб 63, 71, 78, 96, 105
Қашта 32
Кемане 33
Кигиз 42
Қилим 42
Қисам 116
Қисмат—(см. Қисам)
Қиртас 52
Қырناق 120
Қонешт 39
Қок 119
Қул 120, 139
Қулах 76
Қус 76
Қутвал 88
Қяриз 66
Қулсыг эр 122

Маанш 81
Маваджиб 68
Маджлис 78
Мазхаб 67, 95, 106, 109, 124,
125, 134
Макам 98
Макса 44
Мал-и муамала 116
Мал-и хазина 76

Малик 9, 10, 11, 13, 119, 136
Малик ат-туджар 48
Мамалик-и хасс 56
Мамлюк (см. Гулям)
Манакиб-хон 128
Манал 117
Маркаб-и гиранмайа 76
Марсум 84, 93, 96
Маруфан 103
Маула 123
Микдар-и дафайн-и хазайн 80
Муамала 116
Музари 116
Музариан—(см. Музари)
Музафат-и аз дихха 87
Мударрис 96
Муздвар 41
Мукаддам 42, 90, 99, 119
Мукаддаман-и асвак 84
Мукта (см. Иктадар)
Мульк 6, 55, 56, 57, 61, 81, 84,
110, 115
Мулькдар 58, 101, 115, 118
Мульхам 38
Мунши 77, 78
Мунши-йи мамалик 77
Мустагалл 104
Мустанджиран 116
Мустанджиран-и амлак 116
Муस्ताуфи 75, 78, 79, 80, 81,
90, 108.
Муस्ताуфи-йи мамалик — (см.
Муस्ताуфи)
Мутабаран 103
Мутавалли 96
Мутаджаннида 85
Муфти 96
Мухрха 84
Мухтасиб 92
Мухасиб 75
Мушриф 76, 82, 83
Мюрид 126

Нәвәҳи—(см. Нахийе)
Нәвәҳи-йи дихха 87
Назир-и мамалик 83
Наиб 79, 84, 86, 89, 92, 94, 98,
99
Наибан—(см. Наиб)
Наибан-и ариз 86
Нал-баха 117
Натаидж-и хашам 133

Нахийе 76, 87, 88
Нова 32
Нийабан-и хазрат 76
Нозул 117
Нувваб—(см. Наиб)

Оба 119
Оглаи 120
Омач 33
Оубаш 113, 114, 133, 134

Палак 30, 37
Парвана 85
Паряби 33

Рабад 17, 40, 44, 45, 133, 88
Раийат 76, 91, 97, 98, 103, 118,
132
Раийат-и хасс 98, 132, 139
Раис 22, 91, 92, 93, 101, 113,
124
Раис ар-руаса 69
Ритл 116
Ронуд 113, 114, 133, 134
Руаса — (см. Раис)
Руб 102
Руста 76, 87, 89
Русум-и маран 117

Садака 113
Садр 69
Саид 81, 103, 108, 109, 110
Саид ар-руаса 69
Салар 90, 99, 105, 119
Сарай-и рийасат (см. Диван-и
рийасат)
Сарайха-и зарб 84
Сарайпарде 13
Сардоба 44
Сарраф 52, 53
Сархайлан 90
Сатыджи 122
Сахиб-и диван-и ард — (см.
Ариз)
Сахиб харас 74
Сердар 119, 133, 139
Сикка 12, 84
Силахийан 85
Сук 34

Суфин 107, 108, 109, 113, 126,
127
Суфтаджа 52
Сухани 32
Сухра 112, 118

Табак 38
Тавангар 115
Тавар 54
Тамлик 56
Торгу 46
Тосарруфат-и маликана 56
Таштдар 100
Теркен-хатун — (см. Туркан-
хатун)
Торе 121
Тугра 76, 77
Туграг—(см. Тугра)
Тугран 76, 77, 78
Туркан-хатун 70

Улама 103, 110
Умара — (см. Эмир)
Уруг 119
Учук 119

Фадаил-хон 128
Факих 95, 103, 108, 109, 110,
122
Фарраш 135
Фатва 96, 132
Фельс 49
Фикх 70
Фил 112
Фитна-йн аввам 135
Футувва 113

Хавала 52, 92
Хадам 68
Хаданг 38
Хадж 73
Хадис 95
Хазани 68
Хазъна 76
Хазина-йн хасс 76
Хайл 139
Хаким 92, 93, 94
Халандж 38
Халисат 55, 56

Хан 120, 121, 123, 133, 139
Ханака 109, 126
Ханбе 33
Ханифиты 67, 107, 108, 109,
124, 125
Харадж 57, 69, 81, 116, 117
Харадж ал-фар 117
Харадж мисаха 116
Харадж мукасама 116
Харадж мукатаа 116
Хар-бенде 136
Харман 33
Хар-тут 34
Хатиб 96, 109
Хатт 53
Хатун 70, 71, 73, 75
Хашам 68
Хашар 112, 134
Хилат 76
Хинмая 118
Хитта 87, 88, 90
Ходжа-и бузург 69
Ходжаташ 120
Хукук-и муктаана 117
Хурабе 32
Хусумат 96
Хутба 11, 12, 13, 96.
Хуту 46

Чакир 120
Чакрык 42
Чулах 42

Шадаби (см. Паряби)
Шафииты 67, 107, 108, 109,
124, 125, 134
Шахиншах 13, 64
Шахкар 118
Шейх 102, 108, 109, 113, 122,
124, 126
Шейх ал-ислам 110
Шинты 107, 108, 113, 127, 128,
134, 135
Шинхе 89, 93, 132, 135, 139

Эмир 16, 73, 78, 86, 93, 99, 101,
105, 113, 119, 120, 131, 132,
135, 136, 138, 139
Эр 120, 122, 133, 139

Юрт-гах 98

Ялангук 120
Яреган 51
Ярмак 54

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Туркменистан в составе державы Сельджукидов	5
Образование Восточносельджукского государства.	8
Восточносельджукское государство в конце XI — первой половине XII в.	11
Главные задачи исследования	16
Краткий историографический обзор	18
Глава I. <i>Хозяйство и экономика Туркменистана в XI—XII вв.</i>	27
Земледелие и ирригация	27
Земледельческие орудия и агротехника	33
Хозяйство кочевых племен	35
Города и ремесла	37
Ремесло кочевых племен.	42
Торговля и обмен	43
Денежное обращение	49
Торговля с кочевниками	53
Формы землевладения и феодальные институты	55
Глава II. <i>Политический строй державы Сельджукидов</i>	60
Султанская власть	64
Везир и его полномочия	67
Органы государственного управления	73
Диван-и хасс	75
Диван-и тугра	76
Диван-и истифа	78
Диван-и ишраф	82
Диван-и арз ал-джайш	84
Административный строй	86
Провинциальное управление	89
Окружная и волостная администрация	90
Судебные органы	94
Управление кочевыми племенами	97
Глава III. <i>Общественный строй и классовая борьба в Турк- менистане в XI—XII вв.</i>	103
Господствующий класс	103
Народные массы	110
Общественный строй кочевников	118
Социальный антагонизм и классовая борьба	123
Огузская «смута» и народное движение в Хорасане	131
Заключение	137
Список условных сокращений.	141
Литература.	143
Указатель имен.	152
Указатель географических названий.	154
Указатель терминов.	158
	163

Сергей Григорьевич Агаджанов

СЕЛЬДЖУКИДЫ И ТУРКМЕНИЯ В XI—XII вв.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета Академии наук
Туркменской ССР

Редактор издательства *Л. Дрямова*
Технический редактор *Т. Гаврилова*
Художественный редактор *В. Пудова*
Корректоры *Л. Глушкова, Л. Данилова*

Сдано в набор 16/V-1973 г. Подписано к печати 31/VIII-1973 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 5,125. Привед. печ. л. 8,61.
Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 1200. Изд. № 371. Заказ № 2292. Цена 91 коп.
И—05715.

Издательство «Ылым». Ашхабад, ул. Комсомольская, 17.
Типография АН ТССР. Ашхабад, ул. Энгельса, 2.